33(09)
R 67

33
В 67

РАЗЪЯСНЕНІЕ
РАЦІОНАЛЬНЫХЪ ОСНОВАНІЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Матвѣя Волкова.

Книгозбірня Полт. Сп. Спож. Т-в

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1872.

Центральна Наукова Бібліотека Полтава
Київський інститут народного господарства БІБЛІОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Мая 1872 г.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по мойкѣ, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Предисловіе	. . . . .	I
Глава I.	Собственность	1
» II.	Полезность и цѣнность.	11
» III.	Произведенія и богатства.	22
» IV.	Способы производства богатствъ	35
» V.	Трудъ и заработная плата	45
» VI.	Раціональная заработная плата.	60
» VII.	Капиталъ и проценты	66
» VIII.	Мѣсто, занимаемое производствомъ, поземельная рента . .	78
» IX.	Оцѣнка поземельной ренты	93

ПРЕДИСЛОВІЕ.

НА СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ ВО ФРАНЦІИ [1]).

Экономисты и протекціонисты съ давнихъ временъ оспаривали другъ у друга вліяніе на общее мнѣніе и на правительства, по предмету внѣшней торговли, какъ вдругъ, посреди ихъ преній, явились на западѣ Европы новые противники экономистовъ—соціалисты. Это явленіе понудило экономистовъ удвоить свою дѣятельность, и, на нашихъ глазахъ, издано было во Франціи множество сочиненій о началахъ политической экономіи.

Въ трактатахъ своихъ авторы большею частью занимаются «предварительными понятіями» и «производствомъ богатствъ». Эту часть ихъ труда они излагаютъ съ тщаніемъ, оставляя прочія части сравнительно въ пренебреженіи. У иныхъ изъ нихъ **) даже рѣшительно утверждается, что «производство богатствъ» гораздо важнѣе «распредѣленія ихъ», составляющаго, по мнѣнію авторовъ, только второстепенную подробность.

Можетъ статься, авторы эти вполнѣ удовлетворены своею долею въ общемъ распредѣленіи богатствъ, и изученіе способовъ ихъ производства и умноженія остается для нихъ самымъ важнымъ предметомъ. Но таково ли мнѣніе тѣхъ тружениковъ, которыхъ доля

---

[1]) Вотъ имена тѣхъ изъ писателей, труды которыхъ, и между ними въ особенности двухъ первыхъ, какъ отличающихся множествомъ изданій, до сихъ поръ повторяющихся, мы наиболѣе имѣемъ въ виду: J. Garnier, H. Baudrillart, Courcelle—Seneuil, F. Bastiat, Ch. Dunoyer и др.

[2]) Courcelle — Seneuil. *Traité theorique et pratique d'économie politique* T. 1 p. 207.

столь мало соотвѣтствуетъ величинѣ ихъ труда, что часто при самой тягостной работѣ, имъ выпадаетъ не болѣе крайне необходимаго для жизни, хотя бы въ тоже время происходило несомнѣнное и значительное приращеніе общественнаго богатства.

Пусть бы авторы вмѣсто сужденій объ относительной важности предметовъ политической экономіи, по степени практической пользы, извлекаемой изъ нихъ въ извѣстную минуту, занялись оцѣнкою ихъ съ точки зрѣнія самой науки. Они увидѣли бы тогда, что вопросы, касающіеся распредѣленія богатствъ, наиболѣе трудны для ихъ рѣшенія, и потому наименѣе подвинуты впередъ. Не достаточно ли одного этого, чтобы привлечь къ ихъ разработкѣ энергическія усилія нѣкоторыхъ безкорыстныхъ умовъ?

Къ счастію интересъ науки затронутъ тутъ слишкомъ сильно, чтобы къ рѣшенію вопросовъ подобнаго рода приступали только ради чести человѣческаго разума, какъ еще не очень давно — по поводу вопросовъ о «теоріи чиселъ». Иначе, имъ предстоялъ бы рискъ испытать участь извѣстной задачи Ферма, которая осталась неразрѣшенною и была, наконецъ, вычеркнута изъ списка вопросовъ академическаго конкурса.

Естественные законы распредѣленія богатствъ представляютъ предметъ, не только болѣе богатый вопросами, сравнительно съ другими частями политической экономіи, но и болѣе важный, потому что отъ глубокаго изслѣдованія этихъ законовъ зависятъ преимущественно успѣхи науки. Самое изученіе «производства богатствъ» требуетъ положительныхъ свѣдѣній о ихъ «распредѣленіи», такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній невозможна постановка многихъ условій раціональнаго произведенія богатствъ. Напримѣръ, положеніе различныхъ промысловъ относительно рынка [1]), въ ихъ совмѣстничествѣ для своего помѣщенія, нельзя обозначить безъ достаточнаго выдѣла и опредѣленія «поземельной ренты.»

Отвѣчая на обвиненія невѣжественныхъ противниковъ и выходя совершенно изъ научнаго поля своего предмета, нѣкоторые авторы вообразили себя обязанными оправдывать нравственность политической экономіи,—какъ будто истина, въ какомъ бы то ни было родѣ знаній, могла быть когда нибудь заподозрѣна въ безнравственности! Для нравственности всякаго «предложенія» ему довольно быть ис-

[1]) *Уединенное Государство въ отношеніи къ общественной экономіи.* Изъ творенія І. Г. Фонъ-Тюнена, извлечено и приспособлено для русскихъ читателей. См. страницы 10—18. Продается въ Товариществѣ «Обществ. Польза». Цѣна 1 р.

тиннымъ. Голословная защита «предложенія» обнаруживаетъ только одно безсиліе доказать его.

Отдѣлъ трактатовъ подъ заглавіемъ «Производство богатствъ», не представляетъ всей той важности, которую, по убѣжденію сочинителей, они придали этой части ихъ труда, и не оправдываетъ—ни относительной ея обширности, ни излишества, наполняющихъ ее, толкованій. Изложеніе ихъ, по этому предмету, могло бы пожалуй служить введеніемъ въ науку, да и то не вполнѣ, потому что матеріалы, предназначаемые для возведенія зданія науки, должно изготовлять сообразно цѣли ихъ употребленія. Этого-то именно мы и не видимъ. Каждый писатель, опредѣляя и разбирая *полезность*, *цѣнность*, *произведеніе*, *работу*, *капиталъ* и пр., становится на свою исключительную точку зрѣнія и вдается въ сужденія, цѣль которыхъ поддержать мнѣнія, едва справедливыя въ нѣкоторыхъ лишь частныхъ случаяхъ. Для оправданія нашего мнѣнія о новѣйшихъ французскихъ трактатахъ, намъ кажется достаточнымъ заняться пересмотромъ наиболѣе обширнаго ихъ отдѣла: «производство богатствъ».

Авторы выставляютъ съ большимъ стараніемъ вредныя для производства слѣдствія регламентарнаго состоянія народнаго труда, и наоборотъ выгоды его свободы и свободной конкурренціи Но, возставая противъ вмѣшательства общественной власти, клонящагося къ ограниченію свободы труда, авторы не позаботились разсмотрѣть эту свободу въ ея сущности. При чтеніи ихъ подумаешь, что одного только отсутствія всякой опеки уже достаточно для неограниченной эманципаціи работниковъ. Этотъ односторонній взглядъ на свободу работы приводитъ писателей къ ошибочному мнѣнію, что никакое естественное препятствіе не помѣшаетъ согласію интересовъ различныхъ классовъ населенія, если имъ будетъ предоставлена только та свобода, которая одна у писателей въ виду, т.-е. свобода, потерянная законодательнымъ путемъ. Они, какъ кажется, не замѣчаютъ, что есть классы производителей, которымъ *естественно* недостаетъ нѣкоторыхъ средствъ дѣятельности; что, напримѣръ, *отсутствіе образованія* и *недостатокъ праздныхъ земель*—представляютъ препятствія свободѣ работы, не менѣе важныя и гораздо труднѣе преодолѣваемыя, чѣмъ тѣ, которыхъ причина въ стѣснительномъ законодательствѣ.

Говоря о случаѣ чрезмѣрнаго населенія и о пользѣ предусмотрительности въ брачныхъ союзахъ, авторы умалчиваютъ о томъ, что

при обиліи удобныхъ земель, естественному приращенію населенія незачѣмъ себя ограничивать. Напротивъ, туземное населеніе старается привлечь къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ странъ.

Не мало страницъ посвящается писателями «раздѣленію работы», указаніямъ выгодъ и невыгодъ этого раздѣленія и опредѣленію его естественныхъ предѣловъ. Первые экономисты, замѣтивъ вліяніе раздѣленія работы на производство, занялись подробнѣйшимъ его изслѣдованіемъ, и ихъ безсмертные труды по этому предмету были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Нынѣ, безъ сомнѣнія, нѣтъ никого, кто бы не былъ совершенно убѣжденъ въ пользѣ спеціальныхъ занятій, и современные авторы легко бы могли уволить себя отъ слишкомъ большаго налеганія на этотъ предметъ, чисто-описательнаго характера. Многія изслѣдованія, достойныя науки, достаточно обогатили политическую экономію для возможности составить изъ нихъ общій сводъ несравненно полезнѣе подобныхъ описаній, всегда болѣе утомительныхъ, чѣмъ поучительныхъ, при какомъ бы то ни было литературномъ талантѣ автора. Намъ кажется, замѣтимъ здѣсь кстати, что экономистамъ столь же не у мѣста придерживаться формъ и методъ Адама Смита, какъ натуралистамъ, напримѣръ, подражать щегольскимъ, но во всякомъ случаѣ устарѣлымъ описаніямъ Бюфона,—чего впрочемъ они и не дѣлаютъ. Пріобрѣтенія науки, послѣ ея первыхъ наставниковъ, сдѣлались уже до такой степени значительны, что автору трактата нельзя давать слишкомъ широкаго простора художественно-литературному элементу въ его трудѣ, не принося ему въ жертву элементъ научный, или не распространяясь до необычайныхъ размѣровъ.

Въ трактатахъ встрѣчаются часто свѣдѣнія объ ассоціаціяхъ производителей, но только свѣдѣнія, или, точнѣе, разсказы безъ положительнаго заключенія, или съ заключеніями ошибочными.

Ассоціація капиталовъ для предпріятій, доходы которыхъ предназначены къ раздѣлу между вкладчиками, принадлежитъ къ числу новѣйшихъ учрежденій и обѣщаетъ огромное развитіе въ будущемъ. Нельзя сказать того же о товариществахъ работниковъ, которыя разбираются пространно въ иныхъ трактатахъ, по поводу попытокъ 1848 г. во Франціи, въ эпоху соціальной горячки. По этому предмету находимъ множество аргументовъ за товарищества и противъ нихъ, и очень рѣдко, какіе-нибудь положительные выводы.

Мысль соединенія работниковъ въ производительныя общества проистекаетъ изъ желанія воспользоваться прибылями предприни-

мателя. Поэтому прежде всего возникаетъ вопросъ: «есть-ли въ подобныхъ прибыляхъ, что-нибудь такое, что бы можно было отдѣлить въ пользу работниковъ»?

Новый промыселъ въ предположеніи большой общественной отъ него пользы сопровождается безъ сомнѣнія чрезвычайными барышами, пока совмѣстничество не приведетъ ихъ къ обычному размѣру. Но, даже и въ этомъ переходномъ состояніи промысла, онъ не можетъ быть предоставленъ исключительному пользованію рабочихъ. Основанный на какомъ нибудь-открытіи, изобрѣтеніи или усовершенствованіи, онъ представляетъ личную собственность, которую ни предприниматели, ни ассоціація, не могутъ пустить въ ходъ безъ уступки изобрѣтателю всѣхъ выгодъ, превышающихъ обычную промышленную прибыль.

Мы разсуждаемъ въ предположеніи совершенной равноправности сдѣлокъ, и поэтому не допускаемъ со стороны изобрѣтателя никакихъ уступокъ, уменьшающихъ его вознагражденіе, сравнительно съ тѣмъ, которое бы онъ получилъ сверхъ обычной прибыли, занявшись осуществленіемъ своихъ идей самъ. Допустить подобныя уступки можно только въ томъ случаѣ, когда успѣхъ предпріятія кажется сомнительнымъ, и когда сбавка оправдывается рискомъ, который она должна покрыть.

И такъ, при отсутствіи всякой несправедливости и монополіи, прибыль предпринимателя новаго производства не можетъ превосходить, даже и на нѣкоторое время, обычную прибыль въ издавна-существующихъ промыслахъ, если предприниматель не самъ же и изобрѣтатель.

Спросимъ теперь: въ чемъ состоитъ *прибыль* предпринимателя, при нормальномъ состояніи промысла, уже испытавшаго и выдержавшаго борьбу съ совмѣстничествомъ?

Она состоитъ:

1. Изъ «преміи», покрывающей риски, для которыхъ нѣтъ страховыхъ учрежденій, и изъ «прибытка» собственно заключающаго въ себѣ

2. Вознагражденіе равное тому, которое платятъ обыкновенно наемному управляющему, и

3. Выгоду, происходящую отъ усилій и заботъ, на какія способенъ только тотъ, кто вкладываетъ въ предпріятіе свое состояніе и свое честное имя. [1])

---

[1]) Это опредѣленіе «прибыли» одно только вѣрное, принадлежитъ – нѣмецкимъ экономистамъ: Герману и Тюнену.

Часть прибыли предпринимателя, соотвѣтствующая незастрахованнымъ рискамъ, предназначена къ уничтоженію вслѣдствіе этихъ рисковъ. Очевидно, что общество рабочихъ не болѣе имѣетъ права считать ее въ числѣ своихъ барышей, какъ и предприниматель. Съ другой стороны производство, предпринятое обществомъ работниковъ, не менѣе нуждается въ распорядителѣ, какъ и составляющее чью нибудь личную собственность и, стало быть, часть прибыли предпринимателя, соотвѣтствующая его жалованью, въ качествѣ управляющаго, не войдетъ въ сумму прибылей для раздѣла между членами общества. Наконецъ то, что выручаетъ предприниматель сверхъ двухъ первыхъ частей прибыли, есть слѣдствіе неусыпныхъ стараній, возбуждаемыхъ у него несравненно сильнѣйшимъ интересомъ чѣмъ у управителя на жалованьѣ. Стало быть, подобному излишку выручки нѣтъ причинъ осуществиться въ рабочемъ обществѣ.

Намъ скажутъ, что каждый изъ товарищей, какъ заинтересованный въ увеличеніи количества и въ улучшеніи качества произведенія, будетъ лучше и прилежнѣе работать и, что такимъ образомъ выработка каждаго превзойдетъ размѣръ обыкновенной заработной платы. На это мы отвѣтимъ, что работая поурочно, работникъ одушевляется тѣмъ же стараніемъ и также увеличиваетъ свой заработокъ, сравнительно съ поденною платою, такъ-что ему незачѣмъ прибѣгать къ товариществу для того, чтобы выручка была соразмѣрна его старательности. Прибавимъ сюда еще, что, вообще, успѣхъ предпріятія зависитъ гораздо менѣе отъ старательности работниковъ,—лишь бы только она не была менѣе обыкновенной,—чѣмъ отъ трудовъ и заботъ предпринимателя, и что, поэтому, отсутствіе избытка въ выручкѣ, сверхъ содержанія наемнаго распорядителя, не можетъ быть вознаграждено приращеніемъ произведенія, котораго ожидаютъ отъ большихъ усилій работниковъ.

Изъ трехъ частей прибыли предпринимателя премія, покрывающая риски, опредѣляется свойствомъ промысла; содержаніе или жалованье управляющаго должно удовлетворять нуждамъ, вызываемымъ дѣловою жизнью и обиходомъ, котораго требуетъ достоинство начальника предпріятія; наконецъ, избытокъ выручки, сверхъ надлежащаго вознагражденія управляющему предпріятіемъ, соразмѣряется съ дѣятельностью предпринимателей.

Нынѣ, жалованье распорядителей превосходитъ, быть можетъ, указанный нами предѣлъ, потому что предложеніе подобныхъ услугъ недостаточно въ сравненіи съ потребностями ихъ въ промышленности.

Спеціальное образованіе и навыкъ въ дѣлахъ еще мало распространены. Люди, способные управлять промышленнымъ предпріятіемъ, слишкомъ рѣдки, чтобы выгоды предоставленныя имъ не возвышались значительно, вслѣдствіе дѣятельнаго требованія на услуги подобнаго рода. Эти большія выгоды могли возбудить притязанія на нихъ со стороны работниковъ; но для послѣднихъ существуетъ одинъ только способъ участвовать въ нихъ: это—пріобрѣсть достаточный запасъ свѣдѣній, умѣнья и нравственности, чтобы тоже выступать на поприще распорядителей.

Нѣсколько работниковъ, способныхъ завѣдывать промысломъ, поступили бы весьма неразсчетливо, соединяясь между собою и управляя имъ поочередно. Каждый изъ нихъ получилъ бы сполна всю выгоду распорядителя, если бы, для извлеченія наибольшей пользы изъ своихъ способностей, они всѣ заняли мѣста управителей въ различныхъ производительныхъ предпріятіяхъ.

Намъ не нужно было принимать въ соображеніе проценты съ употребленнаго капитала. Въ случаѣ займа его, проценты на него платились бы капиталисту; въ случаѣ собственнаго капитала, работники, употребляя его, извлекли бы не болѣе пользы при отдачѣ въ займы другому производителю, потому что проценты всегда соотвѣтствуютъ пользѣ капитала.

И такъ, обществамъ работниковъ, возникающимъ для эксплуатаціи промышленныхъ предпріятій, врядъ ли предстоитъ вѣроятность развитія въ будущемъ. Работники извлекутъ изъ подобныхъ учежденій не болѣе того, что они получаютъ подъ руководствомъ предпринимателя. При новомъ порядкѣ дѣлъ, валовая выручка промысла даже уменьшится на все количество ея, добываемое благодаря личному интересу предпринимателя, съ которымъ интересъ распорядителя на жалованьи никакъ не можетъ сравняться.

Намъ возразятъ, пожалуй: «да почему же обществу рабочихъ не обойтись безъ наемнаго распорядителя»? Потому что, когда дѣло идетъ объ общемъ раціональномъ экономическомъ законѣ, то нельзя допустить на самоотверженія кого-нибудь способнаго къ управленію производствомъ, который бы захотѣлъ войти въ общество работниковъ и дѣлить съ ними плоды своего искусства и своихъ личныхъ усилій, ни ошибки многихъ людей, способныхъ вести отдѣльно промышленныя предпріятія, и соединяющихся въ общество для раздѣла прибыли, когда каждый изъ нихъ могъ бы легко найти себѣ мѣсто главнаго распорядителя въ какомъ-нибудь производствѣ.

Тѣ авторы, по мнѣнію которыхъ самостоятельнымъ рабочимъ обществамъ предназначено распространяться болѣе и болѣе, и замѣнить современемъ предпринимателей, врядъ-ли имѣютъ точное понятіе о сущности «прибыли». Имъ воображается, что она содержитъ въ себѣ доходъ или чистую выручку, независимо отъ тѣхъ трехъ элементовъ, которые указаны выше. Будь такъ, общество работниковъ могло бы, конечно, этимъ воспользоватся; но этого нѣтъ при раціональномъ положеніи дѣлъ,—а если и можетъ быть, то не иначе, какъ въ промыслѣ, до котораго еще не коснулась конкурренція.

Правда, что, благодаря монополіямъ и привиллегіямъ, нѣкоторые промыслы доставляютъ предпринимателямъ ихъ чрезвычайную прибыль, и потому находятся въ положеніи весьма выгодномъ для эксплуатаціи обществомъ рабочихъ, именно потому, что здѣсь избытокъ прибыли не есть слѣдствіе трудовъ предпринимателя. Но подобный порядокъ вещей несправедливъ относительно потребителей, вреденъ для промышленныхъ успѣховъ государства и, стало быть, не можетъ разсматриваться въ смыслѣ «непремѣннаго» и служить основаніемъ для раціональнаго рѣшенія вопроса. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что всегда найдутся исключительные или маловажные промыслы, которые, не требуя почти никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ, ни, вслѣдствіе этого, расходовъ на управленіе, могутъ быть предпринимаемы обществомъ работниковъ и даже не иначе, какъ этимъ способомъ. Таковы, напримѣръ, общества артельщиковъ.

Участіе работниковъ въ прибыляхъ хозяина—другая мѣра, предлагаемая большею частію авторовъ, какъ для того, что бы увеличить количество произведенія, возбужденіемъ усердія работниковъ, такъ и для улучшенія ихъ участи. Въ этомъ случаѣ, кромѣ обычной заработной платы, работники получаютъ нѣкоторый процентъ съ чистаго барыша въ предпріятіи. Это не болѣе какъ изворотъ, приложимый исключительно къ промысламъ, возникающимъ вновь или огражденнымъ отъ соперничества. Но раціональные экономическіе законы относятся только къ предпріятіямъ въ ихъ нормальномъ состояніи, въ которомъ не отъ чего быть никакому абсолютно-чистому барышу, и при которомъ добытое произведеніе покрываетъ только непремѣнные расходы, случайныя потери и всѣ необходимыя возмездія. Въ подобныхъ предпріятіяхъ нѣтъ другихъ чистыхъ доходовъ, кромѣ должныхъ вознагражденій участникамъ въ производствѣ; каждый изъ

нихъ разсматриваетъ свое частное вознагражденіе, какъ чистый доходъ.

Оставивъ въ сторонѣ ренту владѣльца земли подъ производствомъ, измѣняющуюся сообразно мѣстнымъ удобствамъ, извѣстно, что вознагражденіе всѣхъ другихъ участниковъ въ производствѣ, со включеніемъ и предпринимателя, при всемъ различіи у различныхъ классовъ производителей, постоянно стремится къ выравниванію, для каждаго изъ нихъ, во всѣхъ промыслахъ страны, въ одну и туже эпоху, и становится такимъ образомъ должнымъ вознагражденіемъ. Большое нужно самоотверженіе предпринимателя, чтобы онъ, при одномъ только должномъ ему вознагражденіи, допустилъ участіе работниковъ въ доходахъ сверхъ обычной имъ платы. Подобная мѣра была бы великодушіемъ хозяина даже и тогда, когда бы его промыселъ, не испытавъ еще вліянія совмѣстничества, приносилъ ему необыкновенные барыши.

Во всякомъ случаѣ участіе рабочихъ въ промышленныхъ прибыляхъ подчинено произволу предпринимателя, и получаемая рабочими прибавка къ заработной платѣ есть не что иное, какъ награда. Наукѣ нечего тутъ разсматривать, ни въ отношеніи къ размѣру, ни даже къ существованію подобной уступки, вполнѣ зависящей отъ податливости хозяина предпріятія.

Но что значитъ, однако, это обращеніе къ чувствамъ предпринимателя, если не косвенное сознаніе въ недостаточности обыкновенной заработной платы работникамъ? Авторы не останавливаются на этомъ, и продолжаютъ утверждать, что даже въ настоящемъ состояніи странъ съ густымъ населеніемъ производимое богатство распредѣляется справедливо между имѣющими на него право. Это мнѣніе, поставленное рядомъ съ тѣмъ сознаніемъ, привело бы къ заключенію, что заработная плата, неограниченно подверженная всѣмъ возможнымъ измѣненіямъ предложенія и запроса рабочихъ рукъ справедлива даже и тогда, когда она недостаточна.

Недостаточность заработной платы, подразумѣваемая въ сужденіяхъ авторовъ—фактъ истинный; но мнѣніе ихъ насчетъ справедливости раздѣла произведеній—ошибочно. Плата работникамъ, когда она устанавливается единственно отношеніемъ предложенія къ требованію работы, есть слѣдствіе такого положенія вещей, гдѣ нѣтъ уже занятій, доступныхъ всѣмъ рабочимъ, въ которыхъ бы они могли производить цѣнности, превышающія ихъ пониженную плату.

Затруднительно должно быть положеніе тѣхъ странъ, въ которыхъ

приходится отыскивать искусственныя средства для соглашенія интересовъ рабочаго класса и предпринимателей;—въ чемъ, будь сказано мимоходомъ, экономисты не совсѣмъ-то имѣютъ право упрекать соціалистовъ, потому что и сами предлагаютъ составленіе обществъ работниковъ, участіе ихъ въ барышахъ, и тому подобныя произвольныя мѣры.

Въ странѣ промышленной, съ свободными землями, раздѣлъ произведенія между капиталистами и работниками происходитъ естественно справедливо. Изъ наблюденій видно, что въ подобныхъ странахъ размѣръ заработной платы всегда выше необходимаго для поддержанія силы и числа рабочаго населенія, даже въ томъ случаѣ, когда бы общее произведеніе понизилось до того, что часть, достающаяся капиталу, соотвѣтствовала ничтожнымъ на него процентамъ [1]). Этотъ порядокъ дѣлъ, самый существенный для свободы работы, не допускаетъ употребленія работниковъ въ работахъ малопроизводительныхъ и понижающихъ плату имъ до недостаточной величины. Каково бы ни было тогда предложеніе рукъ, онѣ всегда найдутъ выгодное занятіе. Работникъ получаетъ полную свою часть, по праву ему достающуюся, а такъ какъ часть эта всегда болѣе чѣмъ достаточна для его содержанія, то щедрость хозяина становится неумѣстною, что болѣе согласно съ достоинствомъ работника.

Положеніе странъ, гдѣ обращаются къ человѣчнымъ чувствамъ предпринимателей въ пользу рабочаго класса, таково именно, какого невозможно избѣгнуть никакому семейству органическихъ существъ—растеній или животныхъ, когда при ограниченномъ пространствѣ размноженіе его переходитъ за предѣлъ способовъ существованія, предоставленныхъ ему природою. Но человѣку недостойно подчиняться подобной неизбѣжности. Въ постоянной борьбѣ своей съ природою онъ всегда выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, и можно надѣяться, что когда нибудь онъ достанетъ себѣ во всякой странѣ тѣ выгоды, которыми пользуются нынѣ однѣ только многоземельныя страны. Главнѣйшія для этого условія: чрезвычайное удобство и совершенная свобода переселенія. Занимаясь «капиталомъ,» авторы распространяются на счетъ пользы машинъ и выгодности ихъ для рабочаго класса. Нельзя сказать, чтобы они отрицали временное стѣсненіе работниковъ отъ внезапнаго и всеобщаго введенія

---

[1]) Уэд. Гос. Стр. 336—341.

механическихъ двигателей и всякаго другаго способа или пріема, замѣняющаго усилія человѣка силами природы; но возвышеніе заработной платы, обнаруживающееся послѣ развитія производства и потребленія, возбужденныхъ болѣе легкимъ добываніемъ богатствъ, остается постояннымъ.

Къ сожалѣнію, машины не обезпечиваютъ постоянство заработной платы, когда на нее дѣйствуетъ отношеніе предложенія къ запросу рукъ. Если теперь въ Европѣ заработная плата возвысилась, благодаря экономіи въ способахъ производства, то возвышеніе это можетъ продолжаться до тѣхъ только поръ, пока размноженіе рабочаго населенія не понудитъ вновь предпринимателей къ употребленію послѣдне-прибылыхъ работниковъ для малопроизводительныхъ работъ, вслѣдствіе чего плата понизится опять соразмѣрно уменьшенію пользы отъ работы.

Если бы заработная плата, возвысившаяся вслѣдствіе употребленія новой машины, оставалась, въ самомъ дѣлѣ, всегда постоянною, тогда бы послѣ каждаго новаго сбереженія силъ человѣческихъ въ производствѣ происходило новое возвышеніе платы, и она давно бы уже достигла до раціональной своей величины, т.-е. до той, которую нельзя превзойти безъ ущерба самимъ работникамъ. Эти послѣдніе, сдѣлавшись тогда при помощи своихъ сбереженій отчасти и капиталистами, были бы заинтересованы въ удержаніи процентовъ на извѣстной высотѣ, до которой слишкомъ высокая заработная плата не позволила бы капиталамъ достигнуть.

Къ сожалѣнію, по причинѣ приращенія народонаселенія, вызываемаго всегда возвышеніемъ заработной платы, возвышеніе это, какъ слѣдствіе введенія машинъ и другихъ усовершенствованій, не удерживается. Слѣдующія затѣмъ и безпрерывныя улучшенія средствъ производства могутъ только поддерживать заработную плату на одномъ уровнѣ съ потребностями работника. Возвысить ее на сколько нибудь продолжительное время они могутъ тогда только, когда какое-нибудь изобрѣтеніе произведетъ вдругъ радикальный переворотъ въ производствѣ.

Таково было изобрѣтеніе паровой машины, и таково же оказывается нынѣ устройство желѣзныхъ дорогъ, дѣйствіе которыхъ на увеличеніе благосостоянія народныхъ массъ не вездѣ еще уничтожилось отъ приращенія населенія. Впрочемъ, даже и въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ возвышеніе заработной платы въ многолюдныхъ государствахъ не представляетъ такой общности и значительности,

какъ стараются увѣрить себя въ томъ многіе авторы. Если бы въ самомъ дѣлѣ было такъ, какъ имъ кажется, то всѣ работы, доставляющія цѣнность меньшую противъ заработной платы, въ ея вновь возвышенномъ размѣрѣ, были бы брошены, и многіе изъ прежнихъ промышленныхъ заведеній прекратили бы свои дѣла, или по крайней мѣрѣ ограничили ихъ тѣми занятіями, выручка которыхъ достаточно покрываетъ издержки производства, увеличенныя возвышеніемъ заработной платы. Между тѣмъ едва ли найдется нѣсколько изъ наименѣе производительныхъ работъ, прекращаемыхъ при появленіи и распространеніи новыхъ значительныхъ промысловъ.

Въ государствахъ *обильныхъ годною къ обработкѣ землею*, при какомъ бы то ни было приращеніи населенія, заработная плата можетъ понижаться не иначе, какъ сообразно уменьшенію выгоды отъ качества и положенія земель послѣдовательно занимаемыхъ, тогда какъ въ государствахъ, *не имѣющихъ свободныхъ земель*, плата рабочимъ, лишенная всякой поддержки внѣ отношенія запроса къ предложенію работы, понижается по мѣрѣ увеличенія населенія. *Тамъ* заработная плата стоитъ всегда выше потребностей работника, а *здѣсь* приращеніе населенія можетъ понизить ее ниже необходимой для существованія. Тамъ населеніе умножается неопредѣленно, а здѣсь приращеніе его задерживается пониженіемъ заработной платы, которое само есть слѣдствіе этого приращенія. Тамъ незанятыя еще земли очезпечиваютъ работниковъ въ приложеніи труда, всегда прибыточномъ, а здѣсь они принуждены идти на малопроизводительныя занятія. Тамъ по причинѣ дороговизны изобрѣтеніе способовъ замѣнять усиліе человѣка силами природы гораздо полезнѣе, и предприниматели отыскиваютъ эти способы съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ работа менѣе оплачивается. Тамъ введеніе машинъ не встрѣчаетъ никакой непріязни со стороны ручной работы, тогда какъ здѣсь онѣ становятся для нея въ первое время опаснымъ соперникомъ Тамъ, при сокращеніи издержекъ производства столько же полезнаго для работниковъ, водворяющихся на свой счетъ на свободной землѣ, сколько и для предпринимателей, раздѣленіе продукта между капиталистами и работниками совершается всегда раціонально, и заработная плата возрастаетъ одновременно съ доходомъ капиталистовъ. Здѣсь, напротивъ, нѣтъ причинъ къ дѣлежу продукта такимъ образомъ, чтобы работникъ выигрывалъ отъ введенія способовъ, увеличивающихъ выручку на тотъ же капиталъ и ту же работу. Сначала одинъ только капиталъ пользуется этимъ, и тѣмъ бо-

лѣе, что вслѣдствіе увольненія части рабочихъ рукъ ихъ предложеніе увеличивается и понижаетъ плату имъ. Только позднѣе, если совершившійся прогрессъ опередилъ приращеніе рабочаго населенія, это послѣднее участвуетъ въ умноженіи произведенія, да и то до тѣхъ только поръ, пока прибывающее предложеніе работы не собьетъ опять заработную плату.

Сдѣланная нами параллель справедлива для двухъ народовъ одинаковой образованности, равно способныхъ и промышленныхъ. Въ самомъ строгомъ смыслѣ она относится къ предположенію двухъ противоположныхъ поземельныхъ условій, прилагаемыхъ къ одному и тому же народу въ ту же эпоху.

Достовѣрно, что у отсталыхъ населеній, хотя и съ обширными землями, встрѣчаются бѣдствія почти неизвѣстныя образованнымъ обществамъ при маломъ количествѣ земель. Населеніе, разбросанное по большому пространству, всегда менѣе успѣваетъ въ промышленности и менѣе богатѣетъ, чѣмъ населеніе густое. Что справедливо въ отношеніи къ различнымъ народамъ, находящимся въ различныхъ обстоятельствахъ въ ту же эпоху, то одинаково справедливо и для той же націи, если сравнить условія быта, чрезъ которыя она перешла съ начала ея существованія, и нельзя сомнѣваться въ прогрессѣ благосостоянія націй, совершившемся благодаря приращенію капитала, въ то самое время, какъ отношеніе пространства ихъ территоріи къ числу народонаселенія постоянно уменьшалось.

Многіе авторы современныхъ трактатовъ останавливаются на этомъ послѣднемъ сравненіи и употребляютъ его на тотъ конецъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ предъидущаго, и даже чтобы совершенно не признавать его. Здѣсь мы видимъ съ ихъ стороны недоразумѣніе или желаніе,—весьма похвальное, но нисколько не согласное съ научнымъ требованіемъ.—успокоить умы, еще недавно волновавшіеся отъ преувеличеній соціальной школы, по поводу несогласія между капиталомъ и работою.

Благосостояніе работниковъ увеличивалось безспорно по мѣрѣ того, какъ населеніе густѣло, но не по причинѣ постепеннаго уменьшенія свободныхъ земель, а напротивъ, несмотря на этотъ невыгодный фактъ.

Обладаніе обширными незанятыми пространствами точно такъ же не предполагаетъ рѣдкаго разселенія жителей, какъ густое населеніе не соотвѣтствуетъ непремѣнно недостаточности земель, которыми оно можетъ располагать. *Многолюдность страны при находящих-*

ся подъ рукою еще не тронутыхъ и годныхъ для обработки земляхъ,— таково одно изъ самыхъ существенныхъ условій для наибольшаго приращенія и справедливѣйшаго раздѣла богатствъ государства.

У народовъ весьма смышленыхъ и дѣятельныхъ, но небогатыхъ свободными землями, всегда существуетъ нѣкоторый предѣлъ заработной платы, ниже котораго работникъ терпитъ нужду. Этотъ нисшій предѣлъ платы не всегда и не вездѣ одинаковъ. Онъ зависитъ большею частію отъ привычекъ рабочаго класса, и можетъ возвышаться изъ вѣка въ вѣкъ, что и происходило дѣйствительно, судя по наиболѣе достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Но привыкнувъ удовлетворять свои потребности лучше и обширнѣе, работникъ не менѣе страдаетъ отъ настоящихъ его лишеній, какъ страдалъ нѣкогда при пониженіи выработки до невозможности удовлетворять тогдашнимъ его нуждамъ.

Для убѣжденія въ этомъ достаточно одного факта: возьмемъ, напримѣръ, употребленіе бѣлья, неизвѣстнаго древнимъ, а нынѣ сдѣлавшагося предметомъ первѣйшей необходимости, лишеніе котораго обличаетъ въ наше время крайнюю бѣдность. Впрочемъ, хотя бы постоянно прогрессивное развитіе промышленности и успѣло, въ наиболѣе населенныхъ странахъ, поддержать заработную плату нѣсколько выше необходимой потребности работниковъ безъ предоставленія свободныхъ земель прибывающему народонаселенію, все-таки правомѣрность не была бы удовлетворена. Она тогда бы только удовлетворилась, когда бы раздѣлъ продукта между капиталомъ и работою установился со всею тою справедливостію, съ которою онъ устанавливается естественно при изобиліи земель.

И такъ, заработная плата, опредѣляющаяся однимъ только отношеніемъ запроса къ предложенію работы, не есть справедливое вознагражденіе, на которое всегда должно соглашаться, не стараясь его избѣгнуть, какъ силятся убѣдить насъ въ этомъ авторы трактатовъ. Подобная плата происходитъ отъ недостатка успѣховъ общественной промышленности, въ чемъ общество и предупреждается недугомъ, который оно чрезъ это испытываетъ. Но было бы несправедливо обвинять въ этомъ капиталъ или предпринимателей, потому что во время обилія рабочихъ рукъ уменьшеніе пользы работы и сокращеніе платы за нее—одновременны. Поэтому послѣдній работникъ, поступившій на работу, вырабатываетъ не болѣе того, что ему приходится въ вознагражденіе.

Вопросъ объ удовлетвореніи работниковъ, насколько онъ принад-

лежитъ раціональной политической экономіи, для насъ разрѣшенъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что для естественно—правомѣрнаго раздѣла произведенія надобно открыть нынѣ безвыходно загороженнымъ населеніямъ свободный и легкій доступъ къ незанятымъ еще мѣстностямъ. Способы достиженія до этого не принадлежатъ нашей наукѣ, а если и касаются до нея, то развѣ только въ отношеніи къ развитію финансоваго кредита, необходимаго для приведенія въ исполненіе проэктовъ, ожидаемыхъ отъ механики и строительнаго искусства. Что до законодательства и политики, которыя должны быть приняты государствами для того, чтобы распредѣленіе богатствъ происходило согласно естественной правомѣрности, то они должны имѣть основаніемъ принципъ совершенной свободы внутренней промышленности, международныхъ сношеній и какъ внутренняго, такъ и внѣшняго перехода и переселенія производителей. Эти условія непремѣнно когда-нибудь осуществятся подъ напоромъ общественныхъ недуговъ и по чувству справедливости, которое должно возбудиться, какъ только настанетъ всеобщее убѣжденіе въ возможности предоставить заработной платѣ свободу устанавливаться съ большею справедливостію, чѣмъ то дѣлается однимъ случайнымъ измѣненіемъ предложенія и запроса рукъ. [1])

По поводу согласія между капиталомъ и работою находимъ у нѣкоторыхъ авторовъ положеніе, принадлежащее Ф. Бастіа и возводимое ими въ общій экономическій законъ. Вслѣдствіе его, когда капиталы въ государствѣ умножаются, то богатства, производимыя все въ большемъ и большемъ количествѣ, раздѣляются такъ, что часть, достающаяся капиталу, уменьшается относительно общей суммы произведеній, хотя въ тоже время и увеличивается абсолютно, тогда какъ часть, принадлежащая работѣ, увеличивается въ обоихъ отношеніяхъ. Раздѣленіе произведенія происходитъ такимъ образомъ болѣе и болѣе въ пользу работы, такъ какъ часть произведенія, приходящаяся капиталистамъ, постоянно убываетъ относительно той, которая остается работникамъ.

Авторы указываютъ сперва на то, что пониженіе процентовъ есть слѣдствіе накопленія капиталовъ, но что это относительное уменьшеніе дохода капиталистовъ сопровождается его собственнымъ уве-

[1]) Г. Дюнойэ, который, казалось ему, исчерпалъ все, что можно сказать о свободѣ работы, даже и не упоминаетъ объ одной изъ самыхъ необходимыхъ, именно—о свободномъ пріобрѣтеніи незанятой мѣстности.

личеніемъ. Само собою разумѣется, что капиталисты только тогда умножаютъ свои капиталы, когда общая сумма ихъ доходовъ отъ этого увеличивается. На этомъ условіи они продолжаютъ капитализацію, и тогда отъ увеличенія капитала понижаются его проценты. И въ самомъ дѣлѣ, что нужды до того, что часть ихъ произведенія увеличивается менѣе быстро, чѣмъ капиталъ? Пока она увеличивается хоть сколько-нибудь, для нихъ все еще выгодно капитализировать. При этомъ они всегда могутъ недопустить пониженіе процентовъ—насколько оно происходитъ отъ накопленія капиталовъ—до абсолютнаго уменьшенія ихъ части въ продуктѣ; стоитъ только не доводить до такой степени умноженіе капиталовъ.

Но отчего проценты понижаются при увеличеніи капитала? Авторы нисколько этого не объясняютъ. Процентъ есть отношеніе дохода къ доставляющему его капиталу; слѣдовательно пониженіе процента показываетъ уменьшеніе дохода съ капитала, то есть, уменьшеніе его производительности или полезности. Стало быть, пониженіе процентовъ должно приписать уменьшенію пользы капиталовъ въ ихъ приложеніи къ промысламъ страны.

Такъ какъ авторы принимаютъ за истину, что скопленіе капиталовъ вызываетъ всегда пониженіе процентовъ, то они полагаютъ, хотя и умалчивая объ этомъ, что вновь прилагаемые капиталы всегда менѣе производительны прежде вложенныхъ въ производство. Они, какъ кажется, не догадываются, скажемъ кстати, что, связывая пониженіе процентовъ съ прогрессомъ капитализаціи, подтверждаютъ экономическій законъ, непризнаваемый ими въ другихъ случаяхъ, чтобы не быть вынужденнымъ допустить происходящую отъ этого на закопоземельную ренту, которая ими прямо отвергается.

Объяснивъ, какимъ образомъ доходъ капиталиста можетъ увеличиваться во время пониженія процентовъ, авторы выставляютъ мнѣніе, по крайней мѣрѣ опрометчивое, по которому пониженіе процентовъ «значитъ», что капиталъ получаетъ меньшую часть изъ полной выручки. Ничто этого не доказываетъ. Положимъ, напримѣръ, что въ какомъ нибудь предпріятіи работа и 10,000 руб. капитала доставляютъ ежегодно на 1000 руб. продукта, который раздѣляется пополамъ между капиталомъ и работою. Можетъ случиться, что при возвышеніи капитала до 20,000 руб. получалось бы продукта на 16,000 р., изъ которыхъ 900 р. были бы предоставлены капиталу, а 700 р. работѣ. Предпріятіе, предложенное въ подобныхъ условіяхъ, можетъ быть охотно принято работниками, которыхъ выручка уве-

личилась бы на 200 р., или на 40, сравнительно съ прежнею выручкою въ 500 р. Прежде увеличенія капитала онъ получалъ $\frac{500}{1000}$ или 50 на 100 общаго произведенія; послѣ увеличенія онъ беретъ $\frac{900}{1600}$ или $56\frac{1}{2}$ на сто. Но въ отношеніи къ ихъ капиталу выручка капиталистовъ уменьшилась: они выручали $\frac{500}{10.000}$ или 5 на 100, а теперь выручаютъ только $\frac{900}{20.000}$ или $4\frac{1}{2}$ на 100.

И такъ неправда, чтобы пониженіе процентовъ означало всегда уменьшеніе участія капитала въ общей выработкѣ. Часть произведенія, приходящагося на долю капитала, уменьшается всегда при пониженіи процентовъ, но въ отношеніи къ нему самому, а не къ общевыработанному произведенію.

63939

Судя по увѣренности, съ которою авторы утверждаютъ, что пониженіе процента значитъ меньшее участіе капитала въ общемъ произведеніи, должно думать, что они предполагаютъ умноженіе этого произведенія всегда пропорціональнымъ приращенію капитала. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, пониженіе процента, предполагая его возможнымъ, не могло бы состояться безъ уменьшенія участія капиталиста въ общемъ произведеніи, такъ какъ это произведеніе оставалось бы по предположенію въ постоянномъ отношеніи къ капиталу, Но авторы должны бы замѣтить, что если произведеніе увеличивается пропорціонально капиталу, то пониженіе процента невозможно. Тогда нѣтъ уменьшенія относительной части, отдѣляемой капиталистомъ отъ произведенія, ни уменьшенія полезности капитала.

Пониженіе процента не можетъ произойти иначе, какъ если капиталъ приращается быстрѣе произведенія, и мы передъ этимъ доказали, что въ подобномъ случаѣ участіе капитала въ раздѣлѣ произведенія можетъ какъ увеличиться, такъ и уменьшиться относительно произведенія. Но какова бы ни была часть, достающаяся работникамъ, каждый изъ нихъ воспользуется ею тогда только, когда притомъ и частная его выручка увеличится. Для этого нужно, чтобы рабочее населеніе размножалось медленнѣе, чѣмъ приращается достающаяся ему часть произведенія; а понятно, что работникамъ несравненно труднѣе остановить увеличеніе ихъ числа, въ видахъ предупрежденія упадка заработной платы, чѣмъ капиталистамъ остановить скопленіе капиталовъ для предупрежденія упадка ихъ дохода.

Разсмотрѣвъ производство вообще, авторы дѣлаютъ классификацію промысловъ и группируютъ ихъ подъ названіями, выражающими общій характеръ многихъ изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, разведеніе до-

машнихъ животныхъ, лѣсоводство, обработка растеній и пр. названы *территоріальными* или *земледѣльческими промыслами*. Группа промысловъ охотничьихъ, рыболовныхъ и горныхъ названа *извлекающими промыслами*. Промыслы *мануфактурные*, *коммерческіе* и *перевозочные*, или *извозные*, всегда были извѣстны подъ этими названіями въ обычномъ языкѣ. Такимъ образомъ важнѣйшіе промыслы сгруппированы въ пять классовъ.

Нѣкоторые изъ авторовъ раздѣляютъ промышленную дѣятельность человѣка на два рода: промыслы *матеріальные*, занимающіеся вещественными предметами, и промыслы *невещественные*, занимающіеся самымъ человѣкомъ. На самомъ дѣлѣ невещественныхъ промысловъ не существуетъ, весьма малое число профессій имѣютъ своимъ назначеніемъ непосредственное дѣйствіе на человѣка,—на его тѣло только. Всѣ интеллектуальныя и наиболшая часть тѣлесныхъ пріобрѣтеній человѣка суть результаты *его собственныхъ усилій*. Произведенія другихъ людей ему служатъ, конечно, способами пріобрѣтенія личныхъ качествъ, но всѣ, какія бы ни были произведенія, безъ всякаго исключенія, служатъ ему въ той же степени: произведенія долговѣчныя, столько же сколько и кратковременныя, каковы, напримѣръ, уроки преподавателя.

Промышленность земледѣльческая болѣе другихъ изучается авторами. Къ сожалѣнію, имъ неизвѣстны изслѣдованія Тюнена по этому предмету. Они исчисляютъ выгоды и неудобства большихъ и малыхъ помѣстій, но не могутъ дать никакого рѣшенія вопросу. Вопросъ этотъ даже предлагается не такъ, какъ бы слѣдовало, именно: какую обширность должно имѣть землевладѣльческое заведеніе, чтобы оно приносило наибольшій доходъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ?

Оказывается, что чѣмъ выше цѣна произведеній на мѣстѣ, тѣмъ менѣе выгодно распространять разработку земли, и что, напротивъ, обширныя запашки даютъ болѣе дохода при низкой цѣнѣ продуктовъ. Само собою разумѣется, что вопросъ нашъ относится только къ обширности фермъ, а вовсе не къ величинѣ помѣстья. Одинъ ли владѣлецъ большаго количества земель устроитъ нѣсколько фермъ, или многіе владѣльцы, соединивъ свои небольшіе участки земли, заведутъ одну только ферму,—это нисколько не касается экономіи обработки.

Для раціональности производства нужно только, чтобы каждая ферма была учреждена въ выгоднѣйшихъ размѣрахъ, которые зави-

сятъ отъ цѣны главнѣйшихъ изъ производимыхъ продуктовъ. Въ каждомъ частномъ случаѣ землевладѣлецъ можетъ, примѣрными разсчетами, найти предѣлъ расширенія полей, соотвѣтсвующій наибольшему доходу.

Очевидно, послѣ этого, что всякіе толки на счетъ большихъ и малыхъ поземельныхъ владѣній должны прекратиться, какъ совершенно чуждые земледѣльческой экономіи. Они могли бы продолжаться только съ точки зрѣнія чисто политической, административной или правительственной, что не входитъ въ предметъ нашего изученія. Мы скажемъ, однако, что если бы налогъ падалъ на поземельную ренту и поглощалъ ее, за исключеніемъ недавно образовавшейся ея части, то не было бы чрезмѣрно большихъ поземельныхъ владѣній, потому что тогда земля приносила бы только обычные проценты на капиталъ и обыкновенную въ земледѣліи плату за работу, что было бы выгодно только тому, кто самъ лично занимается хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ. Обширность владѣнія ограничится тогда возможностью управить имъ одному человѣку.

Вопросъ о выгоднѣйшей обширности полей фермы предлагаемъ мы тоже вниманію публицистовъ, не согласныхъ въ оцѣнкѣ общиннаго владѣнія землею. Въ этомъ порядкѣ каждый членъ общины владѣетъ полосою земли во всякомъ изъ различныхъ качествомъ участковъ поля, но только до тѣхъ поръ, пока новый передѣлъ земли, вызванный увеличеніемъ населенія общины, не передвинетъ полосъ этихъ или не отрѣжетъ отъ нихъ нѣкоторую часть.

Въ отношеніи къ выгоднѣйшей величинѣ полей этотъ порядокъ какъ нельзя болѣе негоденъ. Производительность столь слаба въ немъ, что часто не только не получается избытка для вывоза, но даже оказывается недостатокъ въ потребленіи самой общины. Однако бѣдность, частое слѣдствіе размельченной и неполной собственности, представлялась гораздо меньшимъ зломъ, чѣмъ насиліе сильныхъ сосѣдей или мѣстныхъ начальствъ, которому отдѣльные собственники были бы постоянно подвержены.

Извѣстныя авторамъ системы отдачи земель въ обработку описаны въ трактатахъ подробно, тогда какъ многіе предметы, прямѣе относящіеся къ политической экономіи, не находятся въ нихъ. Таковы, напримѣръ, вліяніе на производство слишкомъ эксцентрическаго положенія усадьбы въ отношеніи къ полямъ, изысканія касательно взаимной зависимости, существующей между густотою населенія, плодородіемъ земли, разстояніемъ отъ рынка, цѣною хлѣба

системою сѣвооборота, обширностію полей *) и пр. Бросимъ здѣсь бѣглый взглядъ на нѣкоторые изъ этихъ спеціально-хозяйственныхъ вопросовъ.

Земледѣльческія разсчеты показали огромную растрату производительныхъ силъ, происходящую отъ излишняго разстоянія между усадьбою и ея полями, которое можно бы уменьшить посредствомъ обмѣна участковъ земель между сосѣдними владѣніями, часто перепутанными, такъ называемымъ, чрезполоснымъ положеніемъ ихъ. Тѣже разсчеты показываютъ, что хозяйства, въ которыхъ предпочитается занимать болѣе земли, чѣмъ усиливать плодородіе меньшихъ пространствъ, выгодны, когда цѣна зерноваго хлѣба низка. Это имѣетъ мѣсто въ странахъ малонаселенныхъ и трудно-сообщающихся съ значительными промышленными центрами. Въ подобныхъ странахъ, земля малоцѣнна и раздѣляется на обширныя помѣстья При обстоятельствахъ, противоположныхъ этимъ послѣднимъ, выгоднѣе, напротивъ, усиливать плодородіе, чѣмъ увеличивать пространство обработываемой земли. Увеличеніе и поддержаніе растительной силы почвы требуетъ издержекъ, которыя могутъ быть покрыты съ избыткомъ только при высокой цѣнѣ произведеній. Это послѣднее условіе есть слѣдствіе тѣснаго заселенія и близости рынковъ. Поземельная собственность при этомъ дорога и весьма подраздѣлена. Наконецъ, выгоднѣйшее протяженіе полей фермы тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ почва плодороднѣе и цѣна продуктовъ выше.

Послѣ *земледѣльческихъ промысловъ*, въ другихъ промышленныхъ группахъ, мы не встрѣчаемъ у сочинителей новѣйшихъ трактатовъ ничего, истинно достойнаго занять мѣсто въ программѣ экономическихъ уроковъ. Извѣстно, что литературная форма часто скрываетъ недостаточность содержанія и что, расположивъ симметрически небольшое число фактовъ и предложеній, можно провести тѣже сравненія, уподобленія и параллели чрезъ длинный рядъ главъ, какъ сдѣлалъ Дюнойэ въ своихъ трехъ томахъ. Но за исключеніемъ этихъ литературныхъ пріемовъ и того, что относится къ технологіи все, что мы находимъ у авторовъ по поводу промысловъ, ограничивается слѣдующимъ:

Мануфактурная промышленность защищается противъ полагаю-

---

*) Подробности по всѣмъ этимъ вопросамъ находятся въ упомянутомъ уже извлеченіи изъ «Уединеннаго Государства» Тюнена

щихъ въ ней причину пауперизма. Защита основана на томъ, что разбросанное населеніе бѣдствуетъ болѣе густаго. Но авторы забываютъ сказать, что эта густота имѣетъ нѣкоторый предѣлъ, за которымъ пауперизмъ увеличивается скорѣе народонаселенія.

Подъ заглавіемъ «*Извлекающіе промыслы*» трактаты заключаютъ въ себѣ понятія о законоположеніяхъ, которымъ подчинены эти промыслы въ отечествѣ авторовъ. Встрѣчаются тоже сужденія о правахъ государства, владѣльца земли и открывшаго рудникъ; но рѣшенія вопроса нѣтъ.

По поводу *перевозочныхъ* промысловъ встрѣчаемъ хвалебныя выходки на счетъ пользы желѣзныхъ дорогъ; но тутъ нѣтъ ничего научнаго; это — продуктъ воображенія, не требовавшій глубокихъ познаній ни въ какой части политической экономіи. Прибавивъ къ этому едва затронутое сравненіе дорогъ съ каналами, въ отношеніи къ экономіи перевозки и нѣсколько доводовъ за и противъ устройства путей сообщенія частными людьми или правительствомъ, будемъ имѣть почти все, что предлагается читателю по предмету перевозочныхъ промысловъ.

Наконецъ *коммерческіе* промыслы, которые можно разсматривать какъ промыслы, посредничествующіе между производителемъ и потребителемъ, весьма легко оправдываются авторами противъ безсмысленныхъ нападокъ на купеческое сословіе, будто-бы ничего не производящее.

Авторъ иногда заканчиваетъ взглядомъ на промыслы въ ихъ общности и на ихъ взаимную зависимость. Взгляды подобнаго рода обыкновенно бываютъ наполнены общими мѣстами; между тѣмъ въ политической экономіи можно было бы заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ, вмѣсто литературныхъ упражненій на заданную себѣ тэму.

И вотъ какъ новѣйшіе писатели излагаютъ ту часть политической экономіи, которая занимается «производствомъ богатствъ», и которой у нихъ посвящено наиболѣе старанія. Другія части науки, и между ними относящаяся къ «распредѣленію богатствъ», менѣе важныя, по мнѣнію авторовъ, натурально, еще слабѣе. Особенно слабы французскіе экономисты по предмету поземельной ренты, не лучше понимаемой защитниками теоріи Рикардо, какъ и его противниками.

Удивительно ли послѣ этого, что во Франціи люди здравомыслящіе, напримѣръ, покойный А. Дюпенъ и знаменитый историкъ Тьеръ, но

чуждые наукѣ экономистовъ, судятъ о ней только по наиболѣе разошедшимся въ публикѣ трактатамъ и потому недовѣрчивы къ ней до отрицанія? Они видятъ въ политической экономіи по большей мѣрѣ одни этюды, отъ которыхъ еще далеко до составленія свода неоспоримыхъ истинъ, довольно многочисленныхъ и тѣсно связанныхъ между собою, чтобы ихъ можно было признать за самостоятельную науку, требующую только дальнѣйшаго развитія.

Между тѣмъ условія для принятія политической экономіи въ число наукъ съ прочнымъ основаніемъ уже удовлетворены. Къ сожалѣнію, авторы наиболѣе популярные еще не ознакомились съ важными трудами, подвинувшими со времени Адама Смита излагаемую ими науку.

Препятствіе, встрѣченное ими, заключается въ методѣ послѣднихъ изслѣдованій, методѣ—чисто научной, къ которой они не привыкли и которую даже отвергаютъ, хотя она только одна и могла привести къ достигнутымъ результатамъ. Въ ихъ глазахъ метода эта несовмѣстна со духомъ науки, считаемой ими исключительно въ числѣ наукъ нравственныхъ и наблюдательныхъ, тогда какъ она, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже большею частію, наука положительная, точная и требующая приложенія къ ней математическихъ пріемовъ, разсчетовъ и вычисленій.

Плачевны для политической экономіи слѣдствія того, что она, благодаря ея нравственной сторонѣ, попала въ кругъ предметовъ, доступныхъ всякому сколько-нибудь смышленому публицисту. Ее забросали чуждыми ей вопросами, превратными понятіями, неточными опредѣленіями, ничѣмъ не оправдывающимися отрицаніями и пр. до такой степени, что изложеніе политической экономіи хотя бы самое краткое не можетъ нынѣ обойтись безъ борьбы, почти непрерывной, съ заблужденіями, которымъ она досталась въ жертву.

ГЛАВА I.

СОБСТВЕННОСТЬ

Первоначальная причина собственности, матеріальная: она заключается вся въ томъ одномъ, что вещественный предметъ не можетъ двигаться въ одно и тоже время по нѣсколькимъ направленіямъ или, другими словами, повиноваться вдругъ болѣе чѣмъ одной волѣ. Если бы вещественность была одарена свойствомъ *всемѣстности*, подобно мыслямъ, знаніямъ, истинамъ, которыми могутъ пользоваться одновременно многіе люди и каждый по своему произволу, собственность не образовалась бы, и даже трудно предполагать, чтобы какое-нибудь понятіе о подобномъ явленіи могло возникнуть въ умахъ. Въ самомъ дѣлѣ, для сохраненія собственности мысли, нельзя было бы, никогда, не только объявить ее, но даже приложить къ чему-либо, боясь, чтобы о ней не догадались; а это равнялось бы ея несуществованію.

Всемѣстность могла бы отчасти замѣниться обиліемъ всякаго рода вещества, потому что тогда ему не нужно было бы повиноваться нѣсколькимъ личностямъ вдругъ для снабженія каждой по желанію. Но вещество представляется въ безчисленныхъ свойствахъ, образующихъ различные роды матеріаловъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не находится въ безпредѣльномъ количествѣ относительно всѣхъ жителей земли. Въ иной странѣ, нѣкоторый матеріалъ изобилуетъ и можетъ назваться безпредѣльнымъ, но только для мѣстнаго населенія: въ подобномъ случаѣ, напримѣръ, находится вода рѣки для прибрежныхъ жителей. Съ точки зрѣнія метеорологіи и гигіены, даже атмосферный воздухъ неодинаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Впрочемъ, и неограниченное множество всякаго рода вещества, повсюду на земномъ шарѣ, не вполнѣ бы исправило недостающей ему всемѣстности, недостатокъ, изъ котораго неминуемо возникло

бы явленіе собственности. И дѣйствительно, человѣкъ не довольствуется непосредственнымъ пользованіемъ свойствами матеріала, находящагося у него подъ рукою; онъ его измѣняетъ, превращаетъ, и то, что выходитъ изъ этого, становится произведеннымъ матеріальнымъ предметомъ, не могущимъ, за недостаткомъ всемѣстности, повиноваться болѣе, какъ одной только волѣ. А такъ какъ нѣтъ никакой причины, чтобы полученный предметъ служилъ кому-либо кромѣ того, кто его произвелъ, то и рождается понятіе о собственности.

Какъ нѣтъ причины, чтобы произведенный матеріальный предметъ не былъ собственностью его производителя, точно также нѣтъ причины, чтобы предметъ, данный природою, не принадлежалъ исключительно тому, кто первый созналъ въ немъ пользу и овладѣлъ имъ; и это тѣмъ болѣе основательно, что самый актъ занятія или завладѣнія оставляетъ по себѣ, на покоренномъ матеріальномъ предметѣ, какой-нибудь отпечатокъ разумной дѣятельности присвоившаго; что этотъ отпечатокъ составляетъ уже какъ бы измѣненіе предмета, и что, съ этого мгновенія, справедливо разсматривать его, какъ произведеніе присвоивателя.

Экономисты не обратили вниманіе на первоначальную причину вѣчной подвластности вещества исключительному владѣнію. Они производятъ собственность отъ первобытнаго обладанія самимъ собою и своихъ дѣйствій, что приводитъ человѣка къ обладанію и результатами его дѣятельности. Это соображеніе утверждаетъ неоспоримое право присвоивателя на присвоенное или произведенное имъ; но оно не объясняетъ, почему исключительная собственность матеріальныхъ предметовъ постоянна и не показываетъ, какимъ образомъ, по причинѣ самаго свойства ихъ, постоянность эта неизбѣжна. Подобнымъ неполнымъ понятіямъ о причинахъ собственности должно приписать противорѣчія тѣхъ экономистовъ, которые, проповѣдывая свободу труда, не допускаютъ общаго всѣмъ людямъ права произвольно пользоваться мыслями, знаніями, пріемами и другими произведеніями ума, кѣмъ нибудь изъ нихъ сознанными и изданными, или осуществленными.

Домогаться, чтобы мысль была подвластна волѣ одного только человѣка—нелѣпо, какъ требовать, чтобы, говоря языкомъ геометріи, матеріальная точка двигалась вдругъ по многимъ направленіямъ. Правда, что никто не имѣетъ намѣренія препятствовать распространенію идей; хотятъ только подчинить безпредѣльной монополіи

ихъ матеріальное осуществленіе или воспроизведеніе. Но для полнаго успѣха въ чемъ бы то ни было, предположенная цѣль должна согласоваться съ естественнымъ свойствомъ вещей; запрещать же произвольное пользованіе мыслью—значитъ идти наперекоръ самому естественному порядку дѣятельности человѣка. Поэтому-то, даже и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ подобное запрещеніе наиболѣе удается, вскорѣ появляются неуловимые закономъ снимки съ твореній, монополію которыхъ законъ обязался охранять. Подобныя запрещенія здѣсь, какъ и во всякихъ регламентаціяхъ, противныхъ натурѣ вещей, безнравственны: они порождаютъ подлоги, завлекаютъ въ нихъ и даже вынуждаютъ прибѣгать къ нимъ не только для пользы, но часто и по необходимости. Пусть запретятъ людямъ дѣйствовать правою рукою, какъ однажды предположилъ остроумный авторъ «Экономическихъ софизмовъ» *),— черезъ нѣсколько часовъ, не останется ни одного человѣка невиновнаго передъ закономъ. Можно смѣло сказать, что подобный законъ былъ бы безнравственнымъ. Таковы, безспорно, всѣ тѣ законы, которые препятствуютъ естественному устройству людскихъ дѣлъ.

Въ какомъ бы, спрашивается, положеніи находились нынѣ промыслы, если бы искони существовали законы, монополизирующіе изобрѣтенія навсегда въ пользу изобрѣтателя и его потомства, и если бы эти законы были строго наблюдаемы?

Положеніе ихъ было бы до-сихъ-поръ младенческое, потому что на каждомъ шагу ихъ усовершенствованія встрѣчалось бы множество препятствій. Можно ли себѣ представить, чтобы ни одна изъ вещей, окружающихъ насъ и безпрестанно нами употребляемыхъ, ни эту бумагу, ни эти чернила, ни эти часы, ни этотъ портфель, словомъ, ничего нельзя было свободно выдѣлывать, и чтобы не только всякая вещь была обложена произвольною премією, подъ предлогомъ вознагражденія изобрѣтателей, умершихъ столѣтія тому назадъ но чтобы владѣющій въ настоящее время монополіею могъ, если ему вздумается, даже совершенно лишить общество полезной ему вещи? Между тѣмъ никакое новое изобрѣтеніе невозможно безъ пользованія предыдущими. Всякое открытіе, всякое созданіе ума можно разсматривать, какъ средство или способъ новаго прогресса. Съ этой точки зрѣнія, препятствія размноженію, легкому пріобрѣтенію и свободному употребленію предшествующихъ изобрѣтеній являются

*) Бастіа.

намъ, какъ задерживающія промышленное и умственное развитіе общества.

Предупреждаемъ, что мы не оспариваемъ права собственности въ области идей. Напротивъ, мы требуемъ его признанія противъ тѣхъ, которые пренебрегаютъ имъ во всѣхъ недосягаемыхъ монополіею случаяхъ. Такъ, напримѣръ, ученые не требуютъ монополіи на ихъ открытія: математикъ не станетъ домогаться дани съ употребляющихъ найденную имъ формулу, ни астрономъ, съ наблюдающихъ открытую имъ планету; они очень хорошо знаютъ, что подобное требованіе неисполнимо. Но если эти ученые въ тоже время и писатели, то желаютъ удержать за собою вѣчное и исключительное право перепечатывать свои книги. Между тѣмъ, содержащіяся въ научномъ сочиненіи, новыя мысли и истины несравненно важнѣе чисто-литературной его стороны. Не явна ли несправедливость способа вознагражденія, при которомъ то именно, что наиболѣе заслуживаетъ награды, совсѣмъ не награждается?

Существуетъ два начала для признанія собственности: *нравственное*, которое требуетъ, чтобы честь первенства или начинанія никѣмъ не была отнята отъ того, кому она принадлежитъ, и *экономическое*, требующее за всякое усиліе соразмѣрное съ его пользою, вознагражденія. Первое изъ этихъ началъ существовало бы даже въ невещественномъ мірѣ, второе происходитъ отъ матеріальности міра нашего. Намъ скажутъ, можетъ быть, что при обмѣнѣ мыслей между людьми, вознагражденіе происходитъ внѣ матеріи. Для опроверженія этого, достаточно припомнить сдѣланное уже нами замѣчаніе, что состояніе мысли, остающейся безъ пользованія ею, равняется ея дѣйствительному несуществованію и что однажды употребленная въ пользу мысль, перестаетъ быть личною собственностію. Поэтому мысль не можетъ быть вознаграждена другою мыслью, а непремѣнно вещественнымъ предметомъ.

Ученые довольствуются нравственнымъ признаніемъ ихъ умственной собственности и пренебрегаютъ признаніемъ экономическимъ, по-неволѣ, конечно, не имѣя возможности извлечь изъ него какой нибудь плодъ. Первое пріобрѣтается личною инициативою навѣчно; общественное сознаніе есть всегда лучшій его охранитель. Что же касается до втораго, то безпредѣльность его невозможна.

Авторы, писавшіе о «собственности», были односторонни въ томъ, что, какъ мы уже сказали, ограничились указаніемъ на основаніе личнаго права исключительно владѣть произведеніемъ своего тру-

да, и не старались дать себѣ отчета въ причинѣ вѣчности нѣкоторыхъ собственностей. Сдѣлавъ себѣ этотъ вопросъ, они нашли бы, что исключительное право собственности нисколько не оправдываетъ ея безпрерывнаго продолженія и что это послѣднее явленіе зависитъ только отъ свойства предмета, котораго невозможно ни освободить отъ исключительнаго владѣнія имъ—если онъ матеріальный, ни удержать его въ этомъ владѣніи—если онъ интеллектуальный.

Вещественные предметы находятся во всегдашнемъ подчиненіи только *одной* воли, не по праву присвоивателей, а по свойству вещества. Воспроизведеніе мысли, напротивъ, по свойству своему, во власти всѣхъ, въ одно и тоже время, и его-то хотѣли бы, помощью законодательства, подвергнуть волѣ одной только личности!

По какой причинѣ и на какой конецъ хотятъ превратить общее для всѣхъ и, потому, даровое право размножать нѣкоторыя полезности въ исключительное и цѣнное право? Причина та, что эти полезности не даръ природы, а произведены трудомъ человѣка, и что результатъ труда—какъ бы продолженіе личности—есть собственность трудившагося. Что же касается до цѣли, для достиженія которой пренебрегаютъ свойствомъ вещей, то она состоитъ въ вознагражденіи авторовъ.

Но исключительное право человѣка на принадлежность ему результата его работы нисколько не противорѣчитъ естественному праву всякаго заняться точно такою же работою и получить одинаковый отъ нея результатъ. Что касается до перваго, изъ этихъ, права, то оно всегда неоспоримо. Но если, съ одной стороны, вещественные предметы остаются, во всѣхъ сдѣлкахъ, подчиненными исключительной собственности и не могутъ изъ нея выдти, то съ другой, истины, пріемы, изобрѣтенія, литературныя творенія, входятъ во всеобщее достояніе, какъ только они обнародываются, и ничто не мѣшаетъ всякому ихъ прилагать, размножать и, вообще, свободно ими пользоваться.

Съ точки зрѣнія экономическаго признанія, единственное различіе между собственностію матеріальнаго предмета и собственностію мысли состоитъ въ томъ, что первая, при передачѣ ея изъ рукъ въ руки, мѣною или продажею, состоитъ на лицо, тогда какъ вторая не можетъ предлагаться иначе, какъ всему обществу и на условіяхъ, основанныхъ на одномъ только объявленіи предполагаемой цѣли, съ обязанностію удовлетворить ей вполнѣ.

Право исключительной собственности на плодъ труда ни мало не потерпитъ отъ того только, что продажа произведенія обществу или государству освободитъ его отъ личнаго владѣнія и введетъ въ общественную собственность, если его свойство допускаетъ это. Впрочемъ, если общество находитъ непрактичнымъ торговаться съ изобрѣтателями и авторами, а полагаетъ болѣе удобнымъ замѣнить покупку мыслей исключительною привилегіею на ихъ изданіе и приложеніе, то по-крайней-мѣрѣ привилегія эта должна быть временная, чтобы право осуществлять мысли—общее и даровое по своей натурѣ—не оставалось на неопредѣленное время личною собственностію, въ ущербъ послѣдующимъ успѣхамъ производства.

Нѣкоторые изъ публицистовъ, требующихъ вѣковѣчности исключительныхъ привилегій, допускаютъ отчужденіе подобной собственности, въ случаѣ общей отъ этого пользы. Они не замѣчаютъ, что *всегда* полезно обществу, чтобы все то, что естественно одарено всемѣстностью, не было искуственно лишено этого свойства и чтобы въ общее владѣніе поступало все, что къ этому способно. Очевидно, что, вмѣсто исправленія чрезмѣрности ихъ притязаній на безконечное владѣніе произведеніями ума, они подаютъ намъ новое орудіе для немедленнаго уничтоженія всякой подобной привилегіи, замѣнивъ ее единовременнымъ вознагражденіемъ.

Намъ возразятъ, что вещественное орудіе, служащее производству—напримѣръ машина—есть капиталъ, навсегда дающій доходъ, почему же и «мысли» не быть капиталомъ, приносящимъ вѣчную прибыль? Отвѣтъ уже сдѣланъ нами: мысль одарена всемѣстностью, а машина не имѣетъ этого свойства. Эта послѣдняя не можетъ повиноваться болѣе, какъ одной только волѣ, и потому не можетъ не приносить дохода ея владѣльцу, во все время пользованія ею. Напротивъ того, мысль способна подчиниться произволу всѣхъ людей въ одно и тоже время, слѣдовательно не въ состояніи сдѣлаться капиталомъ, доставляющимъ безпредѣльно повторяющійся доходъ; ее можно только продать всѣмъ людямъ, вмѣстѣ взятымъ, послѣ чего она становится, необходимо, общимъ и даровымъ достояніемъ всякаго. Привилегія на эксплуатацію мысли, предоставляющаяся на извѣстное время, есть не что иное, какъ практическій способъ замѣнить покупку мысли, точную цѣнность которой опредѣлить невозможно въ настоящемъ состояніи нашихъ познаній.

Система привилегій, однажды принятая, какъ способъ вознагражденія авторовъ и изобрѣтателей, позволяетъ, не безъ основанія, разли-

чать, въ ея приложеніи, произведенія художественныя—истинныя созданія ихъ авторовъ—отъ всѣхъ другихъ произведеній человѣческаго ума, каковы изобрѣтенія и открытія въ наукахъ и промышленныхъ искуствахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы паровая машина двойнаго дѣйствія и дифференціальное исчисленіе не были найдены, первая—Уаттомъ, а второе—Декартомъ и др., то неминуемо были бы открыты ихъ преемниками, тогда какъ картины Рафаэля и симфоніи Моцарта никогда бы не появились безъ существованія ихъ творцовъ. Поэтому, есть причины, для художниковъ, домогаться вѣковѣчности ихъ привилегіи, которыхъ ученые и наблюдатели не имѣютъ.

Мы сказали, что исключительная собственность есть слѣдствіе свойства вещества, неспособнаго повиноваться въ тоже время болѣе чѣмъ одной волѣ, и что одна только вещественность обречена этому вѣчно-подвластному состоянію. Но, выраженія: одиночная воля исключительное владѣніе, частная собственность и т. п., которыя употребляются для означенія неизбѣжно-подвластнаго состоянія вещественныхъ предметовъ, не подразумѣваютъ непремѣнно индивидуальную собственность. Свойство предмета и употребленіе, на которое онъ назначается, рѣшаютъ, можетъ ли единственная воля, которой онъ будетъ повиноваться, проистекать послѣдовательно или одновременно отъ многихъ личностей и, если можетъ, то выгодно-ли, чтобъ оно было такъ.

Пища, одежда и другіе предметы личной потребности, во время окончательнаго ихъ употребленія, должны быть подвержены личной волѣ. Предметами весьма продолжительнаго потребленія могутъ пользоваться многіе люди, но послѣдовательно одинъ послѣ другаго такъ, что подобный предметъ, при всѣхъ его переходахъ изъ рукъ въ руки, продолжаетъ оставаться во власти одного только лица; напримѣръ, монета, въ собственномъ значеніи слова, тогда только приноситъ пользу, когда переходитъ отъ одного человѣка къ другому. Въ первоначальной обработкѣ земель замѣчается соединеніе коллективной собственности съ личною, временною, въ приложеніи ихъ къ землѣ, которую члены общины раздѣляютъ между собою періодически, смотря по измѣненію населенія. Подобная смѣшанная собственность, удобная во времена варварскія для взаимной защиты земледѣльцевъ, уступаетъ мѣсто болѣе производительной, чисто личной и постоянной собственности, какъ только общественное

устройство достаточно укрѣпилось для обезпеченія безопасности отдѣльныхъ собственниковъ. Наконецъ, всякій матеріальный способъ производства: машина, годная въ обработку земля, желѣзная дорога, рудникъ и пр., можетъ принадлежать многимъ людямъ, хотя и повинуясь одной только волѣ, въ этомъ случаѣ, коллективной. Тогда участники раздѣляютъ между собою произведенія или доходы. Эта система компаній или обществъ нынѣ болѣе въ употребленіи, чѣмъ бывало, и ей можно предсказать обширнѣйшее развитіе въ будущемъ.

Предпріятія небольшой важности имѣютъ, обыкновенно, наиболѣе успѣха въ рукахъ одного владѣльца. Обширныя предпріятія, напротивъ, лучше ведутся коллективною волею многихъ лицъ, какъ по причинѣ преній, возникающихъ между участниками и выясняющихъ трудные вопросы, такъ и потому, что требуется огромный капиталъ, который не можетъ быть доставленъ весь однимъ только владѣльцемъ.

Малые капиталы, по ихъ безсилію дѣйствовать порознь, соединяются для значительныхъ производствъ. Вѣчное и потомственное владѣніе прилагается съ выгодою, въ особенности къ землѣ, подъ сельскимъ хозяйствомъ, требующимъ выдачъ, возвратъ которыхъ происходитъ весьма медленно. Иногда случается, что собственности, такъ сказать, пересѣкаются между собою; таковы обязанности, связанныя съ собственностію, напримѣръ, относительно проведенныхъ чрезъ нее водъ и дорогъ. Вознагражденіе за подобныя повинности всегда можно опредѣлить болѣе или менѣе точнымъ образомъ. Въ случаѣ добыванія минераловъ, когда владѣлецъ почвы земли не участвуетъ въ этомъ дѣлѣ, мы тоже видимъ пересѣченіе собственностей, но гораздо менѣе ясное, чѣмъ встрѣчающіяся на земной поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно назначить предѣла собственности въ глубину земли, а между тѣмъ должно признать собственниками минерала тѣхъ, которые его открыли и извлекаютъ. Въ этомъ случаѣ вознагражденіе слѣдуетъ владѣтелю почвы, только вслѣдствіе уваженія къ принципу собственности; не существуетъ никакого раціональнаго основанія для его оцѣнки, и принуждены назначать его произвольно.

Примѣровъ этихъ болѣе чѣмъ достаточно для показанія, что экономическій принципъ собственности состоитъ въ безусловномъ правѣ личностей, отдѣльныхъ или соединенныхъ въ общество, на всѣ выгоды, какія они могутъ извлечь изъ ихъ собственныхъ произведе-

ній или пріобрѣтеній, какъ интеллектуальныхъ, такъ и вещественныхъ, но что этотъ принципъ нисколько не требуетъ, чтобы всякая собственность была навсегда во власти одного и того же владѣльца, какъ полагаютъ, повидимому, защитники вѣчности привилегій авторовъ и изобрѣтателей.

Право собственности обезпечиваетъ производство полезностей прочныхъ и потому долговѣчныхъ; а накопленіе подобныхъ полезностей болѣе всего улучшаетъ народный бытъ. И дѣйствительно, успѣхи и даже самое существованіе человѣчества были бы весьма ненадежны, если бы люди, какъ замѣчается въ дикомъ ихъ состояніи, помышляли только о настоящихъ своихъ нуждахъ, или не болѣе какъ на время, ограниченное вѣроятнымъ продолженіемъ своей жизни. Семейственная связь, во-первыхъ, а потомъ другія побужденія и чувства болѣе общечеловѣчныя внушаютъ людямъ желаніе упрочить благосостояніе будущихъ поколѣній. До этого достигаютъ они осуществленіемъ и сохраненіемъ полезныхъ предметовъ продолжительнаго существованія,—какъ назначаемыхъ для непосредственнаго потребленія, такъ и служащихъ размноженію или производству новыхъ полезностей, облегченію общественныхъ сношеній и т. п. Количество этихъ-то долговѣчныхъ предметовъ, относительно къ народонаселенію, выражаетъ степень матеріальныхъ успѣховъ и образованности страны.

Экономическая задача, постоянно предлагаемая, заключается въ томъ, чтобы производить болѣе и лучше съ наименьшими усиліемъ и издержками; но, въ тоже время, мы подчинены господству естественнаго права каждаго на результатъ его дѣятельности. Къ счастію, оказывается, что всякое усиліе исполняется съ тѣмъ большею бережливостью и большими тщаніемъ и усердіемъ, чѣмъ болѣе трудящійся увѣренъ, что удержитъ за-собою весь плодъ своего труда, и чѣмъ болѣе безусловна свобода располагать имъ по своему произволу. Изъ этого слѣдуетъ, что исключительное право собственности есть именно основное условіе для наибольшаго развитія производства, нераздѣльнаго съ накопленіемъ прочныхъ полезностей и съ успѣхомъ образованности. Мы видимъ, дѣйствительно, что въ различныхъ странахъ, или въ той же странѣ, въ различныя эпохи, благосостояніе и образованность всегда соразмѣрны уваженію къ собственности, доказываемому общественными нравами и законами.

Еще нѣтъ ни одной націи, даже между наиболѣе образованными,

которой бы не оставалось сдѣлать много шаговъ впередъ до окончательнаго признанія естественнаго права каждаго на свободное производство чего бы ни было, и до полнаго обезпеченія производителя или пріобрѣтателя въ его исключительномъ владѣніи и произвольномъ распоряженіи тѣмъ, что онъ произвелъ или правильно присвоилъ. Одна изъ главныхъ причинъ несовершенства, въ настоящее время, свободы производить и распоряжаться своимъ произведеніемъ, также какъ и затруднительности извлекать пользу изъ плодовъ своего труда, заключается въ томъ, что, по вѣковому обычаю и въ невѣдѣніи естественнаго устройства и хода своей собственной организаціи, общество употребляетъ систему искуственныхъ монополій, какъ способъ вознаграждать полезные труды своихъ членовъ, или какъ охранительную мѣру противъ злоупотребленій, отъ которыхъ можетъ пострадать общественная безопасность.

Для подобныхъ цѣлей, нѣкоторые производители пользуются монополіею на внутреннихъ рынкахъ, а другіе на производство нѣкоторыхъ полезностей, или на предложеніе нѣкоторыхъ услугъ. Общество еще не сознало, что всѣ эти монополіи или привилегіи не иное что, какъ покушеніе на собственность всѣхъ исключенныхъ изъ нихъ; оно не видитъ также и того, что привилегія несовмѣстна со свойствомъ полезнѣйшихъ и наиболѣе достойныхъ произведеній ума, и что эти послѣднія остаются безъ всякаго способа получить матеріальное вознагражденіе.

Ничто еще не показываетъ въ обществѣ ни малѣйшаго расположенія къ замѣненію системы монополій какимъ нибудь другимъ, болѣе раціональнымъ, и потому болѣе справедливымъ способомъ вознагражденія. Но долгъ экономической науки указать на недостатки обычнаго способа и сказать—не обращая вниманія на практическія препятствія, хотя бы эти препятствія остались навсегда непреодолимыми,—что *раціональное* рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ *экономическому признанію* собственности, было бы достигнуто введеніемъ системы *прямаго вознагражденія*, вмѣсто нынѣ существующей системы монополій.

ГЛАВА II.

ПОЛЕЗНОСТЬ И ЦѢННОСТЬ.

Существованіе человѣка знаменуется удовлетвореніемъ интеллектуальныхъ и тѣлесныхъ его нуждъ, безпрестанно повторяющихся. Его стремленіе къ благосостоянію и желаніе новыхъ ощущеній порождаютъ въ немъ множество потребностей, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе развитъ его разумъ. Средства для своего удовлетворенія человѣкъ находитъ въ разсматриваемыхъ имъ, въ отношеніи къ себѣ, какъ «даръ природы», матеріалахъ, силахъ и явленіяхъ внѣшняго міра и собственныхъ своихъ умственныхъ и тѣлесныхъ способностяхъ.

Но чтобы воспользоваться «даромъ природы», всегда необходимо употребить нѣкоторое усиліе, сознательное или невольное. Такъ, напримѣръ, дыханіе сопровождается невольнымъ усиліемъ для поглощенія воздуха. Намѣренное усиліе необходимо, чтобы срывать съ дерева плоды, черпать воду и пр. Мысль, память и другія интеллектуальныя явленія тоже не иначе проявляются, какъ вслѣдствіе вольныхъ или невольныхъ мозговыхъ усилій человѣка.

Самое малое усиліе требуется отъ человѣка, для его удовлетворенія, когда онъ только подвергаетъ себя дѣйствію на него силъ природы, какъ, напримѣръ, купаясь въ водѣ, грѣясь на солнцѣ и т. п. Но мало такихъ нуждъ, которыя удовлетворяются однимъ прикосновеніемъ или овладѣніемъ дарами природы; необходимы значительныя и сложныя усилія для приведенія предметовъ въ то состояніе, въ которомъ они способны удовлетворять потребностямъ человѣка.

Когда усиліе сознательно и направляется къ разумной цѣли, тогда оно принимаетъ названіе *труда*. Трудъ служитъ для того, чтобы приспособлять внѣшніе предметы и личныя наши способности къ возможно-лучшему удовлетворенію насъ. Свойство предметовъ или способностей доставлять намъ удовлетвореніе—называется *полезностью*. Такимъ образомъ, цѣль труда или работы человѣка состоитъ

въ томъ, чтобы сообщать или придавать *полезность* вещамъ и способностямъ, или, говоря вообще, дарамъ природы.

Полезность, приданная чему нибудь, есть *полезность произведенная*. Если даръ природы былъ подвергнутъ труду, то онъ чрезъ это измѣнился и пріобрѣлъ, сверхъ его *естественной* полезности, еще полезность *произведенную*. Овладѣніе естественнымъ благомъ происходитъ не иначе, какъ посредствомъ разумнаго усилія, т.-е. труда; трудомъ же совершаются, впослѣдствіи, и измѣненія, которымъ предметъ можетъ подвергаться. Полезность естественныхъ даровъ, *еще никѣмъ неприсвоенныхъ*, одна только вполнѣ *даровая*, потому что всякое усиліе человѣка, приложенное къ предмету, сообщаетъ ему новую полезность, очевидно *цѣнную*. Простѣйшее присвоеніе производитъ уже этотъ результатъ, такъ какъ оно тоже совершается, необходимо, при участіи трудовъ человѣка.

Нѣкоторые авторы говорятъ о вещественныхъ дарахъ, неспособныхъ къ присвоенію. Истина въ томъ, что многіе дары природы находятся въ столь большомъ количествѣ, что нельзя овладѣть всѣми ими *сполна*; но нѣтъ такихъ, которые бы не присвоивались въ частности. Напримѣръ: вода рѣки, воздухъ и солнечный свѣтъ не могутъ быть истощены присвоеніемъ; но почерпнутая вода, втянутый или поглощенный воздухъ, а также и солнечный свѣтъ, падающій на обработываемое растеніе, положительно присвоены.

Полезность вещей есть одинъ изъ предметовъ, въ которомъ экономисты нашего времени наиболѣе старательно и терпѣливо различали, классифицировали и опредѣляли. Послѣдующее ихъ изложеніе ни мало не оправдываетъ необходимости всѣхъ этихъ различій, сопровождаемыхъ, притомъ, объясненіями часто ошибочными. Изложеніе и критика ихъ были бы столько же безплодны, какъ и трудъ, принятый ихъ авторами. Любопытные читатели могутъ сличить наши объясненія съ тѣмъ, что они найдутъ у различныхъ писателей по этому предмету. Если между нашими предложеніями найдутся слишкомъ очевидныя, то не наша будетъ въ томъ вина: мы вынуждены къ этому промахами и недоразумѣніями, встрѣчающимися даже по ихъ поводу.

Полезность дарованная, исключительно, одною природою, всегда даровая для перваго ея присвоивателя. Она остается даровою, въ сдѣлкахъ между людьми, до тѣхъ поръ, пока даръ природы, въ которомъ она заключается, не будетъ весь сполна присвоенъ. Если же

этотъ даръ столь изобиленъ, что никогда не исчерпается присвоеніемъ, то полезность его останется даровою навсегда и для всѣхъ.

Если полезность произведена человѣкомъ, то предметъ, въ которомъ она заключается, былъ имъ измѣненъ. Хотя бы передъ его измѣненіемъ предметъ этотъ принадлежалъ къ числу даровъ природы, которыхъ нельзя присвоить сполна, по причинѣ ихъ изобилія, все-таки нѣкоторая часть его присвоена, и, послѣ его измѣненія, новая его полезность не даровая. Такъ какъ измѣненіе предмета непремѣнно требуетъ усилія, то достаточно полезности быть произведеніемъ человѣка, чтобы она не была даровою. Что же касается полезности, не человѣкомъ произведенной, то она перестаетъ быть даровою, когда заключается въ предметѣ ограниченномъ и сполна присвоенномъ. Короче сказать: *полезность тогда не даровая, когда она произведена человѣкомъ, или когда, будучи естественною, находится въ ограниченномъ и уже сполна присвоенномъ даръ природы.*

Полезность не даровая заключается всегда въ присвоенномъ предметѣ, потому что, не говоря о полезности, произведенной человѣкомъ, которая не можетъ быть придана предмету иначе, какъ послѣ его присвоенія,—естественная полезность становится недаровою, только вслѣдствіе полнаго присвоенія ограниченнаго дара природы.

Присвоенное благо не есть уже благо естественное, такъ какъ присвоеніе его непремѣнно сопровождалось дѣйствіемъ на него усилій человѣка и присоединеніемъ къ нему новой полезности,—при чемъ оно становилось благомъ произведеннымъ. Естественная часть полезности этого блага,—даровая. если природа изобилуетъ имъ и, напротивъ, недаровая,—если благо природы, заключающее ее, по ограниченности своей, могло быть исчерпано присвоеніемъ. Что же касается до произведенной части полезности предмета, то она всегда цѣнная.

Слово *полезность* употребляютъ часто и для означенія самаго полезнаго предмета. Надо очень остерегаться отъ смѣшиванія этихъ двухъ значеній слова: одно изъ нихъ отвлеченное, означающее мнѣніе наше о качествѣ предмета, тогда какъ другое указываетъ на самую его сущность.

Одинъ и тотъ же человѣкъ не способенъ произвести все то, что ему можетъ понадобиться, если онъ достигъ нѣкоторой степени образованности. Безчисленное разнообразіе его потребностей было бы несовмѣстно съ ограниченнымъ числомъ его дарованій, если бы

чрезвычайное разнообразіе способностей, которыми одарены различные люди, не подало имъ мысли пріобрѣтать отъ другихъ людей тѣ полезные предметы, которыхъ сами не могутъ найти или произвесть Эта мысль, при *невсемѣстности* вещества и проистекающемъ отъ нея *исключительномъ* владѣніи, понудила разумъ и совѣсть человѣка придумать *мѣну.*

Чтобы предметъ былъ способенъ къ обмѣну его на другой, нужно, чтобы часть его полезности, хотя самая малая, была цѣнною. То, что никому еще не принадлежитъ, какъ незаключающее еще въ себѣ никакой цѣнной полезности, не можетъ быть предметомъ обмѣновъ.

Почти всѣ авторы, писавшіе о полезности и цѣнности, объясняли необмѣняемость естественныхъ благъ, находящихся въ неограниченномъ множествѣ, тѣмъ, что никто не дастъ ничего за то, что у всякаго подъ рукою. Это объясненіе смѣшиваетъ *необмѣняемость* съ *нецѣнностью* полезности. Не изобиліе блага причиною его необмѣняемости, а то, что оно не присвоено. Всякій, кто присвоитъ себѣ часть этого блага, можетъ употребить его какъ предметъ обмѣна, потому что онъ сообщилъ ему своимъ усиліемъ цѣнную полезность. Естественная полезность этого предмета остается, безъ сомнѣнія, даровою, пока не исчерпанъ сполна даръ природы, отъ котораго предметъ былъ отдѣленъ присвоившимъ его; но самый этотъ предметъ становится способнымъ къ обмѣну въ той мѣрѣ, въ которой ему придана цѣнная полезность усиліемъ человѣка. Поэтому-то и вода, и воздухъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, обмѣниваются, оплачиваются, несмотря на ихъ неограниченное изобиліе.

Любители отвлеченностей настаиваютъ, утверждая, что не вещи обмѣниваются, а ихъ полезности, и что не за воду платится, а за полезность, которая придана ей трудомъ человѣка. доставившаго ее Мы имъ отвѣтимъ, что не обращать вниманія на вещи, а говорить только о ихъ полезности,—значитъ запутывать понятія, и что въ практической дѣйствительности обмѣниваются предметы, но въ оцѣнку ихъ принимаютъ одну только недаровую ихъ полезность. Другими словами: *предметы* обмѣниваются, *на основаніи ихъ цѣнной полезности.* Впредь, говоря объ *обмѣнѣ полезностей*, мы будемъ разумѣть подъ этимъ словомъ самые *обмѣниваемые предметы*, а не *качество* ихъ быть полезными.

Цѣнные предметы не всегда служатъ къ обмѣну: нѣкоторыя полезности способны удовлетворить одного только ихъ владѣтеля,

или можетъ случиться, что всѣ люди достаточно снабжены какого нибудь рода полезностью. Чтобы происходила мѣна, необходимо *нѣсколькимъ людямъ имѣть въ своей собственности различные предметы и нуждаться болѣе въ пріобрѣтеніи того, чего имъ недостаетъ, чѣмъ въ пользованіи тѣмъ, что у нихъ имѣется.*

Въ справедливомъ обмѣнѣ, выгода или удовлетвореніе, съ той и другой стороны, одинаковы; *услуги*, взаимно оказанныя, тоже равномѣрны. Но все то, что *обмѣняемо*, можетъ быть *смѣрено*, и *чтобы изъ обмѣна между двумя произведеніями, выданными въ извѣстныхъ количествахъ, заключить объ обмѣнѣ другихъ количествъ тѣхъ же самыхъ произведеній, должно взять отношеніе между числомъ единицъ мѣры, содержащемся въ количествѣ каждаго изъ двухъ произведеній въ первомъ обмѣнѣ.* Такъ, напримѣръ, если 5 аршинъ полотна промѣниваются на 19 фунтовъ сахару, то получимъ отношеніе 5 къ 19 для всякаго другаго количества тѣхъ же обмѣниваемыхъ произведеній. Поэтому 6 аршинъ полотна обмѣнятся на $6 \times \frac{19}{5}$ или $22\frac{4}{5}$ фунтовъ сахару; 1 аршинъ полотна на $\frac{19}{5}$ или $3\frac{4}{5}$ фунт. сахару; 1 фунтъ сахару на $\frac{5}{19}$ аршина или 4 вершка полотна и пр. Это *отношеніе между количествами, въ которыхъ два произведенія обычно-вымѣниваются*, называютъ *цѣнностію*. Поэтому, въ приведенномъ примѣрѣ, 19 фунтовъ сахару есть цѣнность 5-ти аршинъ полотна; $3\frac{4}{5}$ фунтовъ сахару есть цѣнность 1-го аршина полотна и пр.

Такимъ образомъ, всякій предметъ, предоставленный обмѣнамъ, пріобрѣтаетъ *цѣнность*. Научное понятіе о «цѣнности»—отвлеченное; оно подчиняется вычисленіямъ и строго-логическимъ разсужденіямъ, тогда какъ понятія о пользѣ, объ удовлетвореніи и т. п., придаваемыя «цѣнности», въ обыкновенномъ языкѣ, неопредѣленны и непостоянны; на нихъ нельзя основать ничего истинно-научнаго. Таково, напримѣръ, понятіе, составляемое себѣ кѣмъ нибудь о большей или меньшей пользѣ употребляемыхъ имъ вещей. Этого рода оцѣнка предметовъ приводитъ къ понятію, называемому многими авторами *цѣнностію въ потребленіи*, для отличія отъ *мѣновой цѣнности*, т.-е. того качества, которое мы собственно называемъ *цѣнностію*.

Въ политической экономіи, естественныя и произведенныя блага разсматриваются только въ отношеніи къ ихъ полезности и цѣнности, и, подобно тому, какъ слово «полезность» употребляется въ ней для означенія полезнаго предмета, подъ словомъ «цѣнность» разумѣется часто самъ цѣнный предметъ. Такъ какъ обмѣниваются однѣ только «полезности», то онѣ только однѣ и могутъ имѣть «цѣн-

ность», и всякая цѣнность должна быть непремѣнно въ тоже время полезностью. Но всякая полезность не всегда бываетъ цѣнностью: естественныя блага, еще не присвоенныя, не имѣютъ цѣнности, также какъ и предметы, не входящіе въ обмѣны по причинѣ ихъ исключительно-личной пользы, или потому, что всѣ, кому они нужны, снабжены ими вполнѣ.

Положимъ, что многія полезности обмѣниваются однѣ на другія, и что имѣется слѣдующій рядъ цѣнностей:

1 четверть ржи цѣнится въ 1.50 ведра вина;
1 ведро вина . . . . . 8.20 фунтовъ табаку;
1 фунтъ табаку . . . . . 0.25 аршина сукна;
1 аршинъ сукна . . . . . 2.30 дня работы поденщика.

Относительная цѣнность между двумя любыми членами этого ряда, напримѣръ, между рабочими днями и ведрами вина, найдется, перемноживъ между собою всѣ промежуточныя цѣнности:

$$8.20 \times 0.25 \times 2.30.$$

Получимъ 4.72 рабочихъ дня для цѣнности ведра вина, и обратно: $\frac{1}{4\frac{1}{7}2}$, или 0.21 ведра вина будетъ цѣнностью одного рабочаго дня.

Мы приняли «работу человѣка» за полезность, способную къ обмѣну, и за цѣнность. Мы сдѣлали это съ намѣреніемъ объяснить теперь же, что подъ «работою человѣка» мы разумѣемъ не *механическую работу* *), а только «трудъ человѣка, то есть, умственное и мускульное его усиліе. Въ этомъ смыслѣ, платить за работу, жить своею работою, обмѣнивать рабочіе дни и пр. значитъ: платить за то, что произведено работою, жить тѣмъ, что получается за работу, обмѣнивать произведеніе дневной работы и пр. Первый изъ этихъ двухъ способовъ выражаться, несмотря на его неправильность въ нашемъ смыслѣ, неизбѣженъ, особенно когда нанимая работника на нѣкоторое время, невозможно опредѣлить впередъ, что именно отъ него будетъ требоваться и какую поручать ему работу. Но хотя и принуждены, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, судить о выгодности условія по истеченіи срока найма, все-таки сужденіе это осно-

*) Въ механикѣ, *работа* измѣряется *пудофутами*, т.-е. извѣстнымъ вѣсомъ, поднятымъ на извѣстную высоту въ единицу времени. Въ общемъ случаѣ, эта работа содержитъ соединеніе *труда* человѣка съ дѣйствіемъ *капитала*, тогда какъ экономистъ, имѣя въ виду раздѣленіе произведенія между этими двумя участниками въ механической работѣ, разумѣетъ подъ «работою человѣка» одни только его умственныя и тѣлесныя усилія.

вывается на результатѣ произведенной работы, а не на однихъ только времени и усиліи, употребленныхъ на нее. Несмотря на невозможность обойтись безъ выраженія: «цѣна труда или работы», придавать работѣ человѣка, въ смыслѣ труда, цѣнность, столь же несвойственно ея сущности, какъ если бы говорили о ея цвѣтѣ, видѣ, вѣсѣ и тому подобныхъ свойствахъ тѣлъ. Возвратимся вновь къ опредѣленію цѣнности.

Еслибъ одна какая нибудь полезность была обмѣнена на всѣ прочія, безъ исключенія, тогда бы мы имѣли, во всѣхъ случаяхъ, одинъ только промежуточный предметъ обмѣна, служащій *общею мѣрою цѣнностей*. Относительная цѣнность между двумя какими либо полезностями опредѣлялась бы тогда однимъ только отношеніемъ ихъ цѣнностей, выраженныхъ въ единицахъ той промежуточной полезности. Положимъ, для примѣра, что намъ извѣстна цѣнность всякаго предмета въ четверикахъ ржи, и что дѣло идетъ объ обмѣнѣ холста на табакъ. Если 100 аршинъ холста стоютъ 45 четвериковъ ржи, а 100 фунтовъ табаку—32 четверика ржи, то отношеніе между цѣнностями аршина холста и фунта табаку будетъ какъ 45 къ 32. Аршинъ холста будетъ стоить, по этому, $\frac{45}{32}$, или 1.40 фунтовъ табаку, а фунтъ табаку оцѣнится въ $\frac{32}{45}$, или 0.71 арш. холста.

Въ подобномъ *непосредственномъ* обмѣнѣ, общая мѣра цѣнностей служитъ для опредѣленія отношенія между количествами, въ которыхъ товары должны быть выданы, съ той и другой стороны, при ихъ взаимномъ обмѣнѣ. Но обмѣниваемые предметы могутъ находиться въ различныхъ мѣстностяхъ, перевозка ихъ можетъ быть затруднительна, а сохраненіе даже не возможно. Въ подобныхъ случаяхъ, *промежуточный товаръ*—если онъ способенъ къ тому по своему свойству—могъ бы служить не только для опредѣленія относительной цѣнности обмѣниваемыхъ полезностей, но еще для раздѣленія обмѣна на двѣ сдѣлки, между которыми промежуточный товаръ былъ бы сохраненъ и перевезенъ. Сперва промѣняли бы имѣющійся товаръ на служащій общею мѣрою цѣнностей,—сдѣлка эта называется *продажею* товара; потомъ, въ другомъ мѣстѣ или позже, вымѣняли бы на промежуточный товаръ тотъ, который требуется,—эта вторая сдѣлка называется *покупкою*.

Очевидно, что промежуточный товаръ, назначенный служить общею мѣрою для цѣнностей и средствомъ обмѣна или *монетою*, замѣняющею прямой обмѣнъ продажею и куплею, долженъ быть избранъ изъ числа наиболѣе прочныхъ, наименѣе тяжелыхъ и объ

85229
83057
658858

емистыхъ при той же цѣнности, легко дѣлимыхъ на мелкія части, самыхъ твердыхъ и наиболѣе сопротивляющихся дѣйствію разрушительныхъ силъ природы; наконецъ, изъ такихъ, производство или добываніе которыхъ наиболѣе постоянно—непремѣнное условіе для того, чтобы цѣнность монеты какъ можно менѣе подвергалась случайнымъ измѣненіямъ. Металлы—преимущественно золото и серебро—заслуживаютъ предпочтеніе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Цѣнность предмета, опредѣленная въ единицахъ общей мѣры цѣнностей, то-есть въ единицахъ монеты, называется *цѣною* этого предмета.

Такъ какъ для пріобрѣтенія вещи, имѣющей цѣнность, необходимо выдать въ возвратъ равномѣрную цѣнность, или уплатить ея цѣну, то качество *цѣнности* представляется какъ бы неудобствомъ полезныхъ вещей. При ограниченномъ взглядѣ на небольшое число обмѣниваемыхъ предметовъ, замѣчается, что всѣ усилія промышленниковъ, всѣ усовершенствованія въ способахъ производства, клонятся къ уменьшенію цѣнности произведеній. Но если стать на точку зрѣнія, съ которой можно обнять всѣ обмѣниваемые предметы и совокупность общественныхъ сдѣлокъ, то окажется, что *въ случаѣ одновременнаго и равномѣрнаго возрастанія потребленія и размноженія всѣхъ произведеній, безъ исключенія*, не произойдетъ никакого измѣненія въ ихъ относительной цѣнности. Поэтому, общій результатъ промышленнаго прогресса состоитъ ничуть не въ уменьшеніи цѣнности произведеній, но въ умноженіи ихъ количества. И въ самомъ дѣлѣ, если бы, при тѣхъ же самыхъ усиліяхъ, достигли до производства вдвое болѣе полотна, вина, желѣза, серебра, сахару и пр., то отношеніе между обмѣниваемыми количествами этихъ предметовъ, т.-е. ихъ цѣнность и цѣна, нисколько бы не измѣнились, но общество было бы снабжено двойнымъ ихъ количествомъ. Для тѣхъ только предметовъ обмѣна, которые бы не участвовали въ общемъ прогрессѣ производства, отношеніе, въ которомъ они обмѣниваются на другіе, измѣнилось бы, именно цѣнность ихъ возвысилась бы.

Цѣнность есть результатъ обмѣновъ, къ которымъ прибѣгли люди, при невозможности вещественнымъ предметамъ находиться въ тоже мгновеніе въ рукахъ многихъ людей, чѣмъ и обречены они на вѣчное повиновеніе исключительно одной только волѣ.

Относительно къ людскимъ обществамъ, въ свойствахъ вещества

существуетъ коренное неудобство: это—недостатокъ *всемѣстности*. Исключительную собственность можно, поэтому, принять за выраженіе этого недостатка. Съ этой точки зрѣнія, обмѣнъ представляется исправителемъ невсемѣстности вещества, такъ какъ онъ позволяетъ всякому пріобрѣсть все, что пожелаетъ. Цѣнность, въ свою очередь, есть выраженіе обмѣна, и, вмѣстѣ съ нимъ, *смягчаетъ порабощеніе* вещественныхъ предметовъ исключительной собственности.

Невещественныя полезности, напримѣръ обнародованныя мысли изобрѣтенія, открытія, какъ одаренныя всемѣстностью, не могутъ подпасть. сами собою, подъ исключительную собственность, которая есть слѣдствіе отсутствія того дара. Поэтому, для нихъ *обмѣнъ* и выражающая его *цѣнность* не имѣютъ никакой причины существованія. Искуственно только, и съ цѣлью вознаградить автора, поступаютъ съ мыслью иногда, какъ съ цѣнностью. По этому поводу, войдя еще глубже въ практическую дѣйствительность, скажемъ, что въ монополіи авторовъ не самыя мысли ихъ подвергаются обмѣну, что мысль нельзя иначе передавать какъ помощью вещественныхъ средствъ, и что платится не за мысль, а за вещественное явленіе *въ размѣрѣ пользы мысли*, которуюоно представляетъ, выражаетъ или передаетъ. Такъ, напримѣръ, въ музыкѣ, платится за содраганіе воздуха *соразмѣрно достоинству* находимаго слушателями въ искуствѣ и мысляхъ виртуоза. Точно также платятъ за что либо написанное, изображенное или объясненное на словахъ, смотря по полезности содержащихся мыслей. Однако, несмотря на то, что въ самой дѣйствительности сдѣлокъ, обмѣниваются только *матеріальные* предметы или явленія, т.-е. *ощущаемые нашими пятью чувствами*, мы принуждены говорить, напримѣръ, о *продажѣ изобрѣтеній*, какъ бы онѣ были на самомъ дѣлѣ подвержены обмѣнамъ, потому что совершенная точность выраженій невозможна ни въ какой наукѣ. Къ счастію, подобная точность необязательна: достаточно объясниться на счетъ существеннаго значенія употребляемыхъ выраженій.

Въ понятіяхъ, данныхъ нами о *полезности*, мы показали, что это качество обмѣниваемыхъ вещей всегда частью естественное и частью произведенное усиліемъ человѣка, и что полезность въ томъ только случаѣ даровая, когда при ея естественности, вещественный предметъ, одаренный ею, подъ рукою всякаго, кто захочетъ имвоспользоваться. Очевидно, что одна только недаровая часть по-

лезности берется въ соображеніе при обмѣнахъ. Отсюда слѣдуетъ, что существуютъ двѣ причины цѣнности: рѣдкость нѣкоторыхъ вещей, присвоенныхъ или произведенныхъ, и усилія, употребленныя человѣкомъ для присвоенія или приспособленія ихъ.

Ограниченныя и сполна присвоенныя естественныя блага, также какъ и предметы, произведенные людьми необыкновенныхъ способностей, не могутъ размножаться никакими усиліями труда, и цѣнность ихъ зависитъ только отъ степени богатства потребителей и ихъ желанія ими пользоваться. Таковы драгоцѣнные камни, тонкія вины, картины знаменитыхъ живописцевъ и т. п. Большая часть ежедневно обмѣниваемыхъ предметовъ, напротивъ, можетъ быть размножена дѣятельностію промышленности, но мѣрѣ увеличенія потребности въ нихъ. Цѣнность и цѣна этихъ послѣднихъ предметовъ обмѣна подчинены нѣкоторымъ законамъ, изысканіе которыхъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи.

Наука не довольствуется наблюденіемъ отношенія, въ которомъ происходитъ обычный обмѣнъ между двумя полезностями; она старается дать себѣ отчетъ въ причинѣ, по которой именно такова относительная цѣнность этихъ предметовъ. Когда цѣнность чего либо увеличивается или уменьшается относительно цѣнности другихъ вещей, то причина этого явленія можетъ быть въ измѣненіи количества предлагаемаго, или, количества требуемаго товара на рынкѣ. Но если цѣнность вещи постоянна. то *запросъ* и *предложеніе* ея находятся въ равновѣсіи, и *отношеніе между предложеніемъ и запросомъ*—выдаваемое многими экономистами за установителя цѣнности—не опредѣляетъ ничего. Вопросъ о томъ, почему цѣнность товара та, которую мы наблюдаемъ на рынкѣ, а не какая нибудь другая, остается незатронутымъ.

Въ промыслахъ, въ которыхъ достаточно одного труда для безграничнаго размноженія произведеній, относительная цѣнность этихъ послѣднихъ опредѣляется количествомъ работы, употребленной на ихъ добываніе. Если, напримѣръ, нужно втрое болѣе труда, чтобы собрать корзинку полевой земляники, чѣмъ мѣшокъ сосновыхъ шишекъ. то за корзинку земляники дадутъ три мѣшка сосновыхъ шишекъ.

Но, въ образованномъ обществѣ, потребности слишкомъ многочисленны, чтобы возможно было удовлетворять имъ всѣмъ столь простымъ средствомъ, какова непосредственная ручная работа. При-

бѣгаютъ ко множеству орудій, приготовленныхъ заранѣе и выдѣлка которыхъ требовала также работы при помощи побочныхъ же средствъ, доставленныхъ предшествующими усиліями. Кромѣ этого, по мѣрѣ размноженія нѣкоторыхъ полезностей, становится болѣе и болѣе труднымъ пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ онѣ выдѣлываются, потому что производство или извлеченіе этихъ матеріаловъ требуетъ большею частію безпрерывно-возрастающихъ усилій. Такъ, напримѣръ, разработка горныхъ продуктовъ становится накладнѣе, по мѣрѣ углубленія рудниковъ.

Все это весьма усложняетъ вопросы касательно цѣнности произведеній, способныхъ размножаться неопредѣленно. Отъ того-то современные авторы и довольствуются, въ своихъ трактатахъ политической экономіи, изложеніемъ ряда однихъ только понятій о смыслѣ, придаваемомъ словамъ, употребляемымъ экономистами, и не касаются почти никакого изъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ должно бы составлять самую сущность ихъ сочиненій.

Сказавъ, что цѣнность зависитъ отъ издержекъ производства и отъ отношенія запроса къ предложенію, они думаютъ, что этимъ наука и кончается. Они даже забываютъ часто предупредить, что издержки устанавливаютъ цѣнность исключительно тѣхъ только товаровъ, которыхъ можно размножать по желанію.

Для полезности, способной къ неопредѣленному ея размноженію, каковы бы ни были измѣненія цѣнности, происходящія отъ измѣненій запроса и предложенія, средняя цѣнность соотвѣтствуетъ именно той, которая установляется издержками производства. Измѣненія въ запросѣ и предложеніи производятъ только колебаніе цѣнности около ея средней величины; онѣ опредѣляютъ настоящую рыночную цѣну, а не ту нормальную цѣну, которая служитъ основаніемъ разсчетовъ при составленіи смѣты выгодъ значительнаго предпріятія, когда оно, по свойству своему, должно имѣть продолжительное существованіе. Эта послѣдняя есть средняя, въ сложности большаго числа лѣтъ, и оказывается всегда равною издержкамъ производства, включая въ нихъ всѣ выручки или выгоды, въ ихъ нормальной величинѣ.

ГЛАВА III.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ И БОГАТСТВА.

Когда къ полезности естественнаго блага присоединена новая полезность, произведенная работою человѣка, тогда благо это становится *произведеніемъ*. Произведенія, подобно естественнымъ благамъ, бываютъ двухъ родовъ: предметы и явленія, существующіе внѣ человѣка, и тѣлесныя и умственныя способности, безраздѣльно соединенныя съ его личностью.

Политическая экономія разсматриваетъ человѣка не во внутреннемъ его сознаніи, а только въ его сношеніяхъ съ ему подобными; сноситься же между собою люди не могутъ иначе, какъ посредствомъ ихъ произведеній, *существующихъ или проявляющихся внѣ ихъ личности*. Будь это какой либо постоянный видъ, приданный вещественному предмету, или кратковременное измѣненіе, происходящее въ самомъ производителѣ, напримѣръ, когда онъ говоритъ или движетъ своими членами, во всѣхъ случаяхъ, главнѣйшее условіе для *произведеній*, которыми занимается наша наука, состоитъ въ томъ, чтобы они *ощущались, по крайней-мѣрѣ, однимъ изъ нашихъ пяти чувствъ*.

Такъ какъ чувства наши могутъ получать впечатлѣнія только вещественнымъ путемъ, то ясно, что произведенія, служащія общественнымъ сношеніямъ и о которыхъ идетъ рѣчь въ политической экономіи, могутъ быть взяты только изъ числа *матеріальныхъ* предметовъ или явленій. Это приводитъ насъ къ тому, чтобы подъ словомъ «произведенія» разумѣть одни только *наружныя матеріальныя произведенія*, включая, въ нихъ рѣчи, тѣлодвиженія и тому подобныя явленія, назначаемыя на услугу другимъ людямъ.

Если бы дѣло шло о произведеніяхъ тѣлесныхъ и интеллектуальныхъ, разсматриваемыхъ какъ качества произведшаго ихъ лица, напримѣръ: о силѣ, ловкости, образованности и нравственности человѣка, то можно бы имъ придать, для отличія отъ наружныхъ

произведеній, какую нибудь спеціальную калификацію, назвавъ ихъ, напримѣръ, *внутренними* или *усвоенными* въ себѣ самомъ.

Человѣкъ не можетъ произвести ни вещество, ни свои врожденныя способности; онъ производитъ только ихъ полезность. Также какъ существуютъ произведенія, съ одной стороны—наружныя, относительно человѣка, а съ другой—тѣлесныя и интеллектуальныя, находящіяся въ немъ самомъ, и какъ, для сокращенія, первыя только разумѣемъ мы подъ словомъ «произведенія», такъ точно существуетъ и *производство наружныхъ полезностей* и *производство пользы отъ личныхъ дарованій*, и мы только первое изъ нихъ собственно называемъ *производствомъ*. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго смысла, придаваемаго слову, экономисты имѣли право сказать, что, сколько бы *производство* не казалось сложнымъ, оно всегда приводится къ одному только простому перемѣщенію вещества. Дѣйствительно, съ веществомъ ничего болѣе нельзя сдѣлать человѣку, какъ только приводить его въ движеніе, или препятствовать его естественному движенію. Такъ, напримѣръ, мы приводимъ воздухъ въ содраганіе, когда производимъ звуки; приводимъ въ движеніе члены нашего тѣла; задерживаемъ движеніе воздуха—защитою, и текущую воду—плотиною, и, вообще, сближаемъ, отдаляемъ, раздробляемъ тѣла и ихъ части во всѣхъ искуствахъ.

Всякое произведеніе, способное къ обмѣну и получившее на рынкѣ опредѣленную цѣнность, можно отличить отъ произведеній, неимѣющихъ цѣнности и отъ неприсвоенныхъ естественныхъ даровъ, назвавъ его собственно *богатствомъ*. Для способности къ обмѣну, предметъ долженъ быть *матеріальный*, но не нужно, чтобы онъ былъ *вещью*, переходящею изъ рукъ въ руки; онъ можетъ быть только матеріальнымъ *явленіемъ*, каковы звуки, движенія тѣла и пр., *лишь бы оно производило впечатлѣніе на чувства другаго*.

По народному выраженію, принятому многими экономистами, подъ словомъ *богатство* разумѣется все, что удовлетворяетъ нашимъ нуждамъ. Между тѣмъ, какъ только дѣло коснется до исчисленія богатства, то вносятъ въ него одну только какую-нибудь цѣнность имѣющіе предметы. Экономистъ находится почти всегда въ этомъ послѣднемъ случаѣ; поэтому, даже тѣ авторы, которые говорятъ сначала, что богатство обнимаетъ все полезное человѣку, оканчиваютъ разсматриваніемъ одного только произведеннаго человѣкомъ богатства. Сверхъ того, они ошибочно считаютъ трудъ, работу, услуги и ка-

чества или способности человѣка, въ числѣ произведеній, составляющихъ богатство.

Не даромъ бывали жалобы на вредъ, наносимый *метоніміями*, экономической наукѣ. Здѣсь тоже *метонимія*, взятая за дѣйствительность, произвела заблужденіе авторовъ. Работа человѣка—разумное усиліе, трудъ и услуга,—трудъ, полезный другому человѣку, не суть ни произведенія, способныя къ обмѣну, ни цѣнности, ни богатства, и выраженія: *произведеніе—трудъ*, *произведеніе—услуга*, употребляемыя нѣкоторыми писателями, не могутъ быть нами приняты. Будетъ ли усиліе человѣка имѣть цѣлью удовлетворить самаго себя, или услужить другому, оно не можетъ считаться въ числѣ произведеній, потому что произведеніе есть результатъ, а усиліе—причина его Если говорится: промѣнять услугу, заплатить за услугу, то для того только, чтобы не исчислять ожидаемыхъ отъ нея произведеній, чего даже иногда невозможно и сдѣлать, по неизвѣстности, точнымъ образомъ, или неопредѣленности цѣли, для которой приглашаются услуги. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы услуга была обмѣниваемымъ и оцѣниваемымъ произведеніемъ. Платится за то только, что она производитъ, и не иначе возможно опредѣлить ей мѣру, какъ смотря по ея результату. Напримѣръ: два человѣка заняты подъемомъ воды одинаковымъ способомъ. Одинъ изъ нихъ поднимаетъ, въ тоже самое время, болѣе воды, чѣмъ другой. Если ихъ услуги не равны, то единственно потому, что произведеніе услуги одного не равно произведенію услуги другаго.

Надо замѣтить, что принявъ сперва трудъ за богатство, авторы безъ зазрѣнія противорѣчатъ сами себѣ, когда опровергаютъ противниковъ *свободы обмѣна*, аргументы которыхъ основаны частью на томъ же заблужденіи. И дѣйствительно, еслибы трудъ былъ «богатствомъ», то выгодно было бы увеличивать его собственное абсолютное количество, и система протекціонистовъ была бы оправдана.

Произведенія профессоровъ, ораторовъ, музыкантовъ, танцоровъ и пр. имѣютъ мгновенное только существованіе. Поэтому, ихъ не хотѣли признать за произведенія; ихъ приняли за трудъ или услугу, которыхъ они результатъ, а произведеніе стали отыскивать въ слушателяхъ и зрителяхъ. Но въ подобномъ взглядѣ, произведенія несохраняющіяся, напримѣръ кандитерскія, были бы тоже не произведенія, а услуги; произведенія же находились бы въ самихъ потребителяхъ, такъ что, слѣдуя способу выражаться авторовъ, кото-

рыхъ мы здѣсь имѣемъ въ виду, кандитеры были бы производителями напоенныхъ, угощенныхъ и освѣженныхъ людей.

Тѣ изъ авторовъ, которые въ произведеніяхъ, не способныхъ къ сохраненію, видятъ одну только оказываемую ими услугу, должны бы, для избѣжанія упрека въ неосновательности, допустить тотъ же самый взглядъ и на всѣ произведенія, какова бы ни была ихъ прочность. Богатство состояло бы тогда только въ услугахъ, и свойство имѣть цѣнность принадлежало бы однѣмъ услугамъ. Но какая польза могла бы быть для науки въ этомъ замѣненіи результата его причиною, когда мы знаемъ, что нельзя опредѣлить относительную цѣнность обмѣниваемыхъ услугъ иначе, какъ *посредствомъ отношенія между количествами ихъ произведеній?* Двѣ обмѣненныя услуги всегда равномѣрны, и отношеніе между ними — всегда равное единицѣ—не можетъ опредѣлить ихъ относительную цѣнность.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, знаменитѣйшіе изъ экономистовъ прошлаго столѣтія разсматривали занятія, въ которыхъ не производится никакого отдѣльнаго и прочнаго предмета, какъ не производящія богатствъ. Подобная ошибка кажется намъ невѣроятною со стороны столь великихъ умовъ. Нѣтъ ли здѣсь какого нибудь недоразумѣнія? Какъ бы то ни было, но, для опроверженія этого заблужденія, ничего лучшаго не нашли, какъ приписать тѣмъ занятіямъ, спеціальное дѣйствіе на человѣка съ производствомъ въ немъ—въ видѣ качествъ и способностей—тѣхъ *сохраняющихся* предметовъ, присутствіе которыхъ полагаютъ необходимымъ для признанія производительности всякаго занятія.

Несправедливо видѣть произведенія въ томъ только, что прочно, и во всякомъ производствѣ отыскивать нѣчто остающееся, накопляющееся, сохраняющееся и удерживающееся, чтобы сказать: вотъ его произведеніе!

Какой же предѣлъ хотятъ положить сохраненію произведенной человѣкомъ полезности, чтобы она могла назваться *произведеніемъ?* Неужели ягнятина менѣе можетъ назваться произведеніемъ, чѣмъ ветчина, потому что ту должно потребить немедленно, а эта сберегается годы? И существуетъ ли какое либо произведеніе, которое бы, болѣе или менѣе, не имѣло цѣлью или окончательнымъ результатомъ своимъ: охраненіе, усовершенствованіе или удовлетвореніе человѣка?

Нѣтъ такихъ промысловъ, искуствъ или ремеслъ, которыхъ про-

изведенія не направлялись бы къ общей ихъ цѣли: дѣйствовать на человѣка. Напримѣръ: извлекаютъ желѣзо; выдѣлываютъ изъ него плугъ; пашутъ землю; сѣютъ въ нее зерны; собираютъ жатву; вымалываютъ муку; пекутъ изъ нея хлѣбъ, и весь этотъ рядъ работъ и видоизмѣненій произведенія, съ его перевозками, все это единственно для того, чтобы доставлять пищу человѣку.

Производители мыла, холстины, желѣза, всего что угодно, дѣйствуютъ на человѣка своими произведеніями, точно также какъ и производители музыки, рѣчей, совѣтовъ и пр. Воспитаніе и обученіе людей происходитъ по-крайней мѣрѣ столько же при пользованіи произведеніями долго-сохраняющимися, какъ и тѣми, существованіе которыхъ мгновенное.

Человѣкъ пріобрѣтаетъ познанія, нравственность, вѣжливость и т. п., пользуясь совѣтами, уроками, точно такъ, какъ онъ становится чистоплотнымъ—пользуясь мыломъ, бѣльемъ и пр. Умственныя и нравственныя измѣненія человѣка всегда и всѣ производятся имъ самимъ въ себѣ, и только между измѣненіями его тѣла находятся нѣкоторыя, производимыя, непосредственно, другими людьми. Таковы занятія дантиста, парикмахера, банщика и пр., да и тутъ паціентъ участвуетъ самъ, хотя и пассивно, но не безъ нѣкотораго усилія, тѣлеснаго или умственнаго.

Ошибочно ставить въ параллель, напримѣръ, работу горшечника (въ смыслѣ труда его) съ рѣчью оратора, и сосудъ—произведеніе перваго, съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ рѣчью на слушателя *). Сравненіе это основано на томъ, что произведеніе оратора исчезаетъ, подобно труду горшечника, и на принятомъ мнѣніи, будто бы для произведенія необходимы: продолжительное существованіе и накопленіе. Истинная параллель находится между трудомъ одного и трудомъ другаго производителя; между сосудомъ, произведеннымъ однимъ, и рѣчью, произведенною другимъ, съ тою только разностью, что первое изъ этихъ произведеній *остается*, а второе *исчезаетъ*; наконецъ, между личными измѣненіями, произведенными *въ самихъ себѣ*, тѣми, кто пользуется тѣмъ или другимъ изъ двухъ произведеній.

Произведенія профессора, музыканта, проповѣдника суть ихъ уроки, концерты, проповѣди, и хотя бы слушатели нисколько не воспользовались ими, по невниманію или неспособности, не менѣе то-

*) Дюнойэ, во второй части его сочиненія: Liberté du Travail стр. 12.

го, произведенія эти существовали, и ихъ производители должны быть вознаграждены соразмѣрно достоинству ихъ произведеній.

Дюноїэ и его послѣдователи не различаютъ полезности, произведенныя человѣкомъ *въ самомъ себѣ*, отъ произведенныхъ имъ *внѣ его личности*, и разсматриваютъ первыя, какъ результатъ усилія другихъ людей, не замѣчая того, что *намѣренное участіе человѣка въ его личныхъ измѣненіяхъ отнюдь не позволяетъ становить его вровень съ прочими произведеніями.* Это смѣшиваніе привело авторовъ къ употребленію такихъ выраженій, по смыслу которыхъ, человѣкъ становится полезностью, какъ бы служащею для удовлетворенія потребностямъ какихъ нибудь высшихъ существъ. Авторы эти принимаютъ людей за цѣнности, богатства, капиталы и невольно спрашиваешь себя: что бы они могли сказать болѣе этого, если бы шла рѣчь о невольникахъ? Если они не говорятъ о людяхъ, что они товаръ извѣстной цѣны, то развѣ только изъ вѣжливости, потому что, говорить: произведеніе, цѣнность, богатство, все равно, что сказать: товаръ и цѣна его. Великіе полководцы смотрѣли-же на людей, какъ на предметъ потребленія!

Экономистъ употребляетъ слово «цѣнность», въ смыслѣ обмѣна и цѣны. Въ приложеніи къ человѣку выраженій: *цѣнить*, *оцѣнивать*, подразумѣваютъ различную степень качествъ и достоинствъ въ человѣкѣ, а отнюдь не обмѣнъ или продажу, если говорится не о невольникахъ

По нашему мнѣнію, такъ какъ въ отношеніи къ человѣку существуютъ, такъ сказать, два міра: внѣшній и внутренній, то производство раздѣляется на двѣ категоріи: въ одной, человѣкъ осуществляетъ *внѣшнія* произведенія; въ другой, онъ производитъ *внутреннія* или *личныя*, усвоенныя въ себѣ и нераздѣльныя съ нимъ.

Всѣ *внѣшнія* произведенія представляются намъ вещественно. «Окончательное» назначеніе всѣхъ состоитъ въ дѣйствіи на человѣка, каково бы ни было время ихъ существованія: отъ произведеній исчезающихъ въ самое мгновеніе ихъ появленія,—каковы: слова, музыка, электрическій токъ—до существующихъ неопредѣленно, напримѣръ: галантерейныя вещи, монументы и т. п.

Категорія внутреннихъ произведеній дѣлится на два рода: интеллектуальныя и тѣлесныя. Вообще, они пріобрѣтаются самимъ тѣмъ человѣкомъ, который ими обладаетъ. Только немногія изъ тѣлесныхъ личныхъ произведеній осуществляются другимъ человѣкомъ.

Производство богатствъ имѣетъ цѣлью и окончательнымъ своимъ

результатомъ—образованіе людьми *личныхъ* произведеній, т.-е. доставленіе самимъ себѣ познаній, талантовъ и всякаго рода способностей, нравственныхъ, умственныхъ и тѣлесныхъ.

Какая же бы могла быть цѣль богатствъ, если бы самъ человѣкъ былъ ихъ элементомъ? Конечно, его производительность возрастаетъ при его усовершенствованіи—если онъ занимается какимъ либо производствомъ,—но онъ желаетъ улучшаться независимо отъ облегченія или успѣховъ его производительныхъ трудовъ. Если бы онъ и не употребилъ пріобрѣтенныя имъ качества на дальнѣйшее производство, то и тогда бы цѣль богатства, дѣйствовавшаго на его улучшеніе, была вполнѣ достигнута.

Утверждаютъ, что группы промысловъ художественныхъ, гимнастическихъ, медицинскихъ, ученыхъ, литературныхъ, педагогическихъ, воспитательныхъ, религіозныхъ и правительственныхъ, дѣйствуютъ *прямо* на человѣка, и, не обращая вниманія на непосредственныя ихъ произведенія, составляютъ изъ нихъ категорію *невещественныхъ* промысловъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ, дѣйствительно встрѣчаются промыслы, дѣйствующіе прямо на человѣка, но только на его тѣло; число ихъ очень небольшое, и ихъ нельзя назвать невещественными. Другіе промыслы тѣхъ же группъ дѣйствуютъ на человѣка, посредствомъ произведеній немедленно-исчезающихъ; таковы: рѣчь—въ совѣтахъ и объясненіяхъ; жесты и другія движенія тѣла—для примѣра или забавы и пр. Наконецъ, во многихъ изъ группированныхъ выше промысловъ, производятся предметы долговѣчные, каковы: статуи, картины и пр.

Хотятъ, что бы танцы, фехтованіе, верховая ѣзда, искуство врача и пр. разсматривались, исключительно, какъ промыслы, имѣющіе цѣлью сохраненіе и усовершенствованіе человѣческаго тѣла. Почему бы всѣмъ искуствамъ и ремесламъ, занимающимся пищею, помѣщеніемъ, одеждою, перевозкою людей, не быть въ числѣ сохраняющихъ человѣка промысловъ? Еще менѣе видимъ мы причины называть невещественными промыслы, которыми пользуется одно только тѣло человѣка.

При изученіи пластическихъ и гимнастическихъ искуствъ, также какъ и въ исполненіи рецептовъ медика, самъ субъектъ дѣйствуетъ на свое тѣло и производитъ въ немъ измѣненія. Профессора, врачи, производятъ только уроки, примѣры, рецепты и пр. Въ правительственныхъ профессіяхъ, имѣющихъ предметомъ общественную безопасность, должностные люди дѣйствуютъ матеріально

и часто непосредственно на тѣло человѣка. Происходящее же отъ того общественное спокойствіе, есть произведеніе, созданное самими жителями страны въ ихъ внутреннемъ мірѣ, когда они одушевляются чувствомъ безопасности.

Разсматривая производства съ точки зрѣнія умственнаго труда, котораго они требуютъ отъ производителя, нѣтъ сомнѣнія, что никакое производство невозможно безъ невещественнаго содѣйствія. Въ этомъ отношеніи, искуство горшечника, ткача и всякаго другаго ремесленника также невещественны, какъ и художество поэта. Но если разсматривать производство относительно непосредственнаго его результата, то есть, произведенія, способнаго къ обмѣну, то никакое искуство, никакая услуга не могутъ быть невещественными, такъ какъ всѣ они дѣйствуютъ на вещество и образуютъ произведенія, прочныя или мгновенныя, ощущаемыя нашими чувствами.

Въ отношеніи къ модификаціи человѣка, нѣкоторые производители имѣютъ непосредственное вліяніе на его тѣло; но всѣ прочіе, со включеніемъ художниковъ, дѣйствуютъ на внѣшній матеріальный міръ. Ораторъ, музыкантъ, производятъ звуки, дѣйствуя на окружающій воздухъ, который приводится ими въ содраганіе; живописецъ дѣйствуетъ на холстъ и краски и пр. т. п. Зрители или слушатели, помощію принятаго ими впечатлѣнія, сами въ себѣ производятъ модификацію—окончательный результатъ всякаго, какого бы ни было произведенія, существующаго или появляющагося внѣ человѣка. Невещественными произведеніями можно назвать только мысленныя, развитыя человѣкомъ въ самомъ себѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ матеріальныхъ произведеній; но не существуетъ никакого невещественнаго ни предмета обмѣна, ни цѣнности, ни богатства, ни, слѣдовательно, никакихъ невещественныхъ промысловъ.

При сравненіи училища съ фабрикою, наблюдатели были поражены сходствомъ между способами эксплуатаціи этихъ промысловъ. Но они ошиблись въ сравниваніи производимыхъ въ нихъ предметовъ обмѣна и цѣнности. Занятые мыслью, что богатства должны быть способны къ накопленію, и, слѣдовательно, долговѣчны, они нашли лучшимъ перенести произведенія училища въ самихъ учениковъ, чѣмъ признать «богатствами» усвоиваемыя учениками произведенія кратковременнаго существованія. Они, какъ видно, слишкомъ обрадовались найденному, казалось имъ, выходу изъ затрудненія, чтобы обратить вниманіе на то, что и всякое *долговѣчное про-*

изведеніе дѣйствуетъ на человѣка не менѣе уроковъ, совѣтовъ и выговоровъ.

Потому-то профессора, врачи, проповѣдники, художники и принадлежатъ къ числу производителей богатствъ, что они производятъ матеріальные предметы и явленія. Правда, что многія изъ этихъ богатствъ кратковременны,—ничего не остается отъ нихъ въ слѣдующее, послѣ проявленія ихъ, мгновеніе; но развѣ всѣ предметы потребленія не также точно изчезаютъ по прошествіи нѣкотораго времени?

Можно было ожидать, что авторы, которые видятъ въ результатахъ трудовъ живописцевъ и дантистовъ—невещественныя произведенія, не остановятся на этомъ пути идеализаціи вещества. И въ самомъ дѣлѣ, они доходятъ до мнѣнія, что такъ какъ нельзя сотворить вещества, а можно только придавать ему полезность, то всѣ, какія бы ни были произведенія, безъ исключенія, существенно-нематеріальны. Въ ихъ глазахъ, форма, цвѣтъ, сообщаемые ремесленникомъ какому нибудь тѣлу—невещественны, подобно наукѣ, сообщаемой профессоромъ ученику.

Послѣ этого, можно пожалуй отрицать и матеріальность самихъ тѣлъ. Вѣдь мы никакого не можемъ имѣть понятія о сущности *вещества*,—слова, означающаго соединеніе нѣкоторыхъ явленій, каковы форма, цвѣтъ, вѣсъ, сопротивленіе и пр. Мы употребляемъ это слово для означенія всего того, присутствіе чего ознаменовывается свойствами, ощущаемыми нашими пятью чувствами.

Ученость профессора имѣетъ въ немъ невещественное существованіе, но онъ передаетъ ее матеріально, при чемъ производитъ многіе ощущаемые предметы, и, по крайней мѣрѣ, звуки, жесты, рѣчи и т. п. Ученикъ, въ свою очередь, наблюдаетъ, слушаетъ, потребляетъ—если угодно такъ выразиться—произведеніе профессора; потомъ совершаетъ въ самомъ себѣ умственную работу и получаетъ или созидаетъ, такимъ образомъ, въ себѣ внутренное умственное произведеніе, именно—знаніе.

Полезность, въ отвлеченномъ смыслѣ, конечно, невещественна, потому что она есть не иное что, какъ идея, сужденіе, оцѣненіе и другія дѣйствія и заключенія ума по поводу даннаго произведенія. Также справедливо, что производится человѣкомъ только *полезность вещества*. Несмотря на это, *произведеніе* остается *веществомъ, снабженнымъ полезностью*. Принято употреблять слово *полезность* въ смыслѣ *полезнаго предмета*; но употребляя его въ этомъ *конкретномъ* смыс-

лѣ, необходимо различать подобный смыслъ отъ *отвлеченнаго* смысла того же слова, иначе произведеніе будетъ смѣшано съ его *свойствомъ быть полезнымъ*, и сбивчивость понятій дойдетъ, наконецъ, до отрицанія вещественности произведеній, то есть вещественности самаго вещества!

Произведенія *внѣшнія*, относительно человѣка, обмѣниваются, оцѣниваются и суть *богатства*, собственно такъ называемыя. Тѣ изъ этихъ произведеній, которыя имѣютъ только мгновенное существованіе, не могутъ быть переданы или перепроданы; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не были «богатствами», въ минуту ихъ существованія.

Произведенія *умственныя* созданы человѣкомъ въ себѣ самомъ и неотдѣлимы отъ него, а потому необмѣняемы и не «богатства», въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова, то есть: общественныя и измѣряемыя.

Произведенія *тѣлесныя*, не отдѣлимыя отъ человѣческой личности, по большей части находятся въ одинаковомъ съ предыдущими случаѣ; но нѣкоторыя изъ нихъ осуществляются другимъ человѣкомъ, при большемъ или меньшемъ участіи со стороны паціента. Эти послѣднія, только, входятъ въ число «богатствъ» собственно называемыхъ; но подобно внѣшнимъ мгновеннымъ произведеніямъ, они могутъ быть обмѣнены одинъ только разъ, безъ возможности ихъ передать или перепродать.

Произведенія скопляются, смотря по ихъ большей или меньшей прочности. Мгновенныя произведенія, каковы: музыка, рѣчи, вовсе *не скопляются*, что не мѣшаетъ имъ быть полезными и цѣнными произведеніями и богатствами. Конечно, можно называть, въ переносномъ смыслѣ, даже въ наукѣ, познанія и таланты «богатствами» личными и національными; не менѣе того, неправильно и ложно было бы сказать—если рѣчь идетъ не о невольникахъ—что личныя, умственныя и тѣлесныя способности человѣка, что, словомъ, самъ человѣкъ есть произведеніе, богатство, предметъ обмѣновъ и торговли.

Мысли—тоже не «богатства», въ собственномъ смыслѣ, потому что онѣ одарены всемѣстностью и, слѣдовательно, не способны къ естественному ихъ присвоенію, къ обмѣну, къ принятію цѣнности. Даже когда пользованіе ими искуственно-монополизировано, то и

тогда не онѣ сами, а вещественные предметы, получающіе отъ нихъ свою полезность, пріобрѣтаютъ цѣнность и становятся богатствами.

Люди обогащаются производствомъ внѣшнихъ, слѣдовательно матеріальныхъ богатствъ. Производство это ускоряется при усовершенствованіи способностей человѣка, увеличивающемъ его естественныя производительныя силы. Однако въ счетъ общественныхъ богатствъ нельзя включать способности и качества людей, потому что очень многіе люди нисколько не употребляютъ своей силы на услугу другимъ людямъ. Важный бы оказался недочетъ, если бы принять за богатство одно только могущество производить его,— могущество, подверженное свободной волѣ человѣка, который весьма часто не пользуется имъ. Впрочемъ, какую цѣнность назначить тому, что не можетъ находиться въ торговлѣ, что не можетъ быть отдѣлено отъ одного человѣка и передано другому?

Богатства раздѣлены нѣкоторыми авторами на естественныя, исключительно—произведенныя, и, въ одно время, того и другаго происхожденія. Это тоже заблужденіе. Во первыхъ: существуютъ естественныя «блага» неограниченныя и ограниченныя; но чтобы обратить ихъ въ «богатство», необходимо, по-крайней мѣрѣ, присвоить ихъ частію или вполнѣ, т.-е., во всякомъ случаѣ, привести ихъ въ состояніе «произведенія». Во вторыхъ: не существуетъ богатствъ исключительно-произведенныхъ, потому что усилія человѣка, участвующія въ производствѣ, не исключаютъ содѣйствіе естественныхъ даровыхъ силъ. Только содѣйствіе это остается даровымъ, до тѣхъ поръ, пока доставляющія его блага природы находятся у всякаго производителя подъ рукою.

И такъ, происхожденіе всякаго богатства, всегда, въ тоже время естественное и промышленное. Если разумѣть съ нами, подъ словомъ «богатство», исключительно одни *цѣнные* предметы, то будемъ имѣть, съ одной стороны, «блага естественныя», неприсвоенныя, даровыя; а съ другой—«богатства» присвоенныя, произведенныя, которыхъ полезность, всегда, частью естественная. Эта послѣдняя оказывается цѣнною или даровою, смотря потому, вполнѣ или не вполнѣ присвоено естественное благо, въ которомъ она заключается.

Многіе авторы находятъ удобнымъ подъ словомъ *богатство* разумѣть всякій полезный предметъ, имѣетъ ли онъ, или не имѣетъ цѣнности, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи различить цѣнности отъ нецѣнностей. Мы не приписываемъ большой важности словамъ, принимаемымъ для означенія мыслей, лишь бы авторъ оставался вѣр-

нымъ смыслу, приданному выраженію, во все то время, пока рѣчь идетъ о предметѣ, для котораго выраженіе было взято. Мы не видимъ большаго неудобства въ томъ, что у различныхъ авторовъ тоже слово принимаетъ различный смыслъ. Смыслъ этотъ можетъ даже измѣниться у того же автора, смотря по требованію изложенія, съ условіемъ: извѣщать объ этомъ всякій разъ читателя.

Какой бы впрочемъ ни придавался авторами смыслъ слову «богатство», они часто смѣшиваютъ сумму цѣнностей съ суммою полезностей въ государствѣ, принимая ихъ одну вмѣсто другой. Между тѣмъ, весьма не рѣдко, одна изъ этихъ суммъ измѣняется, тогда какъ другая остается постоянною или измѣняется въ противную сторону. Такъ, напримѣръ, земли, не измѣняясь ни обширностью, ни качествомъ, могутъ, при одинаковыхъ урожаяхъ, вздорожать подъ вліяніемъ одного только увеличившагося требованія на продукты. Изображаемая деньгами сумма цѣнностей въ этомъ случаѣ увеличится, тогда какъ сумма благъ государства остается таже.

Другой примѣръ: извѣстно, что цѣна жизненныхъ припасовъ первой необходимости возвышается или падаетъ всегда гораздо быстрѣе, чѣмъ уменьшается или увеличивается количество этихъ продуктовъ, предлагаемое на рынкѣ. Причина такого явленія заключается въ томъ, что нотребленіе подобныхъ предметовъ, при постоянномъ народонаселеніи, не можетъ много отклониться отъ его обычнаго состоянія. Изъ этого слѣдуетъ, что относительно этихъ предметовъ потребленія, количество полезностей всегда уменьшается, при возвышеніи суммы изображающей ихъ цѣнность, и, напротивъ, сумма благъ увеличивается, когда сумма ихъ цѣнности падаетъ.

Нѣкоторые авторы думаютъ, что будто-бы всякое приращеніе суммы цѣнностей—при неизмѣняющемся числѣ жителей—увеличиваетъ національное могущество относительно внѣшней политики страны. На основаніи этого мнѣнія, они разсматриваютъ вздорожаніе произведеній, отъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ, благопріятнымъ для государства.

Замѣтимъ этимъ авторамъ, что въ одномъ только случаѣ могущество государства возрастаетъ при вздорожаніи его произведеній, именно тогда, когда это вздорожаніе есть слѣдствіе увеличившагося спроса произведеній со стороны иностранныхъ потребителей. Подобное вздорожаніе, выгодное для страны, можетъ произойти отнюдь не отъ возвышенія, а развѣ напротивъ, отъ пониженія ввоз-

ныхъ пошлинъ на иностранные товары, такъ какъ увеличившійся ввозъ ихъ потребуетъ соразмѣрнаго ему вывоза туземныхъ.

Удерживать высокую цѣну произведеній на внутреннемъ рынкѣ, тогда какъ эти произведенія дешевле на иностранныхъ, значитъ ослаблять государство, какое бы ни происходило отъ подобной мѣры приращеніе въ суммѣ цѣнностей, изображенной въ деньгахъ.

ГЛАВА IV.

СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА БОГАТСТВЪ.

Какъ обитатель поверхности земнаго шара, человѣкъ не можетъ не занимать части этой поверхности, служащей ему помѣщеніемъ и опорою въ его производительныхъ трудахъ. Съ другой стороны, одаренный разумомъ, но лишенный способовъ самохраненія подобныхъ снабжающимъ низшія твари, человѣкъ не иначе доставляетъ себѣ нужное, какъ помощью разумныхъ усилій, то есть «трудомъ». Такимъ образомъ, *помѣщеніе*, или—проще сказать—*мѣсто* и *трудъ* или *работа* человѣка съ перваго шага представляются какъ два производительныя средства неизбѣжной необходимости. Въ первыя времена существованія человѣка, онъ долженъ былъ довольствоваться этими средствами для пріобрѣтенія всего необходимаго въ его тогдашней жизни. Онѣ могутъ быть и теперь еще, иногда, достаточными, напримѣръ, когда занимаемая мѣстность представляетъ неисчерпаемыя и легко собираемыя естественныя блага.

Однако, человѣкъ, даже самый дикій, не долго станетъ работать однѣми только руками, и не замедлитъ придумать какое-нибудь орудіе, для облегченія себя и для лучшаго достиженія своихъ намѣреній. Но малѣйшее орудіе, инструментъ самый простой, предварительно-приготовленный и употребленный для большей успѣшности работы, уже есть третье пособіе въ производствѣ, отличное отъ двухъ предыдущихъ. Въ настоящее время, во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ производствахъ, это третье пособіе, подъ именемъ *капитала*, состоитъ изъ множества матеріаловъ, орудій и снарядовъ.

И такъ, имѣются три производительныя средства: *мѣсто, работа* и *капиталъ*, одновременное соединеніе которыхъ необходимо во всякомъ промыслѣ нѣкоторыхъ размѣровъ. Иные авторы называютъ ихъ, всѣхъ трехъ, орудіями производства. Не противясь положительно подобному названію, намъ кажется, однако, полезнымъ замѣ-

тить, что изъ трехъ способовъ производства, одному только «капиталу» выраженіе: *орудіе* бываетъ прилично. Когда *мѣсто* участвуетъ въ производствѣ пассивно, какъ напримѣръ, подъ основаніемъ фабричнаго зданія, тогда мало причинъ для названія его «орудіемъ» работы», или производства. Что же касается до «работы»,—въ смыслѣ «труда»,—то сама она не есть орудіе; это рядъ усилій человѣка, непосредственно-прилагаемыхъ къ «орудію», собственно называемому, т.-е. къ *капиталу*.

Мы бы не обратили вниманія на это неточное употребленіе выраженія, если бы оно не способствовало, у нѣкоторыхъ писателей, къ запутанности понятій. Такъ, напримѣръ, разсматривая работу какъ орудіе производства, принимаютъ за капиталъ: руки, способности и самую личность работниковъ, что было бы вѣрно только въ случаѣ невольнаго труда.

Называя орудіемъ работы *мѣсто*, занимаемое производствомъ, нельзя было не смѣшать съ нимъ тѣ естественныя и искуственныя полезности, *которыя возможно вполнѣ уничтожить или отдѣлить отъ мѣстности*, т.-е. собственно «капиталы». Между тѣмъ, подъ словомъ мѣсто должно разумѣть качества и блага, какъ естественныя такъ и произведенныя, *неотдѣлимыя отъ мѣстности, или неистощимыя и неразрушимыя*, которыя отличаются отъ «капиталовъ» въ экономіи производства.

Одна изъ первыхъ необходимостей для экономиста, это тщательно изучить каждый изъ трехъ способовъ производства богатствъ. При этомъ онъ долженъ имѣть въ виду вопросы, предлагаемые экономической наукѣ къ разрѣшенію. Ближайшій вопросъ состоитъ въ опредѣленіи справедливаго отношенія, въ которомъ общее произведеніе должно быть раздѣлено между имѣющими на него право, то есть, между доставившими тѣ три производительныя средства.

Не существуетъ никакихъ другихъ пособій производству, кромѣ *работы*, *капитала* и ихъ *помѣщенія*; всякое, какое бы ни было частное пособіе, входитъ непремѣнно въ одну изъ этихъ трехъ общихъ группъ. Дальнѣйшіе успѣхи науки много зависятъ отъ точности, съ которою сгруппированы элементы производства въ три главныхъ класса. Точность эта очень рѣдко встрѣчается у экономистовъ, какъ по недостатку анализа элементовъ, подлежащихъ классификаціи, такъ и по причинѣ невѣрнаго разграниченія между тремя ихъ классами.

Такъ, напримѣръ, не вникнувъ, какъ бы слѣдовало, во всѣ обстоя-

тельства участія работника въ производствѣ, участіе это разсматривалось какъ одна его работа; но работникъ всегда снабженъ, на свой счетъ, нѣкоторымъ капиталомъ, по крайней мѣрѣ, одеждою и домашнею утварью. Нерѣдко онъ имѣетъ свои орудія и инструменты. Все это имущество работниковъ должно быть отнесено къ группѣ капиталовъ, одни только его *усилія* принадлежатъ классу производительныхъ средствъ, названному «работою». Подобный этому недостатокъ анализа экономическихъ явленій, причиною, также, смѣшиванья личнаго участія промышленнаго предпринимателя съ капиталомъ, вложеннымъ имъ въ предпріятіе.

Примѣры сбивчивости и запутанности въ предѣлахъ, которыми должно ограничиваться каждое изъ трехъ средствъ производства богатствъ, встрѣчаются еще чаще. Это происходитъ отъ ошибочной классификаціи элементовъ производства. Напримѣръ: авторы, разсматривающіе строенія, посадки деревъ, ограды и т. п., какъ принадлежность «мѣста», захватываютъ въ него элементы, принадлежащіе классу «капиталовъ». Тѣ авторы, которые считаютъ въ числѣ капиталовъ канавы, дренажи, искуственныя измѣненія состава почвы и т. п., захватываютъ, напротивъ, въ классъ «капиталовъ» элементы нераздѣльные съ «мѣстомъ». Есть даже и такіе писатели, которые соединяютъ въ одинъ классъ мѣсто—съ капиталомъ, дѣйствующимъ на немъ, и не видятъ, въ чемъ существенно-различаются свойства этихъ двухъ производительныхъ средствъ. Поводомъ къ подобному заблужденію могло послужить обстоятельство, что того же самаго рода естественное благо, отдѣлимое отъ почвы, смотря потому, истощимо оно или нѣтъ, представляетъ капиталъ или относится къ качеству мѣстности. Такъ, напримѣръ, рудникъ малаго протяженія, истощеніе котораго предвидится въ непродолжительномъ времени, не долженъ быть смѣшанъ съ тѣмъ, что мы называемъ «мѣстомъ», потому что «мѣсто» получаетъ отъ подобнаго рудника цѣнность только въ продолженіе ограниченнаго времени его разработки. Но если обширность залежанія минерала неопредѣленная, то разработка его продолжится тоже неопредѣленное время и никогда не перестанетъ придавать цѣнность мѣстности, наравнѣ со всякимъ другимъ неистощимымъ свойствомъ почвы. Въ этомъ случаѣ, «мѣсто», получающее цѣнность, есть поверхность земли, занятая шахтами и всѣми принадлежностями горнаго дѣла; что же касается до платы владѣльцамъ почвы земли, подъ которою, назначительной глубинѣ, проходятъ галлереи, то мы уже сказали, го-

воря о собственности, что она назначается произвольно и принадлежитъ, поэтому, къ категоріи налоговъ.

Владѣлецъ неистощимаго рудника можетъ проживать безнаказанно собственно—поземельный доходъ, очищающійся сверхъ всѣхъ издержекъ эксплуатаціи, со включеніемъ въ нихъ и извѣстной нормальной прибыли предпринимателя. Но еслибъ владѣлецъ истощимаго рудника вздумалъ также проживать свой излишекъ дохода, сверхъ обычной прибыли въ производствахъ, вѣря экономистамъ, не различающимъ принадлежность «мѣста» производства отъ «капитала», то раззорился бы, потому что его излишекъ выручки не вѣчный, и представляетъ *капиталъ*, а не *поземельный доходъ*.

Другое затрудненіе—источникъ ошибокъ въ разграниченіи капитала отъ мѣстности—встрѣчается по поводу естественныхъ органическихъ продуктовъ. Непосредственное, самородное возобновленіе дѣлаетъ ихъ неистощимыми и подаетъ этимъ поводъ къ смѣшиванію ихъ, во всякомъ случаѣ, съ качествомъ мѣстности. Между тѣмъ, здѣсь представляется важное различіе относительно времени, потребнаго для возобновленія продуктовъ. Луга составляютъ всегда *качество мѣстности*, потому, что они неотъемлемы отъ нея и что трава вновь выростаетъ ежегодно. Лѣсъ, напротивъ, всегда *капиталъ*, потому что если его вырубить, то нужно весьма продолжительное время для его возобновленія. Только посредствомъ извѣстной системы вырубки участками, можно извлечь изъ лѣснаго производства, сверхъ обычныхъ процентовъ представляемаго лѣсомъ капитала, непрерывный доходъ, причитающійся землѣ, на которой растетъ лѣсъ. Подобный же собственно-поземельный доходъ могъ бы быть извлеченъ отъ мѣста и другимъ какимъ-нибудь производительнымъ предпріятіемъ, и если вырубка участками лѣса предпочитается сплошной его вырубкѣ, то въ томъ только случаѣ, когда не имѣется въ виду никакого другаго промысла, способнаго доставить, на томъ же самомъ мѣстѣ, еще большій излишекъ дохода, сверхъ обычныхъ процентовъ на употребляемый капиталъ.

Въ видахъ распредѣленія произведенія между имѣющими на него право, нужны нѣкоторыя ограниченія въ трехъ группахъ производительныхъ средствъ. Но прежде всего надо замѣтить, что экономическіе законы, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся только къ общему случаю обширныхъ предпріятій, неопредѣленно-продолжительнаго

существованія, и произведенія которыхъ можно размножать по произволу.

Мѣсто, занимаемое предпріятіемъ, разсматривается, единственно, въ отношеніи къ части выручки, достающейся его владѣльцу; часть эта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не существуетъ, и, для упрощенія вопроса, можно сперва предположить промыселъ помѣщеннымъ въ странѣ слишкомъ обильной землями, чтобы «мѣсто» могло принять какое-либо участіе въ распредѣленіи произведенія. Въ этомъ предположеніи, остаются только двое участниковъ въ обще-добытомъ произведеніи: *работа* и *капиталъ*.

Первое изъ этихъ двухъ производительныхъ средствъ,—продолжая смотрѣть на него съ точки зрѣнія достающейся ему части произведенія—состоитъ изъ различнаго рода трудовъ, вознаграждаемыхъ различно, смотря по пользѣ, приносимой каждымъ трудящимся въ производствѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что не собственно трудъ вознаграждается, а платится за произведеніе или результатъ работы. Въ производствѣ общими силами, каждый трудящійся имѣетъ право, ни болѣе ни менѣе, какъ на то именно, что онъ произвелъ; капиталъ находится въ этомъ же случаѣ. Но невозможно различить въ произведеніи, что именно каждый участвовавшій въ немъ произвелъ. Поэтому принуждены ограничить цѣль изысканій, относящихся до части произведенія, слѣдуемой за работу, опредѣленіемъ причитающагося только большинству трудившихся, производительность которыхъ равномѣрна, то есть, собственно-называемымъ работникамъ. Вознагражденія предпринимателю, управителямъ, надзирателямъ, мастерамъ, подмастерьямъ и пр. предварительно вычитаются изъ валоваго дохода, вмѣстѣ со всѣми другими расходами, такъ что остается исключительно только то, что слѣдуетъ за *трудъ* простыхъ рабочихъ и *капиталу*.

Когда владѣлецъ мѣста получаетъ также часть выручки, то это происходитъ вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, чуждыхъ организаціи разсматриваемаго предпріятія. Никогда и никакой части произведенія не слѣдуетъ приписывать *собственно* и *абсолютно* «мѣсту», за его участіе, и владѣлецъ мѣста не есть производитель. Для доказательства, достаточно привести въ примѣръ промыселъ, существующій въ малонаселенной странѣ, гдѣ много свободной земли. Тамъ, какъ бы ни было велико количество добытаго произведенія, нѣтъ никакой причины не разсматривать его вполнѣ, какъ выручку однихъ только работы и капитала. Въ случаѣ недостатка

мѣстъ, напротивъ, какъ бы ни было скудно произведеніе той же самой работы и того же капитала, владѣлецъ мѣста является какъ третій участникъ, имѣющій право на часть произведенія.

Впрочемъ часть, абсолютно-слѣдуемая свойствамъ, преимуществамъ, благамъ, силамъ и естественнымъ продуктамъ мѣста, тогда бы только могла быть опредѣлена, если бы возможно было произвести что-либо безъ всякаго участія силъ природы. Это совершенно невозможно. Но если *абсолютное* участіе природы въ производствѣ—неопредѣленно, то *относительное* ея участіе выражается *поземельною платой*. Мѣстныя обстоятельства различны, и таже работа, при помощи одинаковаго капитала, производитъ менѣе въ одной мѣстности, чѣмъ въ другой. Тогда-то, вслѣдствіе совмѣстничества между производителями, довольствующимися, во всѣхъ мѣстностяхъ той же страны, одинаковою прибылью—тогда-то, говоримъ мы, владѣлецъ мѣста получаетъ, подъ именемъ «поземельной ренты», излишнюю часть выручки, опредѣляющуюся разностью между количествомъ произведенія полученнымъ на его землѣ и наименьшимъ изъ получаемыхъ на другихъ мѣстахъ. Такъ какъ эта часть происходитъ единственно отъ естественнаго различія мѣстъ, то она бываетъ одинакова только на мѣстахъ одинаково-выгодныхъ, тогда какъ количество произведенія, достающееся работѣ и капиталу, остается вездѣ одинаково относительно того же количества этихъ двухъ средствъ производства.

И такъ мы видимъ, что въ странѣ, *гдѣ находятся еще даровыя мѣста*, часть произведенія, выдѣляющаяся владѣльцу мѣста, не имѣетъ никакого вліянія, ни на количество произведенія, подлежащее раздѣлу между работниками и капиталистами, ни на отношеніе, въ которомъ этотъ раздѣлъ долженъ совершиться равноправно. Поэтому, если мы возьмемъ въ этой странѣ промышленное предпріятіе, учрежденное на мѣстѣ, получающемъ свою часть произведенія, то стоитъ только считать эту часть въ числѣ расходовъ, вычитающихся изъ валовой выручки; въ остаткѣ будетъ то самое количество произведенія, достающееся работѣ и капиталу, которое получается на мѣстности, не входящей вовсе въ раздѣлъ выручки.

Не таковы обстоятельства страны, въ которой уже не находится свободныхъ земель. Въ подобной странѣ, никакое экономическое обстоятельство не противится уменьшенію части произведенія, достающейся работѣ и капиталу, и пониженіе заработной платы встрѣ-

чаетъ свой предѣлъ единственно въ органической потребности человѣка для его существованія.

Намъ остается еще сказать, что мы разсматриваемъ капиталомъ, участвующимъ въ распредѣленіи произведенія. Съ этой точки зрѣнія, капиталъ состоитъ изъ матеріаловъ, орудій, механическихъ двигателей, предварительныхъ денежныхъ выдачъ, вкладовъ или затратъ и проч. Какого бы рода ни было получаемое произведеніе, оно не капиталъ, а доходъ, подлежащій раздѣлу между участниками въ производствѣ. Такъ, напримѣръ, въ промывкѣ золотоносныхъ песковъ, съ точки зрѣнія поземельнаго владѣнія, золотой пріискъ не есть качество мѣстности, а капиталъ, потому что онъ истощимъ; между тѣмъ, съ точки зрѣнія производства работъ и распредѣленія дохода, извлекаемое золото есть произведеніе, а капиталъ состоитъ изъ приборовъ и орудій, употребляемыхъ въ этой работѣ. Въ правильной эксплуатаціи лѣсовъ, деревья на корню остаются капиталомъ, а произведеніе состоитъ изъ вывозимаго лѣса. Но это произведеніе не составляетъ, подобно золотоноснымъ пескамъ, части извлекаемаго капитала, оно представляетъ доходъ, заключающій, сверхъ издержекъ на эксплуатацію, непрерывные проценты съ цѣнности лѣсной дачи и поземельную ренту.

Сдѣлаемъ теперь перечень всѣхъ выдачъ, которыя должны быть покрыты ежегодно-получаемымъ произведеніемъ, въ общемъ случаѣ постояннаго и обширнаго производства:

1) *Вознагражденіе трудовъ* предпринимателя и всѣхъ его сотрудниковъ, занятія которыхъ цѣнятся болѣе простой ручной работы. Часто бываютъ выдачи за совѣтъ ученыхъ, врачебныя услуги и пр.; словомъ, сюда включается плата за всякіе труды, исключая труда простыхъ работниковъ.

2) Возвратъ затраченныхъ капиталовъ. Этотъ возвратъ происходитъ въ весьма различные сроки: капиталъ, выдаваемый за сырые матеріалы, перевозку и пр., долженъ возвращаться ежегодно сполна; капиталъ въ орудіяхъ, инструментахъ, приборахъ, машинахъ, строеніяхъ, и пр. уплачивается ежегодною премією, назначенною смотря по цѣнности каждаго предмета и по числу лѣтъ его существованія. Вся эта категорія расходовъ можетъ назваться *погашеніемъ капиталовъ*, которое измѣняется отъ 100 до 1, а иногда и менѣе, въ годъ, на сто вложеннаго капитала.

3) Расходъ на *починки и содержаніе въ исправности* какъ движимости, такъ и недвижимыхъ принадлежностей производства.

4) Различныя *страховыя преміи*, обезпечивающія капиталы противъ несчастныхъ случаевъ и, въ томъ числѣ, проценты съ капитала, представляемаго произведеніемъ, если оно остается долго въ складахъ въ ожиданіи его продажи.

5) Ежегодная плата, слѣдующая владѣльцу мѣста, т.-е. *поземельная рента.*

6) *Заработная плата* простымъ работникамъ.

7) *Проценты и капиталы*, употребленные въ предпріятіи.

Выручка должна еще покрывать налоги, но, при изысканіи естественныхъ законовъ распредѣленія произведенія, необходимо отстранить отъ экономіи производства все то, что можетъ ее разстроивать. Вліяніе налоговъ удобнѣе разсматривать отдѣльно.

Въ новыхъ промыслахъ, пока совмѣстничество производителей не произвело всего своего вліянія, также какъ и въ случаѣ необыкновенныхъ способностей производителя, послѣ удовлетворенія сполна всѣхъ требованій участниковъ, оказывается сверхъ того еще остатокъ или *чистый доходъ* въ самомъ абсолютномъ смыслѣ слова. Но исключительные и временные случаи не могутъ намъ показать постоянныхъ законовъ естественныхъ явленій. Для этого мы должны разсматривать, *промыселъ издавна вошедшій въ нормальное состояніе подъ управленіемъ предпринимателей обыкновенныхъ способностей.* Въ этомъ общемъ случаѣ: различныя вознагражденія участниковъ, въ высшихъ, передъ простыми рабочими, занятіяхъ, соотвѣтствуютъ, каждое, средней его величинѣ, наблюдаемой въ теченіи продолжительнаго періода времени; плата рабочимъ есть средняя и одинаковая для всѣхъ; употребленные капиталы и ихъ уплаты или погашенія—постоянно тѣже; проценты на капиталы—средней величины за многіе годы; словомъ, вся вполнѣ выручка и всѣ элементы ея раздѣла разсматриваются въ ихъ среднемъ и неизмѣнномъ состояніи, въ издавна дѣйствующемъ правильномъ производствѣ.

Въ подобномъ нормальномъ случаѣ, ничего не остается изъ выручки, сверхъ исчисленныхъ выше частей произведенія, покрывающихъ ежегодно-требующіяся выдачи, и общая цѣнность всего произведенія представляетъ только полную сумму *издержекъ производства.*

Такъ какъ различные элементы отчетности операцій промышленнаго предпріятія весьма разнородны, то необходимо приводить ихъ всегда къ одной и тойже единицѣ мѣры. Для этого изображаютъ ихъ цѣнность въ рабочихъ дняхъ или въ деньгахъ, или, еще, въ мѣрахъ зерноваго хлѣба, смотря по требованію предлагаемыхъ къ разрѣшенію вопросовъ, лишь бы единица цѣнности была одна и таже для всѣхъ данныхъ вопроса.

Надобно предоставить выраженіямъ: *издержки производства, произведеніе, валовой доходъ, чистый доходъ* и пр., большую, такъ сказать, упругость смысла. Въ нормальномъ производствѣ, съ точки зрѣнія распредѣленія полной выработки, получается только *валовой доходъ* равный *издержкамъ производства*; здѣсь *чистаго дохода* нѣтъ. Такъ какъ сумма издержекъ опредѣлена, и какъ она должна быть покрыта полнымъ количествомъ получаемаго произведенія, то раздѣливъ *издержки* на *количество произведенія*, получимъ *цѣну единицы мѣры* этого послѣдняго.

Физіократы становились на спеціальную точку зрѣнія поземельныхъ владѣльцевъ и называли *издержками производства* всѣ расходы, кромѣ уплаты поземельной ренты, которую называли *чистымъ доходомъ*. Но разсматривая производство въ общемъ видѣ, поземельная рента представляется частью расходовъ и въ нормальномъ состояніи земледѣльческаго предпріятія, точно также нѣтъ никакого *обсолютно-чистаго* дохода, какъ и въ мануфактурномъ производствѣ.

Относительно опредѣленія суммы, которая должна раздѣлиться по тремъ послѣднимъ элементамъ издержекъ, именно: на *поземельную ренту*, на *заработную плату* и на *проценты съ капиталовъ*, вся сумма эта разсматривается какъ *чистый доходъ*, принимая прочіе элементы за издержки.

Въ глазахъ владѣльца мѣстомъ, его рента есть чистый доходъ. Для капиталиста, чистый доходъ находится въ процентахъ на его капиталъ. Предприниматель разсматриваетъ свою прибыль чистымъ доходомъ. Наконецъ, работники тоже могутъ принять свою заработную плату за ихъ чистый доходъ, выручаемый изъ промышленнаго предпріятія, въ которомъ они работаютъ.

По мнѣнію многихъ экономистовъ, чистый доходъ есть то что остается отъ прибыли предпринимателя, послѣ вычета всего, что ему слѣдуетъ въ обычномъ размѣрѣ. Мы уже сказали, что этотъ

остатокъ не существуетъ вовсе—кромѣ случаевъ личнаго преимущества, или искуственной монополіи, или когда совмѣстничество не успѣло еще уничтожить излишекъ прибыли. Но этихъ случаевъ не допускаетъ положеніе вопросовъ, относящихся къ раціональнымъ принципамъ науки.

ГЛАВА V.

ТРУДЪ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Мы имѣли случай говорить о трудѣ или работѣ человѣка, и многое изъ принадлежащаго къ предмету, которымъ займемся теперь, уже извѣстно читателю. Не будемъ повторять, а припомнимъ только объясненное въ другомъ мѣстѣ.

Во-первыхъ, мы признали трудъ основаніемъ *права* исключительной собственности присвоивателя вещественныхъ предметовъ, но не *причиною постоянно-исключительнаго* характера этой собственности. Далѣе, мы сдѣлали опредѣленіе работы человѣка: «*добровольное* усиліе съ *разумною* цѣлью», и показали, что никакое удовлетвореніе, какой бы ни было потребности, не можетъ быть достигнуто безъ труда, цѣль и результатъ котораго состоятъ, впрочемъ, единственно въ *придачѣ полезности* естественнымъ благамъ. Въ тоже время, мы объяснили, почему неизбѣжно принуждены разсматривать трудъ, какъ обмѣниваемую и цѣнную полезность, не смотря на несовмѣстность подобныхъ свойствъ съ самою сущностью труда. По поводу произведеній и богатствъ мы должны были опровергнуть авторовъ, включающихъ въ ихъ число работу человѣка. Опредѣливъ «услугу» — трудъ полезный другимъ людямъ — мы показали безплодность для науки приписыванія цѣнности однимъ только услугамъ. Наконецъ, мы разсматривали работу человѣка, какъ одно изъ трехъ средствъ производства, тщательно отдѣляя его отъ двухъ другихъ.

Выгоды *раздѣленія работы*, въ видахъ уменьшенія издержекъ, быстраго умноженія и лучшей отдѣлки произведеній, столь очевидны и столько разъ были предметомъ пространныхъ доказательствъ, подкрѣпленныхъ множествомъ примѣровъ, что мы можемъ себѣ позволить отказаться отъ отысканія аргументовъ въ пользу того, въ чемъ, по всей вѣроятности, никто нынѣ не сомнѣвается. Впрочемъ, панегирики *раздѣленію работъ* не должны заслонять вредность его излишества.

Раздѣлить работу, значитъ заключить участіе каждаго производителя въ кругу одной только спеціальности, какъ можно менѣе сложной и наиболѣе согласной съ его естественными способностями. Но слишкомъ ограниченная спеціальность приводитъ человѣка къ состоянію подобному машинѣ, негодной ни къ какому другому употребленію, кромѣ того, къ которому она предназначена. Въ этомъ положеніи, работникъ не свободенъ оставить ремесло, въ которомъ заработка уменьшилась, и перейти къ другому, болѣе прибыльному. Спеціальность работниковъ, доведенная до чрезмѣрности, не допустила бы свободное образованіе однообразной во всей странѣ заработной платы—къ большому ущербу какъ работниковъ, въ ремеслахъ почему либо утрачивающихъ свою дѣятельность, такъ и потребителей произведеній, на которыя, напротивъ, запросъ увеличивается. Въ предстоящихъ изслѣдованіяхъ, мы предполагаемъ раздѣленіе работы не до такой степени радикальнымъ, чтобы оно могло вредить свободѣ работниковъ и препятствовать выравниванію заработной платы во всѣхъ ремеслахъ страны.

Многіе авторы, говоря о *заработной платѣ*, распространяютъ это выраженіе на плату за трудъ всѣхъ, безъ исключенія, лицъ, участвующихъ въ производительномъ предпріятіи: на жалованье должностныхъ всѣхъ степеней, на вознагражденіе техникамъ, на прибыль предпринимателя, также какъ и на плату простымъ рабочимъ людямъ. Но мѣра платы всѣмъ этимъ участникамъ не одинакова, и смѣшавъ ихъ выручки, нельзя будетъ опредѣлить ни одной изъ нихъ. Правда, что авторы даже и въ виду не имѣютъ сущность вопроса о распредѣленіи произведенныхъ цѣнностей; они довольствуются исчисленіемъ участниковъ, не заботясь о томъ, какая кому часть достается изъ общей ихъ выработки. Если бы они рѣшились выйти изъ круга предварительныхъ понятій, опредѣленія словъ и нѣсколькихъ положеній или правилъ, полезныхъ, но слишкомъ простыхъ для притязанія составить изъ нихъ самостоятельную науку; если бы, наконецъ, они вздумали попытаться опредѣлить части, принадлежащія каждому изъ трехъ пособій производства, то подъ выраженіемъ «заработная плата» они должны были бы разумѣть одну только часть, достающуюся собственно-называемымъ работникамъ.

Въ промышленномъ производствѣ, основанномъ на большую ногу,—а къ этимъ только и приложимы экономическіе законы—равномѣрная плата простымъ работникамъ составляетъ сумму несравненно превышающую разнообразныя вознагражденія всѣхъ другихъ

сотрудниковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Кромѣ этого заработная плата простыхъ работниковъ есть самое низкое изъ вознагражденій за трудъ, тогда какъ этотъ классъ трудящихся составляетъ огромное большинство народа. Однихъ этихъ обстоятельствъ достаточно, чтобы заняться преимущественно опредѣленіемъ платы собственно-работникамъ, когда дѣло идетъ о вознагражденіи труда, разсматриваемаго какъ одного изъ трехъ участниковъ въ раздѣлѣ общаго произведенія.

Но есть причина гораздо сильнѣе, по которой и нельзя поступать иначе, это — невозможность постановить раціональное отношеніе между вознагражденіемъ всякаго изъ участниковъ въ производствѣ, и полнымъ количествомъ обще-добытаго произведенія. Мы принуждены принять всѣ вознагражденія, высшія противъ «заработной платы», какъ данные наблюденіемъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ, во всякое время, нѣкоторую обычную величину, основанную на приблизительной оцѣнкѣ пользы, доставляемой занятіемъ, и на большемъ или меньшемъ числѣ желающихъ поступить къ тому же занятію.

Важнѣйшее изъ вознагражденій, считаемыхъ нами въ числѣ уже *извѣстныхъ*,—когда приступаемъ къ отдѣленію части произведенія, назначаемой къ раздѣлу между работниками, капиталистомъ и владѣльцемъ мѣста—есть *прибыль предпринимателя*, весьма различно опредѣляемая экономистами. Она принимается, нерѣдко, за выручку сверхъ заработной платы, равной слѣдуемой предпринимателю, какъ простому работнику. Другіе авторы смѣшиваютъ ее съ процентами на капиталъ предпринимателя. Иные еще предполагаютъ, что она содержитъ, вмѣстѣ съ вознагражденіемъ предпринимателя, нѣкоторый чистый его барышъ.

Всѣ разногласія подобнаго рода, часто встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ экономистовъ, происходятъ отъ того, что авторы отыскиваютъ *абсолютныя* опредѣленія словъ и понятій, вмѣсто того, чтобы сначала постановить съ точностью вопросы, которые они должны предлагать себѣ къ разрѣшенію, и потомъ приготовить, въ виду этихъ вопросовъ, матеріалы, данныя или элементы, способные служить орудіями разрѣшенія.

Если цѣль наша состоитъ въ отдѣленіи части произведенія, слѣдуемой капиталу предпріятія и труду работниковъ, то мы должны разсматривать нормальную эксплуатацію безъ абсолютно-чистаго дохода. Въ подобномъ случаѣ, прибыль предпринимателя есть постоянное вознагражденіе, опредѣляющееся необходимостью возмездія

за его личныя заботы. Прибыль эту конкурренція уничтожить не можетъ, но не допускаетъ и возвыситься надъ нѣкоторымъ уровнемъ, общимъ во всѣхъ промыслахъ страны. Если прибыль нѣкаго предпринимателя и бываетъ выше общаго уровня, то, или по причинѣ необыкновенныхъ его способностей, или онъ пользуется какою нибудь привилегіею, или, наконецъ, промыселъ его такъ новъ, что совмѣстничество еще не сбавило лишніе барыши, или не перевело ихъ въ поземельную ренту владѣльца мѣстомъ.

Нѣтъ грубѣе ошибки, какъ претендовать на выравниваніе вознагражденій должностнымъ людямъ, руководителямъ въ промышленномъ предпріятіи, съ платою нанятымъ въ немъ рабочимъ людямъ. Ни время, ни тягость труда не могутъ служить мѣрою для оцѣнки услугъ трудящагося; онъ вознаграждается соразмѣрно *пользѣ* отъ его трудовъ. Жалованье служащимъ въ эксплуатаціи выше заработной платы простымъ рабочимъ потому, что польза услугъ первыхъ считается болѣе важною. Но для болѣе важныхъ услугъ требуется отъ людей болѣе способностей и познаній. Отъ этого, какъ бы ни было велико общее пониженіе вознагражденій, распорядители и руководители всѣхъ степеней—до подмастерьевъ, и даже до сторожей, будутъ получать всегда болѣе платы, чѣмъ простые поденщики.

Польза труда представляетъ достоинство оказанной услуги и не имѣетъ другаго мѣрила, кромѣ самой той части произведенія, которую трудъ доставилъ. Здѣсь еще имѣемъ случай повторить, что платить за работу человѣка не что иное, какъ выдать ему цѣнность равномѣрную имъ произведенной. Если бы возможно было, каждому участвовавшему въ производствѣ, различить въ общемъ произведеніи часть, имъ доставленную, также ясно, какъ видитъ ее отдѣльный производитель, работающій на свой счетъ и безъ помощниковъ, то экономическая наука почти не имѣла бы предмета. Работа въ сообществѣ—предпочтительнѣе, потому что болѣе производительна: но при этомъ въ полученномъ произведеніи результаты трудовъ каждаго участника перемѣшаны между собою и объединены.

«Прибыль предпринимателя», какъ важнѣйшее, по величинѣ, изъ всѣхъ частныхъ вознагражденій за трудъ, и какъ то, о которомъ существуютъ весьма разнообразныя понятія, требуетъ точнаго опредѣленія.

Двѣ причины соединяются для составленія прибыли предпринимателя: недостатокъ страховыхъ учрежденій для нѣкоторыхъ рис-

ковъ предпріятія, и польза личныхъ трудовъ его. Капиталъ страховыхъ обществъ, спеціально-назначенный для покрытія случайныхъ потерь, собирается достаточно большой, чтобы, въ самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, ущербъ его былъ, относительно, не опасенъ. Тутъ весьма малая страховая премія обезпечиваетъ какъ застрахованныхъ, такъ и страхователей. Потери отъ незастрахованныхъ рисковъ предпринимателя, напротивъ, могутъ уничтожить большую часть его капитала. Въ этомъ случаѣ, страховая премія зависитъ отъ отношенія между возможными потерями и состояніемъ промышленника. Часть прибыли, представляющая эту премію, должна, по этому, быть несравненно болѣе требуемыхъ страховыми учрежденіями.

Другая часть прибыли предпринимателя, вознаграждающая труды, необходимо значительнѣе жалованья наемнаго распорядителя которому бы можно было ввѣрить управленіе предпріятіемъ. Отъ этого послѣдняго нельзя требовать того предвидѣнія и тѣхъ трудовъ, заботъ и самопожертвованій, которые расточаются владѣльцемъ предпріятія, когда онъ самъ имъ управляетъ. Посреди трудностей, непредвидимыхъ случаевъ и борьбы всякаго рода, предприниматель предается умственнымъ усиліямъ, на какія управитель на жалованьи, изъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ, не былъ бы способенъ. Но попеченіе предпринимателя увеличиваетъ вырабатываемое произведеніе, и это увеличеніе есть именно то, что предприниматель выручаетъ сверхъ вознагражденія наемнаго управителя. Таково точное понятіе о *прибыли*. Принимая ее за постоянную и извѣстную величину, мы будемъ разсматривать предпринимателя, какъ управляющаго, котораго жалованье равнялось бы прибыли.

Разобранныя нами причины, обусловливающія «прибыль предпринимателя», не допускаютъ ея пониженія, между тѣмъ конкурренція между предпринимателями ограничиваетъ ея возвышеніе; отъ этого происходитъ, что прибыль находится, въ ту же эпоху, на нѣкоторой обычной высотѣ во всѣхъ вообще промыслахъ той же страны.

Для опредѣленія раціональной «заработной платы», должно отдѣлить ее отъ всѣхъ другихъ вознагражденій, полагая эти послѣдній извѣстными и вычтенными изъ общаго произведенія. Такимъ образомъ, въ производительномъ средствѣ, названномъ «работою человѣка», мы имѣемъ исключительно *трудъ простыхъ работниковъ*, и вся часть произведенія, достающаяся этому производительному средству, состоитъ изъ одной только общей суммы заработной платы, соб-

ственно такъ называемой, и равномѣрно-раздѣляющейся между работниками.

Въ вопросѣ о раздѣлѣ произведенія между работниками, капиталистомъ и владѣльцемъ мѣста, произведеніе это изображается его цѣнностью, обыкновенно въ деньгахъ. Поэтому и заработная плата должна считаться въ той же самой единицѣ мѣры. Но когда дѣло идетъ о степени благосостоянія работниковъ, о ихъ выгодахъ или потеряхъ, при извѣстныхъ условіяхъ или обстоятельствахъ производства, то для разрѣшенія предлагаемыхъ вопросовъ недостаточно знать величину заработной платы въ деньгахъ. Необходимо принять еще въ соображеніе цѣны предметамъ, нужнымъ работнику чтобы узнать, сколько можетъ онъ пріобрѣсть ихъ на получаемую имъ плату. Это количество потребностей есть *дѣйствительная* выручка работника. Большая была бы ошибка, еслибъ мы приняли за дѣйствительное возвышеніе заработной платы ея увеличеніе, напримѣръ, на 10 на сто, въ то время, когда цѣны способовъ существованія увеличились, положимъ, до 15 на 100.

Заработная плата измѣняется большею частію по временамъ года, по случаю неравномѣрной дѣятельности многихъ промысловъ. Въ нѣкоторыхъ промыслахъ—зимою, а въ другихъ—лѣтомъ, работники выручаютъ менѣе; а есть и такіе промыслы, въ которыхъ работа періодически прекращается совершенно. Но въ суммѣ, годовая выручка работниковъ, по причинѣ совмѣстничества между ними равномѣрна, или, по-крайней мѣрѣ, безпрестанно стремится къ тому же уровню во всѣхъ промыслахъ страны. Но этой причинѣ, подъ заработною платою мы разумѣемъ не поденную, а годовую; а такъ какъ ходячая или рыночная годовая заработная плата измѣняется изъ года въ годъ—по множеству случайныхъ причинъ, которыхъ невозможно даже исчислить—то и берется средняя ея величина за большое число лѣтъ.

Для еще большей полноты и опредѣлительности понятія о «заработной платѣ», мы относимъ это выраженіе не къ тому только, что получаетъ отдѣльный работникъ, но къ вознагражденію за работу цѣлаго семейства, полагая его состоящимъ изъ средняго числа членовъ всякаго возраста и обоего пола. Наконецъ, разсматриваемая нами заработная плата есть плата за одинъ только личный трудъ, и не содержитъ никакой доли, причитающейся капиталу, принадлежащему рабочему семейству. Эта послѣдняя доля включена въ части выручки, достающейся всѣмъ употребленнымъ въ предпріятіи

капиталамъ, и работники имѣютъ на нее свое пропорціональное право, наравнѣ со всякимъ другимъ капиталистомъ.

Колебанія заработной платы, происходящія отъ измѣненій отношенія запроса къ предложенію рукъ, имѣютъ нѣкоторый уровень, отъ котораго они отклоняются вверхъ и внизъ, подобно тому, какъ рыночная цѣна товаровъ колеблется около ихъ стоимости, т.-е. издержекъ производства.

Въ странахъ, гдѣ нѣтъ уже незанятыхъ никѣмъ удобныхъ земель, одна только, соотвѣтствующая крайнимъ необходимостямъ жизни, величина заработной платы есть та, отъ которой она не можетъ отклоняться много и на долго, въ ту или другую сторону. Когда она упадетъ ниже этого предѣла, тогда увеличивающаяся смертность и уменьшеніе новорожденныхъ, уменьшаютъ предложеніе рукъ и вновь возвышаютъ заработную плату. Въ случаѣ же возвышенія заработной платы, напротивъ, происходитъ приращеніе народонаселенія, и, слѣдовательно, и предложенія рабочихъ рукъ понуждающее къ пониженію платы имъ.

Тамъ, гдѣ свободныя земли открываютъ капиталамъ и работѣ болѣе производительное употребленіе и позволяютъ работникамъ переходить, по желанію, изъ сословія наемныхъ въ сословіе собственниковъ, выручка работниковъ, основавшихся на собственный свой счетъ, опредѣляетъ уровень, около котораго случайныя измѣненія запроса и предложенія работы колеблятъ заработную плату Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, заработная плата остается всегда не только выше необходимой для существованія, но она такова, что работнику не болѣе выгодно завести собственное производство, чѣмъ оставаться наемнымъ *).

Многіе экономисты, и изъ знаменитѣйшихъ, ошибочно называли заработную плату, соотвѣтствующую только необходимому содержанію работниковъ, *естественною*. Если они не придавали важности этому выраженію, то, надо сознаться, что приложеніе его къ очевидно-наименьшей платѣ, какая только возможна, весьма неудачно. Развѣ потому только называть эту плату *естественною*, что до нея доходитъ заработка сама собою, силою обстоятельствъ? Но и всякая величина заработной платы составляется, точно также, естественно, измѣненіями отношенія запроса къ предложенію работы, или удобствомъ для работниковъ основывать свою осѣдлость—что поз-

*) См. Уединенное Государство Тюнена § 140.

воляетъ имъ требовать, при ихъ наймѣ, заработную плату равную выгодѣ, которую они могли бы выручить сами.

Выраженіе: *естественная заработная плата*, возбуждаетъ мысль о справедливомъ вознагражденіи, которымъ работникъ долженъ быть всегда доволенъ Въ этомъ именно смыслѣ оно и было понято, такъ что, когда заработная плата удовлетворяетъ условію сохраненія рабочаго класса, постоянно въ томъ же числѣ и въ той же силѣ, то предприниматели производствъ чувствуютъ себя совершенно спокойными въ ихъ попеченіи о благосостояніи работниковъ. Какія соображенія могли подать поводъ къ подобному мнѣнію о заработной платѣ, пониженной до крайне-необходимой ея величины и незаслуживающей названія, по преимуществу, *естественной?* Приведемъ по этому вопросу наши догадки.

Во-первыхъ, одной только идеи, что работа человѣка имѣетъ цѣнность, что ее обмѣниваютъ и за нее платятъ, было бы довольно, для заблужденія экономистовъ. Этотъ способъ выражаться неизбѣженъ, безъ сомнѣнія, и не можетъ не быть употребляемъ и въ наукѣ, какъ въ обыкновенномъ языкѣ. Дѣйствительно, большею частью, въ условіи съ работникомъ оцѣниваютъ только время его работы. Но при этомъ имѣется въ виду возможность отказать ему, если онъ не исполняетъ того, что отъ него ожидается. Это, удерживаемое за собою право отсылать работниковъ или уменьшать имъ плату, замѣняетъ, въ дѣйствительной сущности условій, время работы ея произведеніемъ или результатомъ.

И такъ, достовѣрно, что говоря о платѣ за работу, всегда подразумѣвается плата за ея результатъ. Между тѣмъ, весьма трудно употреблять постоянно выраженіе, не придавая ему никогда представляемаго имъ буквальнаго смысла. Увлекаясь этимъ смысломъ и разсматривая работу, какъ предметъ цѣнный, самъ по себѣ, какое основаніе можно было взять для его раціональной оцѣнки? Цѣнность товаровъ поддерживается издержками на ихъ производство а какихъ же издержекъ требуетъ работа, если не расходовъ необходимыхъ на поддержаніе работниковъ въ ихъ силѣ и числѣ? Вотъ и найдена «естественная заработная плата,» подобная «естественной цѣнности» товаровъ.

Что такое работа? спрашиваютъ еще себя экономисты. Это—орудіе производства. А что нужно для поддержки орудій въ постоянной исправности? Нужно ежегодное назначеніе расходовъ—на починку, и преміи—на возобновленіе. Такимъ образомъ, лошади, машины и

рабочіе люди подходятъ, въ глазахъ любителей аналогій, подъ одно общее правило, требующее только расходовъ на содержаніе всего въ исправности, и заработная плата становится подобною задачѣ корма животнымъ! При этомъ совершенно забытъ «принципъ собственности», требующій, *чтобы результатъ труда принадлежалъ, вполнѣ и исключительно, тому человѣку, который его произвелъ.* Не думаютъ также и о томъ, что даже съ точки зрѣнія аналогіи, сравненіе неудовлетворительно, такъ какъ недостаточно содержать и возобновлять, періодически, машины и животныхъ въ производительномъ предпріятіи: необходимо еще отсчитывать проценты на капиталъ, представляемый этими орудіями производства. Стало-быть и аналогія—если хотѣть подчиняться ей какъ закону—требуетъ, чтобы заработная плата заключала сколько нибудь сверхъ необходимаго для сохраненія въ силѣ «породы рабочаго люда».

Найдутся другіе экономисты, которые намъ скажутъ: «мы не аналогисты и не раціоналисты; мы наблюдатели и, по нашему мнѣнію, политическая экономія есть чисто-наблюдательная наука. Отвлеченности и методы, занятыя у точныхъ наукъ, не должны быть въ нее допускаемы, подъ опасеніемъ увлечься мечтами и создать себѣ воображаемый міръ». «Наблюденіе показываетъ намъ, что заработная плата безпрестанно приближается къ величинѣ, удовлетворяющей только необходимымъ потребностямъ рабочихъ, а когда и удаляется отъ этого уровня, въ ту или другую сторону, то съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять къ нему склониться. По этому наблюденію мы и принимаемъ означенную величину заработной платы за естественную».

Мы тоже готовы заняться наблюденіями; они намъ даже необходимы для повѣрки выводовъ, получаемыхъ непосредственно, но мы не думаемъ, чтобы то, что происходитъ вокругъ насъ, непремѣнно должно происходить во всякомъ случаѣ и вездѣ. Мы нимало не сомнѣваемся въ вѣрности наблюденій, сдѣланныхъ надъ заработною платою на западѣ Европы; мы ихъ признаемъ во всѣхъ отношеніяхъ согласными съ фактическою истиною, но мы попросимъ только наблюдателей повторить ихъ наблюденія въ странахъ, гдѣ трудъ свободенъ не только по причинѣ отсутствія регламентарнаго гнёта но и по изобилію почти даровыхъ помѣщеній, способныхъ къ производству богатствъ. Новый свѣтъ—не воображаемый, а дѣйствительный міръ; между тѣмъ, во многихъ отношеніяхъ, онъ осуществляетъ предположенія раціоналиста въ политической экономіи.

Къ счастью нашему міръ этотъ еще существуетъ, а можетъ прид-

ти время, когда трудно будетъ отыскать подобный примѣръ, и если бы наука осталась до тѣхъ поръ, въ рукахъ и подъ авторитетомъ исключительныхъ наблюдателей, то положительнѣйшіе и существеннѣйшіе экономическіе законы были бы осуждены, какъ основанные на обстоятельствахъ, которымъ нѣтъ подобныхъ. Не заставитъ ли это поразмыслить, господъ исключительныхъ наблюдателей, что кругъ *существующихъ* фактовъ недостаточенъ для открытія всѣхъ тайнъ общественнаго механизма, и что надо стараться расширять поле изысканій до крайнихъ предѣловъ фактовъ *возможныхъ*.

И такъ, мы говоримъ, что, къ счастію, *возможный* фактъ избытка плодородныхъ земель *существуетъ*,—и не въ одной Америкѣ: но тамъ онъ сопровождается безпрепятственною свободою передвиженія въ населеніи. Тамъ тоже образовалась нѣкоторая нормальная заработная плата, къ которой склоняется рыночная цѣна работы при случайныхъ ея колебаніяхъ; но эта плата—въ подобномъ случаѣ истинно *естественная* *)—несравненно выше той, которая бы покрывала однѣ только необходимыя, для существованія работника, издержки. Предприниматель не можетъ не выдавать этой платы работнику, имѣющему возможность добывать ее себѣ самъ, работая на свой счетъ,—и это независимо отъ процентовъ на капиталъ, требуемый его обзаведеніемъ, такъ какъ рѣчь идетъ,—не должно забывать,—объ одной только чисто-заработной платѣ, безъ всякой примѣси процентовъ съ капитала.

Пусть бы попробовали увѣрить американскихъ чернорабочихъ въ справедливости заработной платы, непревышающей необходимой для существованія. Эти рабочіе были бы, по-крайней мѣрѣ, очень удивлены подобною мыслью, также какъ и названію: *естественно*, придаваемому наименьшему вознагражденію, ниже котораго самое существованіе человѣка подверглось бы опасности. Согласно ли съ естественными законами общественности, чтобы огромное большинство людей было предназначено дойти, повсюду, окончательно до постоянно-ненадежнаго положенія, и это вслѣдствіе самаго прогресса производства, охватывающаго территорію? Мы не хотимъ этому вѣрить.

Что касается до настоящаго времени, то, страданіями своими, общество обязано собственному невѣжеству. По всему видно, что

*) Она равняется средней пропорціональной величинѣ между необходимою потребностью и дѣйствительною выработкою работника съ помощью капитала. (Уед. Гос. § 139).

человѣку необходимы сильно-побуждающія причины, чтобы заставить его трудиться, изобрѣтать, освобождаться отъ стѣсняющихъ его дѣятельность обстановокъ и т. п. Нужда научитъ народы, лучше всякаго знатока въ политической экономіи, до какой степени ихъ благосостояніе зависитъ отъ удобныхъ и частыхъ внутреннихъ и международныхъ сношеній, и какъ необходимо уничтоженіе матеріальныхъ и политическихъ преградъ между различными странами, чтобы значительное и прочное возвышеніе заработной платы могло послѣдовать и въ переполненныхъ народонаселеніемъ.

Плодородныхъ, незанятыхъ никѣмъ мѣстностей найдется множество подъ всѣми широтами земнаго шара. Нужно бы открыть къ нимъ свободный, легкій и безопасный доступъ всякому, кто пожелаетъ переселиться на нихъ. Тогда всякое государство, при какой бы ни было густотѣ населенія, будетъ имѣть какъ бы въ своемъ владѣніи неприсвоенныя еще земли, и заработная плата установится въ уровень съ выгодами, выручаемыми работникомъ на даровыхъ мѣстностяхъ.

Въ настоящее время, въ Европѣ, многія промышленныя предпріятія разсчитаны на основаніи существующей низкой платы рабочимъ. Прочное возвышеніе заработной платы заставило бы прекратить всѣ тѣ предпріятія, въ которыхъ выручается нынѣ не болѣе обыкновенныхъ процентовъ съ употребляемаго капитала. Множество рабочихъ рукъ остались бы тогда праздными, и чтобы возвысившаяся заработная плата могла удержаться, необходимо было бы отпущеннымъ работникамъ немедленно найти возможность получить ее въ другихъ занятіяхъ. Очевидно, поэтому, что заработную плату нельзя возвысить произвольно, ни общественною властью, ни добровольнымъ и общимъ пожертвованіемъ производителей, но что возвышеніе ея возможно только путемъ открытымъ работнику къ доставленію себѣ выгодъ независимымъ трудомъ, въ свою пользу и на свой счетъ. И дѣйствительно, если онъ лишенъ этого средства, то нарочное возвышеніе заработной платы, вслѣдствіе наплыва на рынокъ работниковъ изъ закрытыхъ предпріятій, произведетъ до такой степени дѣятельную конкурренцію въ предложеніи рукъ, что заработная плата вновь и быстро упадетъ еще ниже бывшей и ниже необходимой для возможности существованія. Бѣдствіе это продолжится до тѣхъ поръ, пока не учредятся вновь предпріятія въ тѣхъ самыхъ условіяхъ низкой заработной платы, въ которыхъ находились уничтожившіяся отъ ея неестественнаго возвышенія.

Намъ скажутъ, что по открытіи работникамъ неограниченнаго поля для выбора выгоднѣйшаго употребленія ихъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ, произойдетъ безпрестанное перемѣщеніе въ населеніяхъ; что наиболѣе населенныя страны лишатся части своихъ работниковъ; что возвышеніе заработной платы заставитъ остановить много предпріятій и что, вслѣдствіе этого, производство и богатство страны значительно уменьшатся.

На это мы замѣтимъ, что въ Америкѣ, гдѣ трудъ свободенъ, гдѣ плодородная территорія превышаетъ мѣру народныхъ требованій и гдѣ, по причинѣ этихъ двухъ обстоятельствъ, обыкновенный размѣръ заработной платы весьма высокъ, государства не менѣе богаты и процвѣтаютъ не менѣе большой части европейскихъ; что хотя въ нихъ и не видно эксплуатацій, обязанныхъ своимъ существованіемъ состоянію работниковъ близкому къ нищетѣ, однако, судя относительно, число промышленныхъ предпріятій не менѣе; что многолюдные центры этихъ странъ не пустѣютъ въ пользу отдаленныхъ селеній; и что, наконецъ, дороговизна труда не оказывается тамъ препятствіемъ ни выгодному употребленію капиталовъ, ни ихъ приращенію.

Почему бы не тоже произошло и въ Европѣ, если бы ей можно было поставить себя въ тѣ же обстоятельства относительно обилія незанятыхъ удобныхъ земель? Послѣдствія подобнаго положенія не могли бы никогда выразиться съ такою же силою, какъ въ Америкѣ по причинѣ разстоянія, которое будетъ всегда отдѣлять Европу отъ мало-населенныхъ странъ; стало быть, здѣсь еще менѣе причинъ, чѣмъ тамъ, бояться выселенія работниковъ и убыли народонаселенія

Но поспѣшимъ оговориться, что подобное опасеніе было бы, во всякомъ случаѣ, какъ нельзя менѣе основательно. Съ того начать, что одна легкость для работниковъ находить въ другомъ мѣстѣ болѣе прибыльныя занятія, возвыситъ мало по малу заработную плату прежде чѣмъ многіе изъ нихъ успѣютъ выѣхать за границу; а при довольно высокой платѣ, будетъ мало повода къ продолженію эмиграціи. Что касается до производства богатствъ въ странѣ, то оно, конечно, потерпитъ, но только въ предпріятіяхъ дѣйствующихъ; благодаря низкой заработной платѣ. Подобное явленіе оказалось бы бѣдственнымъ въ случаѣ внезапнаго возвышенія платы работникамъ, но этого ожидать нельзя, потому-что переселеніе требуетъ средствъ, которыхъ при низкой платѣ работникъ не имѣетъ. Впрочемъ, здѣсь идетъ дѣло не о правительственныхъ мѣрахъ, которыя бы понадобилось принять, при водвореніи совершенной свободы международ-

ныхъ сношеній,—осторожность должна всегда присутствовать при введеніи всякихъ усовершенствованій, и въ приложеніи раціональныхъ принциповъ—мы утверждаемъ только, что послѣ уничтоженія эксплуатаціи, поддерживаемыхъ нынѣ малою платою рабочимъ, производство страны, когда оно дойдетъ до новаго своего нормальнаго положенія, окажется возросшимъ.

Какой бы ни былъ обычный размѣръ заработной платы въ государствѣ, всегда есть большое число работниковъ, производящихъ почти неболѣе того, что они получаютъ платою за свою работу. Предприниматель былъ бы въ потерѣ, если бы работникъ вырабатывалъ менѣе; но онъ находитъ выгоднымъ прибавлять число работниковъ, пока они производятъ хоть сколько нибудь болѣе, и ничего не теряетъ даже и въ томъ случаѣ, когда произведеніе работы равномѣрно съ заработною платою.

Трудъ менѣе производителенъ, когда менѣе за него платятъ, не по одному только нравственному вліянію на человѣка, чувствующаго себя скудно вознаграждаемымъ. По мѣрѣ пониженія заработной платы, приступаютъ послѣдовательно къ производствамъ, доставляющимъ менѣе и менѣе цѣнностей, а когда она возвышается, то, напротивъ, прекращаютъ мало-производительныя работы, продолжая тѣ только, которыя, несмотря на возвысившуюся заработную плату еще неубыточны. И такъ, высокая заработная плата принудила бы предпринимателей употреблять трудъ работниковъ болѣе производительно; а какъ число этихъ послѣднихъ не уменьшится, то производство страны возрастетъ.

Правда, что въ этомъ положеніи промысловъ страны, фабричныя произведенія будутъ менѣе тщательно отдѣлываться, а въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, часть продуктовъ будетъ оставаться не собранною, потому что издержки на тонкую отдѣлку вещей и на выборку, до послѣдняго зерна или плода земли, не могла бы окупиться. Но чрезмѣрное и мелочное совершенство обыкновенныхъ работъ, какъ это видно у китайцевъ, есть признакъ несчастнаго состоянія работниковъ, живущихъ ничтожнымъ увеличеніемъ количества произведенія, или малымъ приращеніемъ цѣнности, какое фабрикантъ можетъ пріобрѣсти отъ прихотливой отдѣлки. Высокая заработная плата, конечно, не исключаетъ и самую мелочную тщательность въ работахъ, но она увеличиваетъ ихъ цѣну, и ограничиваетъ ихъ предметами роскоши, доступной только богатѣйшимъ потребителямъ.

Мы видимъ, что высокая заработная плата, поддерживаемая доставленными работникамъ способами добывать себѣ подобную выгоду въ другомъ мѣстѣ, не произведетъ уменьшенія въ предложеніи рабочихъ рукъ. Этого мало, высокая плата будетъ способствовать приращенію рабочаго класса; но такъ какъ тотъ же трудъ будетъ доставлять болѣе произведеній, по причинѣ прекращенія мало-производительныхъ работъ, то произойдетъ болѣе быстрое, чѣмъ прежде, скопленіе капиталовъ, такъ что запросъ работы будетъ увеличиваться параллельно ея предложенію, и заработная плата будетъ продолжать удерживаться безъ помощи выселенія работниковъ на новыя мѣста. Государство будетъ усиливаться, такимъ образомъ, одновременно, какъ населеніемъ, такъ и богатствомъ.

Здѣсь представляется вопросъ: если высокая плата работникамъ удержится безъ уменьшенія предложенія рукъ, по причинѣ одной только *возможности* переселенія, не прибѣгая къ этому крайнему способу возвышенія заработокъ, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что заработная плата могла бы точно также возвыситься и удержаться высокою въ странѣ, хотя бы и недопускающей выселенія? Для этого стоило бы только, съ одной стороны, воздержаться отъ производствъ, въ которыхъ выработка не равняется нѣкоторой величинѣ заработной платы, а съ другой, возвысить эту величину до желаемаго уровня. Если справедливо, что капиталы и работники, нынѣ занятые въ мало-производительныхъ предпріятіяхъ, нашли бы всѣ до одного, болѣе прибыльныя занятія въ своемъ государствѣ подъ вліяніемъ одной лишь мысли, что каждый изъ нихъ можетъ уйти на болѣе выгодные промыслы другихъ странъ, то нѣтъ причины не получить имъ тѣже самыя выгодныя занятія и безъ понужденія къ тому предпринимателей угрозою эмиграціи.

Сужденіе это раціонально; но людскія общества дѣйствуютъ не по указанію одной разумной *возможности*, а гораздо болѣе подъ бичомъ *крайней необходимости*. Только эта послѣдняя можетъ заставить людей стараться открыть новые способы производства, которыхъ бы они и не отыскивали, если бы не были къ этому неуклонно-вынуждены. Кромѣ возможности избѣгнуть низкой заработной платы чрезвычайною легкостью переселенія, которая, вѣроятно, когда нибудь настанетъ для работниковъ, другая понудительная причина заставитъ предпринимателей, на западѣ Европы, искать способовъ болѣе производительнаго употребленія рабочихъ силъ, это— негодованіе работниковъ. Они уже заявляли, и не разъ, сознаніе, хотя

еще смутное, что ихъ шаткое положеніе могло бы быть улучшено.

Возможность этого улучшенія видна для насъ изъ наблюденія того, что происходитъ въ союзныхъ штатахъ Америки, гдѣ капиталы, несмотря на ихъ быстрое приращеніе, находятъ въ городахъ достаточно-производительное употребленіе для вознагражденія работниковъ наравнѣ съ выручкою, удерживающеюся въ сельскихъ производствахъ изобиліемъ удобныхъ земель. Но всегда ли такъ будетъ спрашиваютъ иные, заботясь объ участи отдаленнѣйшихъ потомствъ. Можетъ быть открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія въ способахъ производства, также какъ и для водворенія новыхъ доходныхъ промысловъ, несмотря на всѣ усилія человѣческаго генія, не будутъ въ состояніи вѣчно идти равнымъ шагомъ съ приращеніемъ капиталовъ и народонаселенія. Какъ только въ мануфактурныхъ промыслахъ окажется немозможнымъ найти новымъ капиталамъ достаточно-производительное употребленіе, чтобы не допустить заработной платы до упадка, такъ не останется другаго способа удержать эту плату на прежней высотѣ, кромѣ приложенія наростающихъ капиталовъ къ разработкѣ свободныхъ и плодородныхъ земель. Тогда, все приращеніе капитала и населенія, по мѣрѣ его проявленія, будетъ переходить въ страны, въ которыхъ земля не имѣетъ цѣнности: а промышленные центры, каковы многолюдныя государства Европы, придутъ въ неподвижное состояніе какъ въ отношеніи капиталовъ, такъ и по числу населенія.

Нѣкоторые авторы замѣчаютъ, что можетъ настать время, въ которое недостанетъ въ свою очередь и земель для приложенія къ нимъ наростающихъ капиталовъ и рукъ. Въ то время, если судить по настоящей человѣческой природѣ, не будетъ уже совершенно никакого средства доставить работникамъ выработку не менѣе прежней. А такъ какъ ихъ число будетъ, по прежнему, увеличиваться, то заработная плата приметъ обратное движеніе, до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ низшаго предѣла, необходимаго для существованія человѣка.

Наши познанія въ физіологіи, безъ сомнѣнія, еще слишкомъ недостаточны, чтобы съ увѣренностію основаться на нихъ въ нашихъ догадкахъ на счетъ окончательной участи, ожидающей человѣчество въ безконечно-далекой, относительно къ намъ, будущности. Мы можемъ успокоиться тѣмъ, что не только нынѣ, но еще и въ продолженіе длиннаго ряда тысячелѣтій, высокая заработная плата будетъ возможна и выгодна для государствъ.

ГЛАВА VI.

РАЦІОНАЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Припомнимъ, сперва, условія раціональности, которымъ должны удовлетворять элементы вопроса.

Мы разумѣемъ подъ *заработною платою* не денежную сумму, платимую за работу, но количество потребностей, которое работникъ можетъ пріобрѣсть на эту сумму. Это послѣднее вознагражденіе—*дѣйствительное*, тогда какъ то—только *номинальное*. Хотя бы денежное вознагражденіе работы и увеличилось, но если цѣна продуктовъ, необходимыхъ для жизни, тоже увеличилась, и въ еще большей пропорціи, то дѣйствительное вознагражденіе, на самомъ дѣлѣ, будетъ въ упадкѣ. Номинальная заработная плата увеличивается по мѣрѣ приближенія къ рынку; но при этомъ и цѣна земледѣльческихъ продуктовъ возвышается, такъ, что довольство работниковъ, вообще не болѣе въ сосѣдствѣ, чѣмъ въ отдаленіи отъ многолюдныхъ центровъ. Впрочемъ, въ достаточно продолжительномъ періодѣ времени, дѣйствительное вознагражденіе работы выравнивается повсюду болѣе или менѣе успѣшно, смотря по удобству перехода работниковъ изъ одной мѣстности въ другую.

Чтобы открыть естественный законъ образованія заработной платы, мы должны предположить для него полнѣйшую свободу дѣйствія. Работники, въ этомъ предположеніи, способны на всякія работы; ничто не препятствуетъ имъ немедленно переходить отъ одного занятія къ другому, лучше вознаграждаемому. Число ихъ не измѣняется въ продолженіе всего разсматриваемаго періода времени. Сверхъ этого, мы должны допустить, что заработная плата превосходитъ величину необходимую для существованія работниковъ, которые сохраняютъ весь излишекъ для составленія себѣ изъ него капитала. Наконецъ, мы разумѣемъ подъ «процентами» одно только чистое вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, не содержащее никакой преміи, покрывающей риски. Ростъ этотъ собственно-называемыхъ процентовъ, отстраненный, такимъ образомъ, отъ мѣст-

ныхъ вліяній, оказывается равномѣрнымъ на всемъ пространствѣ страны, по причинѣ легкой движимости капиталовъ, позволяющей переносить ихъ, по мѣрѣ ихъ составленія, повсюду, гдѣ извлекается изъ нихъ наиболѣе выгодъ.

Заработная плата и проценты на капиталы, будучи тѣже во всѣхъ мѣстностяхъ страны, достаточно опредѣлить ихъ въ одной какой либо мѣстности. Но они образуются со всею свободою только въ отдаленныхъ отъ рынка мѣстахъ, гдѣ свободныя земли въ изобиліи, и, потому, не приносятъ поземельной ренты. Тамъ, дѣйствительное вознагражденіе работниковъ не подвержено вліянію запроса и предложенія труда; оно не зависитъ, также, и отъ нуждъ работника, а соразмѣряется только съ самымъ произведеніемъ работы.

Поставленные въ подобныя условія, работники вольны наниматься въ существующихъ уже промышленныхъ предпріятіяхъ, или основываться на свой счетъ на даровой землѣ. Если бы заработная плата понизилась, то многіе работники употребили бы свои сбереженія на заведеніе новыхъ эксплуатацій, и прежнія заведенія лишились бы части своихъ рабочихъ. Въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ принуждены были-бы возвысить заработную плату, чтобы остановить движеніе рабочаго населенія. Между тѣмъ, распространеніе распашекъ имѣло бы слѣдствіемъ своимъ излишество продуктовъ, которыхъ рыночная цѣна понизилась бы до той степени, при которой доходы въ новыхъ заведеніяхъ не могли бы покрыть требуемые капиталомъ проценты. Какъ только недвижимые капиталы этихъ новыхъ заведеній придутъ въ ветхость, такъ эксплуатація заведеній прекратится и все придетъ опять въ положеніе, бывшее до предполагаемаго пониженія заработной платы.

Всякій разъ, какъ владѣльцы эксплуатацій попробуютъ уменьшить плату за работу, начнется вновь описанная нами эволюція. Но такъ какъ, при этомъ, предприниматели терпятъ большія потери, то достаточно одной возможности для работниковъ основывать свои собственныя помѣстья, чтобы понудить хозяевъ держаться заработной платы равномѣрной съ выгодами работника, трудящагося на своемъ собственномъ иждивеніи.

И такъ, чтобы работники не рѣшались основывать собственное свое производство, и соглашались работать въ прежнихъ заведеніяхъ наемниками, выручки ихъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ ихъ положеніи, должны быть одинаковы.

Для этого нужно, чтобы заработная плата наемника, сложенная

съ процентами его капитала, представляла сумму равную ежегодной выручкѣ основателя новаго предпріятія, снабженнаго равнымъ съ наемникомъ капиталомъ. Это равенство можетъ имѣть мѣсто при всякомъ ростѣ процентовъ, лишь бы заработная плата была соотвѣтственной этому условію величины. Принявъ, напротивъ, заработную плату за извѣстную, найдемъ проценты, соотвѣтствующіе условію вышеприведеннаго равенства.

Но если выгоды работниковъ, также какъ и собственниковъ поддерживаютъ заработную плату и проценты въ той связи между ними, которая уравновѣшиваетъ выручку наемниковъ съ выручкою основывающихся на свой счетъ, то первые, сверхъ того, заинтересованы еще тѣмъ, чтобы излишекъ ихъ платы, т.-е. количество, которымъ она превышаетъ необходимое для существованія работника, помѣщенное на проценты, приносило возможно-большій доходъ.

Вопросъ приводится, стало-быть, къ тому, чтобы узнать тѣ величины заработной платы и процентовъ, при которыхъ они, удовлетворяя условію равенства выгодъ наемника и собственника, соотвѣтствуютъ, въ тоже время, наибольшему доходу отъ излишка заработной платы сверхъ необходимаго для существованія работника. Что этотъ доходъ долженъ имѣть наибольшую величину, легко можно предвидѣть. Въ самомъ дѣлѣ, при возвышеніи заработной платы проценты на капиталы уменьшаются, и наоборотъ; изъ чего слѣдуетъ, что когда сказанный излишекъ платы, очень малъ или проценты очень низки, то доходъ въ обоихъ случаяхъ ничтожный и что слѣдовательно, между этими двумя крайностями должна быть высшая величина дохода. Величина эта непремѣнно будетъ достигнута на самомъ дѣлѣ, потому что все, что выгодно работникамъ, должно осуществиться въ условіяхъ совершенной свободы, предположенной нами какъ въ отношеніи помѣщенія предпріятій, такъ и во всемъ прочемъ, что относится къ производству. Ничто не препятствуетъ тогда правомѣрному устройству дѣлъ въ самопроизвольной организаціи работы.

Доходъ отъ капитала можетъ быть опредѣленъ независимо отъ того роста процентовъ, съ которымъ онъ связанъ условіемъ равенства выгоды работника въ обоихъ его положеніяхъ, какъ наемника, или какъ собственника. Для этого разсмотримъ образованіе капитала исключительно работою.

Выгоднѣйшій способъ, для соединившихся работниковъ, приняться за учрежденіе своего хозяйства, когда у нихъ нѣтъ никакого пред-

варительно-приготовленнаго капитала, состоитъ въ раздѣленіи своего общества на двѣ артели: работники одной изъ нихъ будутъ продолжать работать съ найма, употребляя свой излишекъ заработки на содержаніе другой артели, занятой единственно основаніемъ и приведеніемъ въ ходъ предпріятія.

Для простоты понятій, вообразимъ помѣстье раздѣленнымъ на столько участковъ, сколько нужно будетъ нанять работниковъ для его обработки, и будемъ разсматривать одинъ только участокъ, обрабатываемый однимъ работникомъ.

Если взять разность между ежегодною выработкою этого наемнаго работника, снабженнаго частью капитала представляемою, тѣмъ самымъ участникомъ помѣстья, обработка котораго ввѣрена работнику и заработною платою того же работника, то разность эта будетъ ежегодная выгода, достающаяся, какъ доходъ, обѣимъ артелямъ работниковъ, соединившихся для осуществленія сказаннаго участка собственности.

Раздѣливъ этотъ доходъ на число людей, имѣющихъ на него право, найдемъ ежегодный доходъ каждаго изъ соединившихся работниковъ.

Такова величина дохода, получаемаго работникомъ отъ своего капитала, когда онъ самъ употребляетъ его въ дѣло.

Увеличеніе излишка заработной платы позволяетъ уменьшить число членовъ общества работниковъ, для учрежденія того же капитальнаго предпріятія, потому что тогда содержаніе артели, посвящающей все свое время на устройство хозяйства, будетъ ей доставлено меньшимъ числомъ людей, составляющихъ другую артель. Въ подобномъ случаѣ, производство капитала обойдется дешевле; будетъ менѣе участниковъ въ общемъ доходѣ и часть каждаго изъ нихъ увеличится.

Но если, при возвышеніи заработной платы, частный доходъ работниковъ увеличивается въ сравненіи съ общимъ ихъ доходомъ, то этотъ послѣдній въ то же время уменьшается, потому что тогда работники, употребленные въ текущей эксплуатаціи предпріятія, выдѣляютъ себѣ болѣе прежняго изъ общей выручки. По этой причинѣ, частный доходъ производителей капитала, хотя и увеличивается съ возвышеніемъ заработной платы, но до нѣкотораго только предѣла, послѣ котораго новое возвышеніе заработной платы уменьшитъ доходъ. Отсюда видно, что работникамъ, производителямъ капитала, безпредѣльное возвышеніе заработной платы невыгодно.

Остается узнать: при какой величинѣ заработной платы, частный доходъ работника будетъ наибольшій? Опредѣляя этотъ доходъ для различныхъ величинъ заработной платы, найдется, такъ сказать, ощупью, та величина платы, которая соотвѣтствуетъ наибольшему доходу.

Но имѣть возможность найти, въ каждомъ частномъ случаѣ, заработную плату, соотвѣтствующую наибольшему доходу работника—производителя капитала, не значитъ еще открыть естественный законъ, которымъ управляется изучаемое нами экономическое явленіе. Первоначальныя данныя вопроса суть: *годовое содержаніе* работника и *общая выработка* годовой его работы при помощи соотвѣтствующей части капитала. По однимъ только этимъ двумъ даннымъ должно опредѣлить заработную плату, соотвѣтствующую наибольшему доходу. Предполагая рядъ различныхъ величинъ для этихъ двухъ данныхъ, и отыскивая, въ каждомъ изъ этихъ предположеній, заработную плату, соотвѣтствующую наибольшему доходу, откроется, что эта заработная плата всегда есть *средняя пропорціональная величина между потребностями работника и произведеніемъ его работы* *). Это значитъ, что *потребности относятся къ платѣ, какъ эта послѣдняя—къ выработкѣ*. Эта средняя пропорціональная величина есть раціональная величина заработной платы, образующаяся сама собою, когда работники пользуются полною свободою основываться, на свой счетъ, на даровыхъ земляхъ. Она независима отъ отношенія предложенія къ запросу работы и устанавливается свободно самими работниками, какъ выгоднѣйшая для нихъ. Тюненъ назвалъ ее *естественною заработною платою* съ большимъ на это правомъ, чѣмъ тѣ, которые дали эту квалификацію платѣ, покрывающей необходимыя только потребности для существованія рабочаго семейства, то есть *наименьшей*, какая только возможна. Правда, что недостатокъ свободныхъ помѣщеній въ многолюдныхъ странахъ производитъ совмѣстничество въ предложеніи рабочихъ рукъ, которое безпрестанно дѣйствуетъ на пониженіе заработной платы до необходимыхъ средствъ существованія работника; но подобная плата неудовлетворительна, и не должно-бы ее означать такимъ названіемъ, каково прилагательное: *естественная*, возбуждающее мысль, что ею должно быть довольнымъ.

Не надо забывать, что при опредѣленіи раціональной заработной

*) Уед. Гос. § 139.

платы, содержаніе работника и произведеніе его работы, при помощи капитала, должны быть выражены, оба, въ одной и той же мѣрѣ, напримѣръ, въ монетѣ или въ какомъ-либо наиболѣе употребительномъ продуктѣ, каковы рожь или пшеница. Подъ содержаніемъ работника мы разумѣемъ необходимыя потребности для существованія средней рабочей семьи. Наконецъ, произведеніе работы, т.-е. выработка при помощи капитала, есть остатокъ изъ валоваго дохода, по вычетѣ изъ него всѣхъ расходовъ и вознагражденій, за исключеніемъ только заработной платы и процентовъ на капиталъ. *Помноживъ содержаніе работника на его выработку, корень квадратный изъ этого произведенія будетъ заработная плата*, содержащая одно только вознагражденіе работы, равномѣрное съ ея пользою и безъ всякой примѣси процентовъ на принадлежащій работнику капиталъ.

Разсчеты показываютъ, что выгоднѣйшая заработная плата для работниковъ, производящихъ капиталъ, есть въ тоже время самая выгодная и для наемныхъ работниковъ *). Согласіе интересовъ обоихъ классовъ производителей, такимъ образомъ, окончательно доказано, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы свобода работы была совершенная, не исключая свободы присвоенія незанятаго еще никѣмъ помѣщенія.

Остается удостовѣриться въ томъ, что заработная плата, образующаяся въ условіяхъ полной свободы труда, достаточно обезпечиваетъ работника отъ недостатковъ. Эта плата зависитъ отъ произведенія работы; но ни работа, ни капиталъ не находятъ всегда одинаково-полезное употребленіе. Напримѣръ, въ земледѣліи, встрѣчаются безплодныя земли, или требующія огромныхъ расходовъ для ихъ воздѣланія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, и даже если бы капиталы приносили не болѣе 2%, опредѣленная выше раціональная заработная плата оказывается болѣе необходимой для содержанія работника **).

И такъ, пока заработная плата равняется средней пропорціональной между потребностями и выработкою, до тѣхъ поръ участь работника обезпечена, какъ бы ни была мала производительность, до которой понизилось приложеніе капиталовъ въ промыслахъ. И это не есть одинъ изъ тѣхъ теоретическихъ выводовъ, которымъ предназначено оставаться въ числѣ научныхъ отвлеченностей. При всей своей раціональности, онъ встрѣчается въ дѣйствительности, всякій

*) Уед. Гос. § 139.

**) Тамъ же, § 140.

разъ, когда свобода работы поддержана изобиліемъ земель, доступныхъ рабочему классу государства.

Когда же нѣтъ болѣе даровыхъ земель подъ рукою многолюдной страны, какъ это часто встрѣчается въ Европѣ, тогда работникъ не имѣетъ никакого способа избѣгнуть недостаточности заработной платы, потому что предприниматели не находятъ возможности употребить трудъ вновь прибылыхъ рабочихъ иначе, какъ на малопроизводительныя занятія. Въ этихъ обстоятельствахъ, излишекъ заработной платы, сверхъ первыхъ необходимостей для жизни, совершенно предоставленъ случайностямъ отношенія предложенія къ запросу рукъ.

Чѣмъ менѣе будетъ этотъ излишекъ, тѣмъ болѣе возвысятся проценты на капиталъ *), и напрасно многіе экономисты посвящаютъ свой трудъ на поддерживаніе столь несостоятельнаго мнѣнія, каково высказанное ими о возможности гармоніи интересовъ, когда избыточное народонаселеніе не находитъ болѣе свободныхъ земель, обезпечивающихъ постоянное удерживаніе заработной платы на выгоднѣйшей для работниковъ высотѣ.

*) Уед. Гос. § 141

ГЛАВА VII.

КАПИТАЛЪ И ПРОЦЕНТЫ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, *капиталомъ* называть надо «все что служитъ или *могло бы* служить производству новыхъ цѣнностей» Мы крайне были бы озабочены, если бы отъ насъ требовалось указать на тѣ вещи, которыя *не могли бы* служить въ производствѣ новыхъ цѣнностей. По истинѣ, мы подобныхъ не находимъ. Предметы даже самаго ближайшаго потребленія могутъ послужить непосредственно для этой цѣли: хлѣбъ, напримѣръ, не служитъ-ли для чистки штукатурокъ? все, что подбираетъ на улицахъ вѣтошникъ, развѣ не употребляется на производство новыхъ цѣнностей? Приведенное нами опредѣленіе «капитала» идетъ подъ пару съ опредѣленіемъ «богатства», тѣхъ же авторовъ, по которому оно обнимаетъ *все, что можетъ* служить для удовлетворенія потребностей человѣка. А такъ какъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы человѣкъ не могъ воспользоваться, то все, что только существуетъ, есть въ тоже время «богатство» и «капиталъ», и эти два слова, означая что бы то ни было и все на свѣтѣ, становятся совершенно-безполезными словами.

Различныя слова нужны для выраженія различныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, для означенія благъ, *имѣющихъ цѣнность*, слово: «богатство» необходимо, также какъ необходимо слово «капиталъ» для означенія тѣхъ изъ богатствъ, которыя *служатъ орудіями труда* въ производствахъ, или, вообще, тѣхъ, которыя *доставляютъ ежегодный доходъ*.

Напрасно писатели отыскивали исключительное абсолютное опредѣленіе капитала; оно неминуемо должно быть *относительнымъ*. Опредѣленіе, по которому подъ словомъ «капиталъ» разумѣютъ *орудія*, служащія человѣку въ производствѣ, соотвѣтствуетъ основному раздѣленію науки, принятому всѣми экономистами, потому что оно проистекаетъ изъ самой сущности производства, исполняемаго *работою* человѣка, при помощи *капитала*, на опредѣленной *мѣстности*.

Если же стать на точку зрѣнія кореннаго происхожденія словъ,

то «капиталъ» (*capo*—глава) значитъ: *главное имущество*, въ противуположность происходящимъ отъ него ежегоднымъ доходамъ. Въ этомъ смыслѣ слово «капиталъ» употребляется общенародно, и его соотвѣтственное опредѣленіе было бы: «всякое, богатство, *предназначенное* на доставленіе постояннаго ежегоднаго дохода». Мы не говоримъ: «*могущее* доставлять доходъ», потому что нѣтъ ничего, что бы не могло къ этому служить. Такимъ образомъ, мы исключаемъ изъ капиталовъ всѣ склады, назначенные для собственнаго непроизводительнаго потребленія, а не для потребленія въ производствѣ, и всѣ еще никѣмъ не тронутыя естественныя полезности.

При этомъ взглядѣ, богатство становится капиталомъ, какъ только оно употреблено съ *намѣреніемъ* извлекать изъ него доходъ, и отсутствіе дохода, отъ неудачъ, несчастій или ошибокъ, нимало не мѣшаетъ продолжать считать богатство капиталомъ. Въ этомъ коренномъ значеніи слова, *мѣсто*, занимаемое производствомъ, когда оно даетъ доходъ его владѣльцу, не менѣе принадлежитъ къ числу «капиталовъ» какъ и *орудія работы*. Самая же работа человѣка не бываетъ подобна капиталу, потому что работники получаютъ вдругъ всю заработную плату, равную цѣнности ихъ труда, а не проценты или доходъ съ нея, какъ получаютъ капиталисты и владѣльцы земли за свое участіе въ производствѣ.

Произведенія могутъ быть раздѣлены, смотря по ихъ употребленію, на *орудія работы* и *предметы потребленія*. Первыя—составляющія одно изъ трехъ средствъ производства—считаются капиталами, въ коренномъ смыслѣ этого слова, потому что доставляютъ постоянный доходъ, а не потому, что служатъ производству новыхъ цѣнностей Что же касается до предметовъ потребленія, то они могутъ доставлять доходъ двоякимъ образомъ: 1-е, послѣдовательною ихъ продажею, возстановляющею всякій разъ ихъ стоимость—съ нѣкоторою сверхъ того прибылью. Этотъ способъ прилагается къ произведеніямъ существующимъ кратковременно, каковы: съѣстные припасы, платье и т. п., и 2-е, отдачею ихъ въ наймы—когда они долговѣчны, какъ, напримѣръ, жилые дома, мебель, экипажи и т. п.

Мы отвергаемъ претензію искателей абсолютныхъ опредѣленій, не допускающихъ никакого другаго значенія слову «капиталъ», кромѣ того, которое они приняли согласно съ ихъ взглядомъ на этотъ предметъ. Мы находимъ, напротивъ, что необходима полная свобода въ приложеніи этого слова, смотря по требованію разсматриваемаго вопроса: 1°, къ суммѣ всѣхъ богатствъ, кромѣ поземельнаго владѣ-

нія; 2°, ко всему, что доставляетъ постоянный доходъ—служитъ ли или не служитъ оно производству новыхъ цѣнностей и 3°, къ однимъ только орудіямъ труда, непремѣннымъ условіемъ существованія которыхъ служитъ воспроизведеніе богатствъ.

По первому изъ этихъ трехъ значеній, въ число капиталовъ принимаются не только цѣнности уже служащія орудіемъ производства или приносящія доходъ, но еще и всѣ тѣ, которыя къ тому или другому только способны. Оно употребляется, когда дѣло идетъ объ общей капитальной силѣ страны, кромѣ поземельной.

Второе значеніе слова «капиталъ» наименѣе употребительно въ политической экономіи, потому что оно слишкомъ обширно и смѣшиваетъ два изъ трехъ средствъ производства: орудія труда и мѣсто подъ производствомъ, которыя необходимо тщательно различать.

Послѣднее, напротивъ, чаще другихъ служитъ въ рѣшеніи экономическихъ вопросовъ, потому что оно относится къ извѣстному раздѣленію участниковъ въ производствѣ на три категоріи. Но это значеніе оказывается слишкомъ тѣснымъ, когда нужно обратиться къ разсматриванію богатствъ, доставляющихъ постоянный доходъ, ни мало не способствуя работамъ, производящимъ цѣнности. Въ подобномъ случаѣ находятся тѣ изъ жилыхъ домовъ, мебели и другихъ предметовъ потребленія, которыми пользуются непроизводительные классы населенія.

Между двумя послѣдними опредѣленіями капитала мы введемъ новое, которое не исключаетъ произведенія, дающія постоянный доходъ, не участвуя въ производствѣ новыхъ цѣнностей, и, между тѣмъ, не распространяется на поземельную собственность. По этому опредѣленію «капиталъ есть богатство, *существованіе котораго не иначе можетъ продолжаться неопредѣленно, какъ при условіи, чтобы приносило постоянный доходъ*, достаточный для вознагражденія его владѣтеля и покрытія всѣхъ потерь или потратъ отъ употребленія.»

Съ этой точки зрѣнія «капиталъ» существенно-разрушаемъ, уничтожаемъ, тогда какъ «мѣсто» подъ производствомъ не уничтожаемо и не разрушаемо, не подвержено случаямъ потери и не требуетъ никакого дохода для того, чтобы продолжать служить въ производствѣ. Поэтому-то оно иногда и не даетъ его, нимало не останавливая этимъ основанное на немъ производство, а когда оно и даетъ доходъ, то весьма неодинаковый во всѣхъ мѣстностяхъ страны, потому что онъ вызывается не необходимостью его существованія, а единственно случайными мѣстными обстоятельствами.

Напрасно сохраняютъ названіе *капиталовъ* всѣмъ затратамъ, вложеннымъ въ землю, напримѣръ, въ сельскомъ хозяйствѣ, продолжая включать ихъ въ производительное средство, заключающее собственно-называемыя *орудія* производства. Многіе изъ капиталовъ, дѣйствующихъ, такъ сказать, въ землѣ, съ которою они слиты нераздѣльно, теряютъ совершенно свое экономическое отъ нея различіе.

Произведенія, сохраняемыя для личнаго непроизводительнаго потребленія, также какъ естественныя блага еще не разработываемыя и богатства скрытыя или хранящіяся безъ всякаго употребленія и назначенія—каковы бываютъ иногда огромные склады золота и серебра стекающихся въ погреба государственныхъ банковъ, подъ вліяніемъ промышленныхъ кризисовъ или недовѣрія къ политикѣ правительства—всѣ эти богатства и блага, хотя и готовы на содѣйствіе въ производствѣ, но на самомъ дѣлѣ они еще не капиталы. Нужно, какъ мы уже сказали, по крайней мѣрѣ нарочное назначеніе богатства къ употребленію его на доставленіе постояннаго дохода, чтобы имѣть право—съ точки зрѣнія производства богатствъ—назвать его *капиталомъ*.

Нѣкоторые авторы разсматриваютъ звонкую монету какъ капиталъ, исключая изъ нея только недѣйствующую, въ сдѣлкахъ, ея часть. Вообще денежныя суммы называютъ капиталами, потому что отданныя въ займы, онѣ приносятъ доходъ въ видѣ процентовъ, и, въ частной жизни, подъ словомъ *капиталъ* разумѣютъ, исключительно, значительную сумму денегъ. Звонкая монета безъ сомнѣнія имѣетъ свою внутреннюю цѣнность, и въ этой мѣрѣ своей цѣнности, она—богатство; но пока она служитъ только посредникомъ въ обмѣнахъ, она «отказывается», такъ сказать, отъ собственной цѣнности и становится въ рядъ съ монетными знаками, не имѣющими цѣнности. По этой-то причинѣ, чѣмъ болѣе развивается кредитъ въ государствѣ, тѣмъ болѣе находятъ выгоднымъ извлекать металлы изъ монетнаго обращенія—употребляя ихъ производительно, въ переплавкѣ или на покупку иностранныхъ произведеній—и замѣнять кредитными знаками. Очевидно, что не только не обращающаяся въ сдѣлкахъ часть звонкой монеты, но еще и вся масса ея, необходимая какъ залогъ безопасности внутреннихъ трансакцій, и которую нельзя извлечь изъ обращенія, не поколебавъ общественнаго кредита, не должна считаться въ числѣ дѣйствующихъ народныхъ богатствъ.

Въ числѣ капиталовъ страны, не болѣе можно принять звонкую монету—необходимую во внутреннихъ сдѣлкахъ, недопускающихъ

превращенія монеты въ орудіе производства—какъ и условные знаки цѣнности, не удвоивъ этимъ дѣйствительнаго счета капиталовъ. Въ отношеніи же къ доходу, получаемому отъ денежныхъ суммъ, напротивъ, всякая монета, всякій знакъ цѣнности—капиталъ, по одинаковой причинѣ съ жилыми домами непроизводительныхъ классовъ, доставляющими доходъ, не участвуя въ его производствѣ. Различіе въ этомъ отношеніи, между средствами обмѣна и другими произведеніями, не служащими производству новыхъ цѣнностей, состоитъ въ томъ, что эти послѣднія суть предметы непосредственнаго потребленія и слѣдовательно, богатства измѣряемыя ихъ цѣнностью, тогда какъ монета и ея знаки имѣютъ, большею частью, условную цѣнность, которая не есть мѣра дѣйствительнаго богатства, заключающагося въ этомъ средствѣ приводить въ обращеніе другія богатства.

Иные писатели хотятъ еще, чтобы кругъ сбыта или число обычныхъ покупателей, также какъ никому еще неизвѣстные пріемы или способы производства, были приняты за капиталы. Но обширность круга покупателей имѣетъ два источника: во первыхъ, выгодное положеніе мѣста производства; этотъ источникъ есть собственность неотъемлемая отъ мѣстности. Обязанный этому обстоятельству излишекъ дохода, превышающаго обыкновенную прибыль, переходитъ въ поземельную ренту дѣйствіемъ конкурренціи нанимателей помѣщенія. Второй источникъ необыкновенныхъ успѣховъ распродажи заключается въ личныхъ качествахъ производителя; это есть только справедливое вознагражденіе, пропорціональное достоинству труда. Правда, что часто одна только фирма заведенія, пріобрѣтшаго извѣстность, достаточна для сохраненія прежнихъ покупателей, при перемѣнѣ хозяина. Но чтобы его дѣла не пришли, со временемъ, въ упадокъ, новый хозяинъ долженъ постоянно поддерживать репутацію дома личными своими качествами.

Способы и пріемы производства также не капиталы, а причины производительности капиталовъ и труда. Это не мѣшаетъ, однако, производителямъ, купившимъ какой нибудь—привиллегированный способъ производства, или посвятившимъ расходы на его открытіе, разсматривать его какъ капиталъ, такъ какъ они выручаютъ отъ него доходъ. Мы уже показали, что не существуетъ возможности абсолютнаго опредѣленія капитала и что всякій разъ надобно знать, съ какой точки зрѣнія хотятъ смотрѣть на явленіе, и къ какому экономическому вопросу приступить. Всякаго рода скопляемая полезность можетъ составить имущество, дающее доходъ; но когда

имѣются въ виду три основныя производительныя средства и слѣдуемая, каждому изъ нихъ, часть произведенія, то нельзя допустить въ число капиталовъ что-либо другое, кромѣ вещественныхъ предметовъ, служащихъ работѣ орудіемъ или матеріаломъ.

Тѣ изъ авторовъ, которые, разсматривая предметы *потребленія* способными служить какъ капиталомъ такъ и *доходомъ*, отказываютъ предметамъ, *составляющимъ орудія* производства, въ возможности точно также представлять *доходъ*, повидимому не обращаютъ вниманіе на то, что идея о *доходѣ*—отвлеченная.

Смотря по употребленію произведеній, какого бы впрочемъ свойства они ни были, ихъ предназначаютъ или на собственное потребленіе владѣльца, или на доставленіе ему постояннаго дохода. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, произведенія суть капиталы, и раздѣляются на двѣ категоріи: на предметы болѣе способные къ немедленному потребленію— съ одной, и на служащіе орудіями въ производствѣ новыхъ цѣнностей—съ другой стороны. Но нѣтъ произведеній которыя бы, по ихъ свойству, были болѣе другихъ способны составлять собою доходъ. Доходъ всякаго производителя заключается, въ извѣстное время, въ его произведеніи,—какое бы оно ни было. Доходъ механика заключается въ цѣнности машинъ готовыхъ къ продажѣ или сдачѣ; доходъ строителей домовъ, судостроителей и пр. содержится въ ихъ постройкахъ, пока онѣ не проданы, или не выдана слѣдуемая строителямъ уплата.

Въ общенародномъ смыслѣ, подъ словомъ *доходъ* разумѣютъ *сумму денегъ*, выручаемую періодически.

Въ глазахъ торговца, предметы немедленнаго потребленія, не служащіе производству новыхъ цѣнностей, представляютъ капиталъ, когда они приносятъ ему постоянный доходъ. Но здѣсь надо замѣтить, что ежегодная потрата или износъ предмета потребленія продолжительнаго существованія, каковы: домъ, мебель и пр., не могутъ быть приняты за доходъ; это только постепенное истребленіе предмета. Чтобы можно было разсматривать предметы непосредственнаго потребленія какъ капиталы, отдача ихъ въ наемъ или послѣдовательная ихъ перепродажа должны доставлять доходъ достаточный для поддержанія этихъ предметовъ въ постоянной исправности, сверхъ вознагражденія участвовавшихъ въ ихъ производствѣ.

Когда идетъ рѣчь объ имуществѣ человѣка, семейства или частнаго общества, то капиталомъ называютъ только суммы денегъ и

кредитныя бумаги (акціи, облигаціи, билеты государственныхъ займовъ и т. п.), для отличія отъ того, что можно называть матеріальною частью движимости, и отъ недвижимой собственности. Совершенно-противуположное разумѣютъ подъ капиталомъ цѣлой націи или государства. Мы уже объяснили, что въ этотъ послѣдній не должны входить никакіе *знаки* цѣнности, ни монеты, кромѣ того случая, когда масса звонкой монеты превышаетъ потребность ея въ обращеніи. Тогда излишекъ металла возвращается въ число капиталовъ, согласно съ внутреннимъ достоинствомъ монеты.

При основаніи промышленнаго предпріятія, суммы денегъ, необходимыя на выдачу впередъ заработной платы, на покупку сыраго матеріала, на текущіе расходы по содержанію орудій и пр., принимаютъ названіе *оборотнаго капитала*. Въ давно учрежденномъ промыслѣ не одни деньги разсматриваются какъ капиталъ; названіе это прилагается, тогда, ко всѣмъ предметамъ имѣющимъ цѣнность, служащимъ производству, и которые отдѣлены или могутъ отдѣлиться отъ мѣстности,—даже и въ томъ случаѣ, еслибы это отдѣленіе измѣнило видъ и содержаніе *мѣста*, какъ это бываетъ при вырываніи деревъ, извлеченіи минераловъ и пр. Самое же *мѣсто*, которое владѣлецъ считаетъ капиталомъ, потому что оно даетъ ему доходъ, нельзя включить въ число капиталовъ, если смотрѣть съ точки зрѣнія экономіи предпріятія. Доходъ отъ всякаго капитала опредѣляется ростомъ процентовъ, почти одинаковымъ повсюду въ одной и той же странѣ, тогда какъ доходъ владѣльца мѣстомъ независимъ отъ этого роста и чрезвычайно различенъ въ различныхъ мѣстностяхъ страны.

Предметы, цѣнность которыхъ составляетъ капиталъ промышленнаго учрежденія, частью недвижимые, какъ напримѣръ: строенія, машины, ограды и пр., и частью движимые, каковы: орудія, животныя, сырые матеріалы и пр. Первые представляютъ *основной* капиталъ, а вторые—*матеріальную движимость* эксплуатаціи. Большая часть первыхъ, если ихъ перенесть на другое мѣсто, теряютъ значительную часть своей цѣнности, а иногда и почти всю. Отъ этого случается, что хотя доходъ предпріятія и не покрываетъ проценты на основной капиталъ, капиталъ этотъ все-таки продолжаетъ дѣйствовать, но только до совершеннаго его разрушенія на мѣстѣ, послѣ чего его уже не возобновляютъ. Этимъ-то характеромъ онъ и отличается, существенно, отъ «мѣста» имъ занимаемаго, которое, по неистребимости своей, неопредѣленно продолжаетъ служить сред-

ствомъ производства, какъ бы ни была мала выпадающая ему часть дохода, и даже когда нѣтъ ни малѣйшей.

Многіе вопросы политической экономіи требуютъ раздѣленія капиталовъ на двѣ категоріи, подъ названіемъ *постоянныхъ* и *оборотныхъ* капиталовъ. Смотря по точкѣ зрѣнія, на которую становится изслѣдователь, эти названія могутъ быть приданы: первое—основному недвижимому капиталу и второе—матеріальной движимости; предметамъ долговѣчнымъ—и скоро приходящимъ въ вѣтхость: предметамъ служащимъ по нѣсколько разъ въ производствѣ—и служащимъ только однажды; цѣнностямъ приносящимъ доходъ не перемѣняя хозяина—и доставляющимъ доходъ, не иначе, какъ переходя изъ рукъ въ руки и пр. Авторы, принимающіе одно изъ этихъ опредѣленій и отвергающіе всѣ прочія, запутываются въ безчисленныхъ противурѣчіяхъ и неясностяхъ. Таково всегда слѣдствіе исключительныхъ опредѣленій въ политической экономіи. Въ другихъ положительныхъ наукахъ, число элементовъ всѣхъ вопросовъ и явленій ограничено, и ихъ можно, поэтому, означить исключительными наименованіями. Въ политической экономіи, напротивъ, элементы вопросовъ представляются почти въ такомъ же безчисленномъ множествѣ, какъ и явленія предлагаемыя къ объясненію. При такихъ обстоятельствахъ, абсолютная и исключительная терминологія совершенно-невозможна, какъ по неимѣнію словъ, которыя потребовалось бы изобрѣтать, такъ и по чрезвычайной трудности удержать въ памяти столь обширную номенклатуру. Какое множество словъ нужно было бы придумать для исключительнаго обозначенія частей капитала вложеннаго въ производство, частей, измѣняющихся въ своемъ составѣ при всякомъ новомъ на нихъ взглядѣ и которыхъ мы разумѣемъ, безразлично, подъ названіями «постояннаго» и «оборотнаго» капиталовъ! Сколько новыхъ словъ потребовали бы различныя издержки, чистые доходы, капиталы и пр., разсматриваемые съ различныхъ точекъ зрѣнія предлагаемыхъ вопросовъ!

Капиталы не иначе можно составлять или производить, какъ посвящая на это часть доходовъ, превышающую издержки и выручаемую одною-ли работою, или при помощи прежде-составленнаго капитала. Съ этой точки зрѣнія, капиталъ составляется всякимъ, кто не проживаетъ непроизводительно всего вполнѣ своего дохода. Но относительно употребленія, къ которому способны произведенія, по ихъ естественному свойству, производители раздѣляются на двѣ

группы, изъ которыхъ, въ одной, производятся предметы *непосредственнаго потребленія*, тогда какъ произведенія другой группы могутъ только служить *пособіемъ работѣ* въ послѣдующихъ производствахъ.

Какіе бы предметы ни разсматривались какъ капиталъ, названіе это приложимо только къ тому, что приноситъ доходъ, или, говоря иначе: къ тому, употребленіе, участіе или польза чего требуетъ вознагражденія соразмѣрнаго приносимой имъ выгодѣ. Сказать, какъ говорилъ кто-то, что капиталъ могъ и долженъ бы не приносить дохода, значитъ сказать не только экономическую нелѣпость, но еще и литературную безсмыслицу: богатства, которыя не могутъ приносить дохода, не болѣе какъ только запасы и если бы когда нибудь доходъ отъ капитала могъ прекратиться, то и слово *капиталъ*, какъ ни къ чему не приложимое, исчезло бы изъ языка.

Для измѣренія относительнаго дохода съ капиталовъ, берутъ отношеніе между доходомъ и доставляющимъ его капиталомъ, выразивъ тотъ и другой въ той же единицѣ мѣры, обыкновенно въ монетной. Отношеніе это служитъ для опредѣленія дохода со всякаго даннаго капитала. Если напримѣръ 1500 р. дохода получается съ капитала въ 30.000 р., то раздѣливъ первую цифру на вторую, получимъ отношеніе $^1/_{20}$ т. е. что доходъ, при всякой величинѣ капитала, составляетъ двадцатую его часть. Для облегченія выкладокъ, отношеніе дохода къ капиталу выражаютъ, обыкновенно, въ сотыхъ частяхъ капитала; такимъ образомъ отношеніе $^1/_{20}$ превращается въ $^5/_{100}$, которое, для краткости, пишется: $5^0/_0$. Это значитъ, что доходъ съ капитала получается по 5 со ста въ годъ. Цифра 5 называется *процентами* (*pro cento*) и показываетъ величину роста процентовъ. Такимъ образомъ $3^0/_0$ значитъ $^3/_{100}$, 3 на 100 или $\frac{3}{1}$ $^0/_0$ капитала; $4^0/_0$ значитъ $^4/_{100}$, 4 на 100 или $^1/_{25}$ капитала и пр.

Мы видали публицистовъ, утверждавшихъ, что требованіе процентовъ съ капитала несправедливо. Защитники процентовъ сравниваютъ ихъ съ платежемъ за наемъ домовъ; но этого недостаточно для опроверженія ихъ противниковъ, нападающихъ точно также и на наемъ домовъ, какъ нападаютъ они на наемъ всякихъ капиталовъ *).

*) Въ займѣ *денежнаго* капитала подразумѣвается, что занявшій употребилъ деньги на пріобрѣтеніе капитала *производящаго* цѣнности. Пока денежный капиталъ не возвращенъ заимодавцу, этотъ послѣдній долженъ разсматриваться владѣльцемъ производящаго капитала, а кредиторъ какъ бы довѣреннымъ заимодавца. Сами деньги ничего произвести не могутъ и, слѣдовательно, доставлять проценты.

Но такъ какъ они признаютъ справедливость вознагражденія за работу, то можно отвѣтить имъ, что всякій капиталъ есть плодъ труда; а такъ какъ трудъ этотъ долженъ быть вознагражденъ, подобно всякому другому, то не все-ли равно: получить за него единовременную плату—продавъ для этого капиталъ—или ежегодно получать извѣстный доходъ, во все время дѣйствія капитала, и даже вѣчно—если часть дохода употребляется на поддержаніе капитала во всегдашней исправности? Этотъ послѣдній способъ вознагражденія составляетъ платежъ процентовъ.

Капиталъ, составленный не изъ непосредственно-потребляемыхъ предметовъ—и который, поэтому, не иначе можетъ приносить пользу, какъ въ производствѣ новыхъ цѣнностей—подобный капиталъ, сколько бы онъ ни переходилъ изъ рукъ въ руки, продажею, вознагражденіе работы, которая его произвела, хотя и выданное уже работникамъ, непначе можетъ быть уплочено послѣднему пріобрѣтателю капитала—замѣнившаго работниковъ въ ихъ правѣ на вознагражденіе—какъ ежегоднымъ доходомъ, т.-е. наймомъ или процентами. И такъ, очевидно, что отвергать проценты на капиталъ, не иное что, какъ отвергать вознагражденіе должное работникамъ, трудившимся надъ производствомъ этого капитала.

Капиталъ, обращенный продажею въ деньги, становится свободнымъ, пріобрѣтаетъ наибольшую легкость перемѣщенія и получаетъ возможность превратиться, покупкою, во всякаго рода богатство и гдѣ угодно. По этой-то причинѣ, изъ трехъ средствъ производства, «капиталъ» есть наиболѣе подвижное, такъ какъ его перемѣщеніе не требуетъ перемѣщенія самаго капиталиста. Затрудненія въ перемѣщеніи работниковъ, уменьшаютъ подвижность производительнаго средства, называемаго «трудомъ» или «работою-человѣка»; однако, хотя и медленно, но движеніе рабочаго населенія можетъ совершиться вполнѣ, потому что нѣтъ никакого тому препятствія, навсегда непреодолимаго. Производительное же средство, названное «мѣстомъ», напротивъ, совершенно неподвижно; оно одно, по причинѣ этой неподвижности, находится въ постоянно возрастающемъ несогласіи съ измѣненіемъ, перемѣщеніемъ и размноженіемъ требованій производства.

Благодаря способности быстро переноситься повсюду, гдѣ ихъ употребленіе обѣщаетъ болѣе выгоды, капиталы находятся между собою въ постоянномъ совмѣстничествѣ, дѣйствіемъ котораго ростъ процентовъ долженъ бы держаться на одной для всѣхъ высотѣ. Такъ бы

и было, если бы проценты были всегда точнымъ выраженіемъ степени пользы или производительности капитала, и если бы капиталисты не полагали никакого предѣла разстоянію между ними и ихъ капиталами. Вообще, охотнѣе помѣщаютъ капиталъ подъ рукою, чѣмъ въ менѣе извѣстной мѣстности и внѣ непосредственнаго за нимъ наблюденія, хотя бы и съ большею выгодою. Это одна изъ причинъ неравенства пользы капиталовъ въ различныхъ странахъ или въ различныхъ мѣстностяхъ обширной страны. Но, кромѣ степени пользы капитала, на ростъ процентовъ имѣетъ еще большее вліяніе степень безопасности въ помѣщеніи капиталовъ. Риски, которымъ подвергаются капиталы и ихъ доходы, неодинаковы во всѣхъ родахъ промысловъ. Въ денежныхъ ссудахъ, тѣмъ болѣе риска, чѣмъ менѣе внушаютъ довѣрія нравы и законы страны, и чѣмъ менѣе предоставлено свободы частнымъ сдѣлкамъ. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ вліяніе на ростъ процентовъ, который и можно разсматривать какъ бы состоящимъ изъ двухъ частей: одной—представляющей дѣйствительную пользу капитала, и другой—выражающей премію, покрывающую риски. Мы имѣемъ въ виду одну только первую, когда говоримъ, что въ странѣ не весьма обширной существуетъ всегда нѣкоторый повсюду равномѣрный ростъ процентовъ, который мы называемъ *обыкновеннымъ* или *обычнымъ*.

Для опредѣленія этого роста по наблюденію, не должно обращать вниманія ни на ростъ, всегда слишкомъ низкій, по которому принимаются капиталы возвращаемые по произволу вкладчика, или въ близкіе сроки; ни на возвышенный ростъ, по которому дѣлаются мало обезпеченныя ссуды, въ частныхъ сдѣлкахъ; а должно освѣдомиться о ростѣ процентовъ по займамъ, подъ вѣрный залогъ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ, облеченныхъ закономъ всѣми нужными правами и способами для немедленнаго обращенія залога въ деньги, въ случаѣ неуплаты процентовъ кредиторомъ.

Теоретически: обычные проценты опредѣляются пользою капитала, выражаемою достающеюся капиталу частью общаго произведенія при раздѣлѣ его между работниками и капиталистомъ—послѣ предварительнаго отдѣленія, изъ этого произведенія, *всѣхъ* издержекъ, включая въ нихъ поземельную ренту и прибыль предпринимателя.

ГЛАВА VIII.

МѢСТО ЗАНИМАЕМОЕ ПРОИЗВОДСТВОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, *поземельная рента* есть излишекъ дохода, получаемый въ земледѣліи, когда цѣна продуктовъ возвышается сверхъ издержекъ ихъ производства, и совершенно-подобный надбавочной цѣнности всякой другой собственности, также какъ и излишку выгоды, происходящему отъ необыкновеннаго таланта производителя, отъ предоставленной ему привилегіи и пр. Это опредѣленіе не полно и не точно. *Рентою* называется всякій ежегодный, постоянный и безпрерывный доходъ. *Поземельная* рента есть ежегодный и безпрерывный доходъ, получаемый владѣльцемъ *мѣста*, занятаго «какимъ либо» промысломъ, и выручаемый производителемъ сверхъ того, что слѣдуетъ ему на употребленные имъ въ производствѣ капиталы. Она *опредѣляется* излишкомъ цѣнности произведеній сверхъ ихъ стоимости, но не однихъ только произведеній земли, а всякихъ, какихъ бы ни было, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабричныхъ, торговыхъ и пр.

Все, что промыслы выручаютъ, отъ возрастающей цѣны произведеній, сверхъ обыкновенныхъ процентовъ на капиталъ, безпрестанно стремится перейти владѣльцу мѣста, въ видѣ наемной платы или поземельной ренты—результатъ неизбѣжный, при дѣйствіи конкурренціи между производителями, довольствующимися обычными процентами съ капиталовъ.

Чтобы возрастающая цѣна продуктовъ не обращалась въ поземельную ренту и оставалась въ рукахъ производителей, надо ей быть изъятою изъ конкурренціи посредствомъ какихъ-либо естественыхъ преимуществъ, или установленныхъ закономъ монополій. Такъ, напримѣръ, выгоды, происходящія отъ необыкновенной способности производителя; отъ того, что совмѣстничество еще не успѣло произвести всего своего дѣйствія; отъ устраненія конкуррентовъ законодательными мѣрами и т. п., находятся въ этомъ случаѣ.

Сходство между этими послѣдними барышами—сверхъ обычныхъ

процентовъ на капиталъ—и *поземельною рентою*, состоитъ только въ томъ, что какъ тѣ, такъ и эта не въ постоянномъ и не въ одинаковомъ повсюду отношеніи съ употребленнымъ капиталомъ. Но характеръ поземельной ренты существенно-различается отъ другихъ выгодъ, превосходящихъ обыкновенные проценты, тѣмъ, что существованіе этой ренты не требуетъ, со стороны владѣльца мѣстомъ, никакого постояннаго труда. Производители, которыхъ конкурренція не касается, пользуются вздорожаніемъ своихъ собственныхъ произведеній, тогда какъ земельный собственникъ получаетъ барыши, добываемые на его собственности производителями, подверженными совмѣстничеству.

Многіе экономисты приписывали начало поземельной ренты тому, что въ земледѣліи, произведеніе превосходитъ, количествомъ, употребленный на его добываніе матеріалъ; напримѣръ: на каждое зерно посѣва выростаетъ по нѣскольку такихъ же зеренъ. Но подобный излишекъ въ количествѣ произведенія встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ промыслахъ. Въ приготовленіи извести, напримѣръ, количество ея увеличивается при гашеніи.

Поземельная рента происходитъ не отъ приращенія *количества* произведенія, а отъ приращенія его *цѣнности*. Промыслы, учреждаемые на мѣстахъ ничего не стоющихъ—по причинѣ ихъ изобилія—не могутъ, въ ихъ нормальномъ состояніи, доставить никакого излишка цѣнности сверхъ стоимости произведеній, какъ бы ни было велико ихъ количественное приращеніе. Напротивъ того, цѣнность произведеній, получаемыхъ на мѣстности, приносящей поземельную ренту, всегда превышаетъ ихъ стоимость, на сколько бы ни уменьшалось количество матеріала, во время его выработки. Для поземельной ренты все равно, въ *увеличеніи*-ли количества полезнаго продукта состоитъ произведенная полезность, или въ придачѣ полезности предмету, который при этомъ *уменьшается* въ количествѣ, нужно только, чтобы произведенная полезность получила, въ торговлѣ, цѣнность, *превышающую издержки* производства.

Этотъ излишекъ цѣнности, составляющій *поземельную ренту*, происходитъ отъ разности качества и положенія «мѣстъ», занимаемыхъ всякимъ производствомъ, а не однимъ только земледѣльческимъ. Всякому промыслу можетъ случиться занимать мѣста неодинаково удобныя. Увеличивающійся запросъ на произведеніе, понуждаетъ производителей распространять промыселъ въ *менѣе выгодныхъ*, чѣмъ прежде, условіяхъ мѣстности. Издержки производства тогда

увеличиваются, и цѣна произведенія возвышается до величины, при которой издержки могутъ быть покрыты. А такъ какъ рыночная цѣна одинакова для всѣхъ однородныхъ произведеній, то и оказывается, что производители, выгоднѣе другихъ помѣстившіеся, получаютъ излишекъ дохода, поступающаго окончательно, въ *поземельную ренту*.

Предъидущій случай—наиболѣе общій, хотя и не есть непремѣнный законъ, необходимый для существованія поземельной ренты. Достаточно *одинаково выгоднымъ* мѣстностямъ быть вполнѣ занятыми промысломъ, чтобы, при постоянномъ возрастаніи потребленія, мѣстности эти начали, наконецъ, доставлять поземельную ренту, происходящую отъ возвышенія цѣны произведенія сверхъ его стоимости.

Поземельная рента происходитъ еще отъ того, что, удвоивая вкладу капиталовъ въ производство, количество произведенія не удвоивается, развѣ въ случаѣ какого-нибудь важнаго усовершенствованія въ производствѣ, которому были бы обязаны подобнымъ результатомъ. Разность между выручками съ капиталовъ, послѣдовательно влагаемыхъ въ производство, на томъ же самомъ пространствѣ мѣстности, поступаетъ, при совмѣстничествѣ производителей, въ поземельную ренту.

Земледѣльческій промыселъ не отличается отъ другихъ, какъ полагаютъ иные, ни относительно уменьшенія производительности прикладываемыхъ капиталовъ, ни относительно происходящей отъ этого ренты. Для вѣрности сравненія надо взять *опредѣленное* пространство помѣщенія, *вполнѣ* занятое предпріятіемъ. При этомъ условіи мануфактура, какъ и сельское хозяйство, не можетъ принять новую вкладу капитала и увеличить работу, иначе, какъ *накладывая* ихъ, можно сказать, на прежде приложенные. А очевидно, что новый этажъ мастерскихъ, надстроенный надъ прежнимъ, доставитъ менѣе произведеній при одинаковыхъ издержкахъ, потому что часть работы и капитала будетъ употреблена на подъемъ и опусканіе людей, матеріаловъ и произведеній. Мы говоримъ о произведеніи, но если-бы шла рѣчь объ окончательномъ доходѣ, въ деньгахъ, отъ предпріятія, то увидѣли бы, что этотъ доходъ при развитіи промысла возрастаетъ еще медленнѣе въ сравненіи съ количествомъ произведеній, такъ какъ большой сбытъ требуетъ большой обширности рынка, что неминуемо увеличиваетъ издержки на доставку.

Поземельная рента приписывается многими производителями силѣ

земли и другихъ естественныхъ дѣятелей. Мысль эта какъ нельзя болѣе фальшива: вопросъ о поземельной рентѣ нимало не касается *естественныхъ производительныхъ силъ*, а единственно *мѣста* на которомъ происходитъ производство. Естественныя силы существуютъ и дѣйствуютъ вездѣ и всегда, столько же въ «капиталѣ» и «работѣ», сколько въ «землѣ» или, говоря вообще, въ «мѣстѣ», занимаемомъ промысломъ.

Естественныя удобства, силы и блага, если исключить изъ нихъ *помѣщенія*, не доставляютъ ничего, подобнаго поземельной рентѣ. Часто платятъ за рѣдкость этихъ удобствъ, силъ и благъ, но нѣтъ правилъ или экономическихъ законовъ для ихъ цѣнности, тогда какъ эти законы существуютъ для «мѣста» подъ производствомъ. Цѣнность художественной работы, брилліантовъ, тонкихъ винъ и проч., зависитъ только отъ прихоти и богатства ихъ любителей: экономическіе законы, управляющіе поземельною рентою, нисколько не относятся къ подобнымъ предметамъ.

Часто принимаютъ аренду за поземельную ренту. Въ арендѣ эта рента смѣшана съ процентами на капиталы, принадлежащіе землевладѣльцу. Чтобы видѣть чистую поземельную ренту, необходимо отдѣлить отъ нея все, что достается капиталисту, будетъ ли онъ въ то же время землевладѣльцемъ, или нѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ земледѣліи: ограды, удобренія, посадки и все, что разрушаемо отъ употребленія и современемъ, суть капиталы, и должны доставлять проценты одинаковаго роста со всякими другими капиталами, употребляемыми въ промыслѣ.

Расчистка почвы, планировка, взрыхленія земли, канавы, дренажъ и другія работы, не требующія возобновленія во все время эксплуатаціи, сливаются съ естественнымъ качествомъ «мѣста» и могутъ доставлять только поземельную ренту. Выручка этой послѣдней могла бы прекратиться, и, не смотря на то, не было бы никакой причины землевладѣльцу не продолжать свою эксплуатацію, лишь бы она покрывала проценты съ капиталовъ,—собственно называемыхъ.

Когда землевладѣлецъ самъ же и производитель, то вычитая изъ валоваго дохода обычную въ странѣ прибыль предпринимателя со всѣми выдачами безъ исключенія, окажется остатокъ, который и есть *поземельная рента*.

При отдачѣ помѣстья въ аренду, въ богатыхъ государствахъ, владѣлецъ часто находитъ болѣе увѣренности въ полученіи нап-

большаго дохода, какъ поземельною рентою, такъ и процентами съ употребленнаго капитала; причина этому—дѣятельная конкурренція между арендаторами.

Всѣ экономисты признаютъ три производительныя средства: землю, капиталъ и трудъ. Въ первомъ изъ нихъ считаютъ обыкновенно пахатную землю, рудники, каменоломни и пр., и наиболѣе важности придаютъ землямъ, занятымъ земледѣліемъ. Опредѣленіе это не довольно широко, и, можетъ статься, что поводомъ къ этому была *земля*, принятая для означенія производительнаго средства, о которомъ мы говоримъ въ этой главѣ. Здѣсь дѣло идетъ вообще о «мѣстѣ», занимаемомъ какимъ бы то ни было промысломъ. Оно можетъ быть озеро, болото, скала, часть моря или рѣки, или мѣсто, на которомъ стоитъ рынокъ, лавка, фабрика, точно также какъ и почва земли подъ разведеніемъ какихъ-нибудь растеній. Во всякомъ изъ этихъ случаевъ, «мѣсто» *одинаково необходимо* для промысла. Важность его измѣняется только въ отношеніи къ его *цѣнности*; а извѣстно, что наибольшая цѣнность земли находится въ центрѣ большихъ городовъ, а не въ поляхъ и деревняхъ.

Ошибочно принимать за *землю* все, что она производитъ и содер. житъ, какъ, напримѣръ, лѣса, минералы и пр., Верхній слой земли, когда онъ взрыхленъ и удобренъ, становится настоящимъ капиталомъ, сила котораго истощается земледѣліемъ. Лѣса могутъ быть превращены въ капиталы, или служить,—помощію вырубки участками,—для полученія процентовъ съ представляемаго ими капитала, и поземельной ренты отъ занимаемаго ими мѣста.

Горныя залежи суть качества мѣстности — когда они неистощимы; въ этомъ случаѣ они доставляютъ постоянную поземельную ренту. Если же естественныя блага истощимы—каковы, напримѣръ, золотоносные пески—то добываемое богатство, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, составляетъ капиталъ.

Естественныя производительныя силы обрабатываемой земли совершенно таковы же, какъ и естественныя силы капитала и работы, Чтобы естественныя силы «мѣста», были *средствомъ въ производствѣ*, для этого нимало не нужно, чтобы онѣ были дѣятельно производительны; онѣ недѣятельны въ горномъ дѣлѣ, подъ основаніемъ зданій и пр. Притомъ естественная сила, даже дѣятельная, можетъ не быть непосредственно производительною; такова падающая вода. Поэтому, когда говорятъ, что мѣсто есть одно изъ производительныхъ средствъ, то не должно разумѣть подъ этимъ выраженіемъ,

чтобы всякое мѣсто непремѣнно было одарено производительными силами.

Многіе авторы разсматриваютъ различныя свойства земли съ точки зрѣнія однѣхъ земледѣльческихъ работъ, какъ будто одинъ только этотъ промыселъ требуетъ нѣкоторыхъ условій мѣстности, или, по крайней мѣрѣ, для котораго эти условія гораздо важнѣе, чѣмъ для другихъ промысловъ.

Всякій промыселъ отыскиваетъ наиболѣе удобное для себя мѣсто, и *производительная сила* земли не болѣе представляетъ важности въ земледѣліи какъ, напримѣръ, ея *сила сопротивленія* подъ основаніемъ грузныхъ зданій. Ввести несвойственное выраженіе въ науку, назвавъ производительной силой земли ея твердость или сухость, содержимые ею минералы, ея видъ, составъ и пр., значило бы затемнить и запутать понятія, и нѣтъ никакого повода говорить о ея производительности болѣе, чѣмъ о какомъ-либо другомъ ея качествѣ. Будетъ ли на извѣстномъ мѣстѣ учреждено земледѣліе, рыбная ловля, каменоломня, мануфактура, намъ все равно, и нашему разсмотрѣнію подлежитъ только «мѣсто», занимаемое всѣми этими промыслами; ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть учрежденъ повсюду, ни съ одинаковомъ вездѣ успѣхомъ.

Отрицая важность «мѣста», какъ одного изъ средствъ производства въ промыслахъ не земледѣльческихъ, авторы замѣчаютъ, что за то въ этихъ промыслахъ употребляются матеріалы, происходящіе отъ земли. Но что намъ до того, что всякій сырой матеріалъ, подвергаемый обработкѣ, происходитъ отъ земли, воздуха, или воды, однимъ словомъ—отъ земнаго шара? Стоитъ ли говорить о столь очевидной истинѣ?—Мы ошибаемся; аэролиты неземнаго происхожденія. Къ сожалѣнію, приведенное замѣчаніе авторовъ не оправдывается и въ этомъ случаѣ, такъ какъ аэролиты входятъ въ составъ матеріаловъ, служащихъ минералогу.

Почему настаиваютъ авторы на происхожденіи матеріаловъ отъ земли? Потому что, по ихъ мнѣнію, участіе земли въ промыслахъ, какъ одно изъ трехъ средствъ производства, состоитъ именно въ снабженіи сырымъ матеріаломъ. Мы видимъ въ этомъ новое заблужденіе. Развѣ «трудъ», тоже одно изъ производительныхъ средствъ, и самый человѣкъ не происходятъ точно также отъ земли посредствомъ пищи, какъ происходятъ растенія? Поверхность земли есть средство производства, отличное отъ другихъ двухъ—*капитала* и *труда*, единственно какъ «мѣсто», занимаемое призводствомъ. Въ отношеніи

же къ силамъ и благамъ природы, нѣтъ никакого различія между землею, работою и капиталомъ; всѣ эти три средства производства сопровождаются или снабжены подобными силами и благами. Мы будемъ совершенно правы, когда скажемъ, что *каждое изъ трехъ средствъ производства есть не иное, что какъ соединенное дѣйствіе различныхъ силъ природы, управляемое волею человѣка.*

Вмѣсто того, чтобы настаивать на происхожденіи сырыхъ матеріаловъ отъ земли, слѣдовало бы сказать, что этотъ фактъ не имѣетъ никакого вліянія на принципы политической экономіи. Хотя бы всѣ матеріалы падали съ неба и земля не производила ни одного, три средства производства остались бы тѣмъ, чѣмъ они теперь: мѣсто, трудъ и капиталъ. Измѣненіе въ общественной экономіи состояло бы только въ томъ, что земледѣльческіе и извлекающіе промыслы не существовали бы; но законы производства, распредѣленія и потребленія богатствъ, произведенныхъ оставшимися промыслами, точно также ни мало не измѣнились бы, какъ не измѣнились они отъ прекращенія многихъ промысловъ, произведенія которыхъ вышли изъ употребленія или замѣнились другими, лучшими или менѣе стоющими.

Ошибочность понятія о средствѣ производства, названномъ *землею*, простирается до того, что не признаютъ абсолютной его необходимости въ мануфактурныхъ и комерческихъ промыслахъ. Тѣ экономисты, которые допускаютъ необходимость помѣщенія для всякаго промысла, находятъ, что оно весьма маловажно въ торговыхъ и фабричныхъ промыслахъ. Въ этомъ случаѣ, говорятъ они, земля служитъ только помѣщеніемъ. Но въ земледѣліи и въ горномъ дѣлѣ земля, какъ одно изъ средствъ производства, служитъ точно также *только какъ помѣщеніе.* Въ Лондонѣ и Парижѣ помѣщеніе промысловъ имѣетъ огромную важность въ отношеніи къ его цѣнности и вслѣдствіе этого, въ отношеніи къ поземельной рентѣ. Важность эта умѣряется только тѣмъ, что въ городахъ, на томъ же пространствѣ, производится несравненно болѣе цѣнностей, чѣмъ въ земледѣліи, и что, по этому, на каждую единицу произведенія падаетъ относительно ея цѣны менѣе поземельной ренты, не смотря на большую абсолютную величину этой послѣдней. Источникъ многихъ подобныхъ заблужденій заключается въ томъ, что, по мнѣнію авторовъ. «земледѣліе» и «извлекающіе промыслы», придаютъ цѣнность своему помѣщенію по какимъ то исключительнымъ экономическимъ законамъ, тогда какъ эти законы совершенно независимы отъ рода или свойства промышленнаго предпріятія.

Иногда авторы называютъ капиталами всѣ улучшенія почвы и всякую работу, служащую эксплуатаціи. Но улучшеніе земель происходитъ двумя образами,-изъ которыхъ одинъ производитъ неистребимые разультаты, сливающіеся съ естественными качествами мѣста, такъ что служившіе этому капиталы теряютъ совершенно свое отличительное свойство, состоящее въ требованіи извѣстнаго дохода. Они нераздѣльны отъ средства производства, называемаго всѣми авторами—*землею*, а нами, для большей общности—*мѣстомъ*, или *помѣщеніемъ*. Въ этомъ случаѣ находятся также всѣ работы и расходы, требуемые первоначальнымъ *занятіемъ* и *оцѣнкою* мѣста, каковы: отмежеваніе, изслѣдованіе почвы, расходъ на сохраненіе мѣста, на утвержденіе собственности законнымъ актомъ и пр., Ограды, строенія и посадки остаются всегда капиталами, тогда какъ планировка-уборка камней, осушеніе, орошеніе и т. п. ничѣмъ не различаются отъ естественныхъ свойствъ и качествъ мѣста.

Въ противность предъидущему, съ землею смѣшиваютъ капиталы въ видѣ орудій, машинъ, домашнихъ животныхъ и пр. Все это не болѣе связано съ *помѣщеніемъ* земледѣлія, какъ орудія и машины фабрики съ занимаемымъ ею *мѣстомъ*. Наконецъ, съ землею сливаютъ тѣлесную и умственную работу земледѣльца. Но въ приложеніи этой работы къ землѣ ничего нѣтъ особеннаго; она участвуетъ въ производствѣ качествъ мѣстности, въ производствѣ капитала, такимъ же точно образомъ, какъ и въ производствѣ всякой, какой бы ни было, полезности. Необходимо только знать, *неистребляемая* или *истребляемая* произведена полезность? то есть: которое изъ двухъ средствъ производства: то ли, что мы назвали *мѣстомъ*, или то, что называется *капиталомъ*?

Занятые мыслію о производительныхъ силахъ земли, и замѣтивъ что онѣ частью естественны, и еще большею частью произведены человѣкомъ, авторы вообразили себѣ, что въ послѣднемъ случаѣ земля можетъ разсматриваться какъ капиталъ, но столь важнаго и необыкновеннаго свойства, что его должно изучать отдѣльно. Подумаешь, что тутъ является какое-то четвертое средство производства: нѣчто принадлежащее, въ одно и тоже время, помѣщенію и капиталу.

Въ этомъ взглядѣ на «землю» ничего нѣтъ истиннаго. Существуетъ два только возможныхъ случая: или усилія и издержки были употреблены на неистребляемыя измѣненія почвы, пока продолжается эксплуатація—въ этомъ случаѣ нѣтъ произведеннаго капитала,

и новыя качества мѣста ни въ чемъ не различаются отъ естественныхъ; или измѣненія были болѣе или менѣе временныя, подверженныя потратѣ или истощенію самимъ производствомъ;—въ этомъ случаѣ получается капиталъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ капиталовъ, кромѣ того только, что иногда онъ весьма трудно и даже вовсе неподвиженъ. И такъ, здѣсь нечего изучать отдѣльно; полезность, сообщаемая землѣ или увеличиваемая человѣкомъ, всегда входитъ въ одно изъ двухъ средствъ производства, называемыхъ нами *мѣстомъ* и *капиталомъ*.

Нельзя сказать, чтобы авторы, на которыхъ мы намекаемъ, не замѣчали исчезновенія капиталовъ въ улучшеніи земель; но они видятъ это смутно, и продолжаютъ называть капиталами неистребляемые результаты пожертвованій, вложенныхъ въ мѣстность. Дойдя потомъ до сознанія, что въ этихъ результатахъ отсутствуетъ всякое отличительное свойство капитала, и что для нихъ не требуется ни обычныхъ процентовъ, ни возобновленія или погашенія, авторы все-таки не рѣшаются признать совершенное тожество ихъ съ естественными качествами мѣстности. Впрочемъ возможно ли рѣшиться въ ту или другую сторону тому, кто смѣшиваетъ въ одну и ту же групу: строенія, ограды и посадки—дѣйствительные капиталы, долженствующіе приносить обычные проценты, безъ чего ихъ не возобновятъ въ случаѣ разрушенія,—съ канавами, планировками, дренажемъ и пр.—работами, придающими мѣстности неизгладимую обдѣлку и доставляющими одну только поземельную ренту—выгоду случайную, болѣе или менѣе предвидѣнную, но существованіе которой не есть необходимое условіе для продолженія производства?

Отсутствіе поземельной ренты, когда оно предвидится, препятствуетъ улучшеніямъ, сливающимся съ естественными качествами мѣста. Напротивъ того, чѣмъ вѣроятнѣе выручка значительной поземельной ренты отъ улучшенія мѣстности, тѣмъ болѣе капиталовъ обращается на это употребленіе. А такъ какъ ничто столь не благодѣтельно для страны, какъ улучшеніе ея почвы, то поземельная рента, привлекая капиталы къ подобному употребленію, оказывается однимъ изъ экономическихъ явленій, наиболѣе благопріятныхъ развитію общественнаго благосостоянія.

Поземельная рента зависитъ отъ цѣны произведеній, а сама не имѣетъ никакого вліянія на ихъ цѣну. Но эта истина не приложима къ рентѣ, опредѣляемой авторами, смѣшивающими ее въ арендной платѣ съ процентами на капиталы.

Цѣна произведенія составляется независимо отъ поземельной ренты, которая есть не что иное, какъ разность между цѣною и стоимостію. Она не входитъ въ цѣну какъ непремѣнный ея элементъ, потому, что отъ той же цѣны произведенія отдѣляются въ различныхъ мѣстностяхъ различныя поземельныя ренты, а иногда и не отдѣляется никакой. Но во всѣхъ производствахъ, платящихъ поземельную ренту, эта послѣдняя составляетъ элементъ издержекъ производства и цѣны произведеній—элементъ равномѣрный только для совершенно подобныхъ мѣстностей, и измѣняющійся при всякомъ неравенствѣ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Такъ какъ поземельная рента не имѣетъ вліянія на цѣну произведеній, то очевидно, что она представляетъ доходъ землевладѣльцевъ, подлежащій налогу по преимуществу,—лишь бы, впрочемъ, налогъ не падалъ на часть поземельной ренты недавно вызванную пожертвованіемъ производителя. Признавать это экономическое свойство поземельной ренты нисколько не значитъ конфисковать ее и возвращаться къ ученію физіократовъ, какъ воображаютъ имѣющіе только смутныя понятія по этому вопросу, и полагающіе поземельную ренту *вознагражденіемъ* за первое присвоеніе мѣста, за расходы и риски, за охраненіе и контроль. Мы видѣли выше, что все это входитъ—или въ расходы и выручки предпринимателя (будетъ ли онъ въ то же время владѣльцемъ или нѣтъ),—или въ тѣ пожертвованія владѣльца, неистребляемые результаты которыхъ сливаются съ естественными качествами мѣста.

Довольно странно слышать, съ одной стороны, обвиненія, направленныя противъ естественнаго явленія, противъ науки, области корой принадлежитъ это явленіе, и противъ экономистовъ, открывшихъ и изучающихъ его, а съ другой стороны, видѣть усилія писателей, старающихся очистить и морализировать науку, кто—отрицаніемъ самаго существованія явленія, кто—отыскиваніемъ доказательствъ его безвредности.

Защитники этого явленія выставляютъ въ пользу его фактъ, по ихъ мнѣнію исключительный, что земля есть богатство, въ то же время *естественное* по своей плодородности, и *произведенное*—улучшеніями почвы, и что она не даровая, ни какъ произведенная, ни какъ ограниченная и вполнѣ присвоенная. Но вопервыхъ, всякій присвоенный предметъ представляетъ подобный двойственный характеръ полезности, частью естественной, такъ какъ во всемъ, что угодно, мы видимъ, съ одной стороны—естественныя свойства и сп-

лы вещества, и съ другой—усилія человѣка, употребленныя хотя бы только въ одномъ актѣ присвоенія. Всѣ тѣ предметы, высокая цѣна которыхъ происходитъ отъ ихъ рѣдкости, находятся въ томъ же случаѣ.

Земля отличается отъ другихъ благъ тѣмъ, что она участвуетъ въ промыслахъ не только какъ способная къ воздѣлыванію и извлеченію изъ нея богатствъ, но и какъ служащая помѣщеніемъ во всякомъ производствѣ и во всякой работѣ. Чѣмъ бы мы ни занимались: обработкою растеній, горнымъ дѣломъ, рыболовлею, фабричнымъ производствомъ, художествами, торговлею и пр.,—во всемъ земля участвуетъ какъ помѣщеніе промысла.

Пахотный слой земли, лежащій на своей подпочвѣ, находится, въ глазахъ экономиста, въ одинаковомъ случаѣ съ грядами огорода или съ землею, наполняющею ящики и горшки теплицъ.

Поземельную собственность оправдываютъ иные, утверждая, что человѣкъ одаренъ инстинктомъ присвоенія, дѣлающимъ его врожденнымъ собственникомъ и внушающимъ ему *обмѣнъ*, какъ средство пріобрѣтать результатъ трудовъ другаго человѣка. Но многіе изъ животныхъ имѣютъ такой же, и не менѣе сильный, инстинктъ присвоенія. Не *инстинктъ* и *разумъ* побудилъ человѣка къ изобрѣтенію обмѣна. Природа не создала его собственникомъ, а разумъ и совѣсть привели человѣка къ сознанію, что уваженіе другихъ людей къ присвоенному имъ предмету получается не иначе, какъ при уваженіи съ его стороны чужой собственности.

Первоначальное занятіе мѣстности выставляютъ какъ нѣчто освящающее собственность, независимо отъ труда человѣка. Но фактъ присвоенія не иначе признается дѣйствительнымъ, какъ если онъ совершается разумнымъ усиліемъ—общее и существенное условіе пріобрѣтенія всякой собственности. Земля или вообще *мѣсто*, дѣйствительно занятое, носитъ на себѣ отпечатокъ дѣятельности занявшаго, и ничѣмъ не различается въ отношеніи къ его пріобрѣтенію отъ другихъ пріобрѣтенныхъ благъ. Напрасно стараются отличить *первоначальное занятіе* отъ *присвоенія*, и отыскивать различныя начала движимой и недвижимой собственности. Начало ихъ одно и то же разумная дѣятельность» или разумное усиліе, однозначащія съ словомъ *трудъ*. Поэтому, въ отношеніи къ праву на собственность плода трудовъ человѣка, нѣтъ повода вводить въ соображеніе движимость или недвижимость этого плода.

Утверждаютъ, что нужно было упрочить исключительное и потом-

ственное владѣніе земли для обезпеченія земледѣлія. Исключительное владѣніе средствами производства необходимо для обезпеченія успѣха во всякомъ промыслѣ; но никакой промыселъ не требуетъ вѣчнаго владѣнія его помѣщеніемъ.

Признаніе за семействами потомственнаго владѣнія мѣстностью, какъ и всякимъ другимъ движимымъ или недвижимымъ имуществомъ утверждаетъ собственность какъ бы часть самой личности производителя или присвоителя, и это независимо отъ всякаго соображенія относительно успѣха или производства общественной пользы.

Справедливо, что большее или меньшее затрудненіе въ передвиженіи промысла, требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени владѣнія его помѣщеніемъ, и что обработка земли есть одинъ изъ промысловъ, требующихъ наиболѣе продолжительнаго владѣнія мѣстомъ производства. Но *вѣчное* владѣніе мѣстомъ не нужно для успѣха земледѣлія, что ясно видно въ добровольной передачѣ владѣнія, продажею или обмѣномъ, изъ однѣхъ рукъ въ другія, при чемъ обѣ стороны находятъ выгоду въ своей сдѣлкѣ.

Большая часть защитниковъ поземельной ренты говорятъ, что она происходитъ почти единственно отъ трудовъ человѣка и что, въ естественномъ состояніи, земля не даетъ почти ничего. Надо бы знать, что именно хотятъ, чтобы земля давала. Есть конечно земли или воды, не дающія почти и даже вовсе ничего безъ работы и капитала; но есть другія, естественно производящія луга, лѣса, или содержащія мраморъ, каменный уголь, металлы и пр.; въ водахъ же находятся рыбы, кораллы, устрицы и пр..

Что справедливо, но само собою разумѣется, это то, что безъ труда нельзя присвоить или извлечь никакого естественнаго плода или блага. Съ этой точки зрѣнія природа не даетъ никогда ничего. Человѣкъ долженъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобы воспользоваться чѣмъ бы то ни было.

Вмѣсто того, чтобы разсматривать *землю* какъ *помѣщеніе* какого либо промысла, авторы имѣютъ въ виду обработанное поле, которое, въ естественномъ его состояніи, производило только кое-какія тощія растенія. Столь ограниченный взглядъ на участіе мѣста въ промышленности весьма способствовалъ сбивчивости понятій о поземельной рентѣ.

Безъ помощи труда и капитала не получается никакое произведеніе, какъ бы ни была велика относительная важность самородныхъ благъ природы, потому, что и эти блага становятся произведеніями

не иначе, какъ вслѣдствіе ихъ присвоенія, непремѣнно требующаго труда со стороны присвоивателя. Если существуютъ поля, которыя безъ приложенныхъ къ нимъ большихъ усилій и капиталовъ, оставались бы безполезными, то встрѣчаются нерѣдко земли или воды, снабженныя въ изобиліи естественными благами, которыя стоитъ только собирать или извлекать: таковы лѣса, рыболовли, рудники и пр. Впрочемъ, если бы и въ самомъ дѣлѣ нельзя было нигдѣ добывать много произведеній безъ большихъ пожертвованій, какую бы представлялъ важность подобный фактъ для экономической науки? и какое слѣдствіе полагаютъ изъ него вывести, кромѣ того развѣ, что первобытное существованіе людей, еще не снабженныхъ капиталами, было невозможно? выводъ нелѣпый, опровергающій основное предложеніе.

Въ пользу невинности поземельной ренты говорятъ еще, что присвоенная земля составляетъ, такъ сказать, часть личности владѣльца и что, слѣдовательно, рента отъ нея есть выгода отъ естественной монополіи, совершенно подобная происходящей отъ необыкновенныхъ способностей производителя, отъ изобрѣтеній или отъ другихъ счастливыхъ обстоятельствъ.

Право на эту выгоду, безъ сомнѣнія, одинаково въ обоихъ случаяхъ. Юридически и нравственно, они одно и то же; но въ экономическомъ отношеніи, случаи эти весьма различны. Если необыкновенная выгода, происходящая отъ счастья или таланта производителя, не переходитъ въ поземельную ренту, и если, съ этой точки зрѣнія, *личность* производителя можно сравнить съ *помѣщеніемъ* промысла, то все-таки невозможно смѣшать ренту неотъемлемою отъ мѣста производства, съ выгодою случайною или добываемою собственнымъ трудомъ, и не только непередаточною, но по большой части даже непожизненною.

Наконецъ, многіе писатели стараются доказать законность поземельной ренты, представляя ее вознагражденіемъ иниціативы, контроля, надзора и первоначальнаго занятія, то есть, расхода и риска при овладѣніи, которое требовало заботы и даже работы, каковы: разграниченіе, съемка плановъ и утвержденіе, законнымъ порядкомъ, права на собственность. Писатели эти не видятъ, что текущіе труды и расходы на контроль и надзоръ входятъ въ общія издержки предпріятія; что, когда владѣлецъ самъ и производитель, эти труды и расходы вознаграждаются сверхъ поземельной ренты, а потому нѣтъ причины не различать ихъ также и въ арендѣ или наемной платѣ.

Они не видятъ также, что всякое усиліе и всякая жертва, относящіяся къ первоначальному овладѣнію, сливаются съ землею, какъ и позднѣйшія улучшенія, производящія неистребляемыя качества почвы, напримѣръ: планировка, уборка камней и пр. Эти работы не требуютъ вознагражденія для возможности продолжать промышленное предпріятіе, такъ что поземельная рента хотя и происходитъ часто отъ усилій владѣльца, работавшаго нарочно для ея выручки, не есть однако непремѣнно требуемое вознагражденіе за эти усилія, подобно тому, какъ выигрышъ въ карты или въ лотереѣ не есть возмездіе за принятый трудъ и рискованныя деньги, каковы бы притомъ ни были шансы выигрыша.

Скажемъ въ заключеніе, что никакое оправданіе общественнаго явленія, когда оно естественно, не можетъ имѣть успѣха, а показываетъ только въ авторѣ отсутствіе научнаго взгляда на предметы. Требуется доказать существованіе усмотрѣнныхъ явленій, разобрать ихъ подробно и вывести изъ нихъ слѣдствія, повѣряющіяся наблюденіемъ. Если эти слѣдствія оказываются иногда невыгодными и даже вредными общественной экономіи, то наука должна отыскать причины такихъ послѣдствій, которыя открываются большею частью въ недостаткѣ какой-нибудь свободы, претерпѣваемомъ работою человѣка.

ГЛАВА IX.

ОЦѢНКА ПОЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ.

Во всякомъ промышленномъ предпріятіи занято опредѣленное *мѣсто* и употребленъ извѣстный *капиталъ*. Мы тщательно различаемъ между собою эти два пособія производства. *Мѣсто* можетъ содержать результаты приложенныхъ къ нему капиталовъ и трудовъ человѣка — результаты неотдѣлимые отъ мѣстности и непстребляемые; но оно не содержитъ никакого *капитала*, собственно такъ называемаго, то есть заключающаго въ себѣ отдѣлимые отъ мѣстности предметы, истребляемые и требующіе постояннаго дохода, въ обычномъ размѣрѣ.

Капиталисты необходимо должны получать проценты на свои капиталы, безъ чего прежде составленные—потратятся, а новые не составятся. Землевладѣльцы, напротивъ, хотя бы и не выручали поземельной ренты, продолжали бы пользоваться своею собственностію, именно въ томъ, въ чемъ она не портится и не истощается никогда. Когда во всемъ подобныя между собою мѣстности находятся въ изобиліи, тогда помѣщенія не могутъ дать дохода своимъ владѣльцамъ, и слѣдовательно, имѣть какую либо цѣнность.

Иногда, напротивъ, мѣстность не имѣетъ себѣ подобныхъ. Таковъ случай необыкновенной красоты положенія загородной собственности или мѣста въ срединѣ значительнаго города. Мѣста подобнаго рода могутъ разсматриваться наравнѣ съ рѣдкими произведеніями, которыя невозможно размножить для удовлетворенія возрастающаго требованія. Они различаются отъ произведеній своею неподвижностью, и тѣмъ, что всегда способны къ отдачѣ въ наемъ и, слѣдовательно, къ доставленію ежегоднаго дохода. Этотъ доходъ, отдѣленный отъ всего, что составляетъ доходъ отъ капитала, есть *помѣстная* или *поземельная рента*.

Между *поземельною рентою* и *цѣною* мѣста существуетъ всегда опредѣленное отношеніе, именно: отношеніе процентовъ къ соотвѣтствующему капиталу, такъ что, когда рента извѣстна, то цѣна мѣс-

та получается капитализаціею ренты по росту обычныхъ въ странѣ процентовъ. Но никакой экономическій законъ, въ этомъ случаѣ, не опредѣляетъ собственные предѣлы ренты или цѣны мѣста,—эти предѣлы зависятъ только отъ вкуса, потребности и богатства конкурентовъ, желающихъ нанять или купить мѣсто.

Когда конкурренція установила наемную плату за мѣсто, то вычтя текущіе расходы, взятые на себя владѣльцемъ, и обычные проценты на капиталъ—если есть истребляемыя имущества въ числѣ нанимаемыхъ—остатокъ будетъ «поземельною рентою». Съ одной стороны эта рента можетъ возвышаться безпрепятственно, по прихоти конкуррентовъ; съ другой, та же прихоть можетъ понизить ее до нуля. Что же касается до полной наемной платы, то она не можетъ оставаться всегда ниже суммы всѣхъ *требующихся* уплатъ, потому что неразумно было бы возобновлять приложеніе капиталовъ тамъ, гдѣ они не принесутъ обычныхъ процентовъ.

Нѣкоторыя помѣщенія привлекаютъ конкурренцію не какъ удовлетворяющія вкусу богатыхъ людей, а какъ исключительно способныя доставлять извѣстныя произведенія. Таковы знаменитые виноградники, мѣсторожденія статуйнаго мрамора и пр.

Когда все пространство подобнаго мѣста уже занято разработкою, и нѣтъ возможности увеличить количество ежегодно добываемаго произведенія никакимъ способомъ или пожертвованіемъ, тогда поземельное владѣніе находится въ одинаковыхъ съ предъидущими обстоятельствахъ. Разность только въ томъ, что мѣсто разсматривается здѣсь не какъ подобное рѣдкимъ произведеніямъ, а какъ *пособіе производства*. Въ этомъ случаѣ конкурренція, возвышающая наемную плату, заключающую въ себѣ поземельную ренту, дѣйствуетъ не прямо на запросъ самаго мѣста, а на запросъ добываемаго на немъ произведенія. Это послѣднее есть тотъ рѣдкій предметъ, цѣна котораго возрастаетъ, смотря по вкусу и богатству потребителей.

Среднее количество произведенія за большое число лѣтъ, помноженное на установившуюся среднюю его цѣну, дастъ нормальный валовой доходъ. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, включая прибыль предпринимателя и проценты съ употребленнаго капитала, получается «поземельная рента». Если мѣсто отдано въ аренду, то аренда заключаетъ, большею частью, проценты съ капитала, принадлежащаго владѣльцу мѣста. Ихъ должно вычесть изъ общей арендной суммы, чтобы получить чистую поземельную ренту.

Оба разсмотрѣнные нами случая представляются какъ рѣдкія

исключенія. Въ общемъ же случаѣ, мѣстности болѣе или менѣе способны къ разнаго рода употребленіямъ и къ весьма различнымъ производствамъ. Сверхъ того, большая часть произведеній могутъ быть размножаемы по произволу и неопредѣленно, лишь бы имѣлась всегда возможность достаточно увеличить издержки ихъ производства.

Безпредѣльное размноженіе произведеній достигается послѣдовательнымъ приложеніемъ новыхъ капиталовъ, на томъ же мѣстѣ, или на новыхъ помѣщеніяхъ. Невѣроятно, чтобы когда-нибудь встрѣтилась страна, даже изъ самыхъ малыхъ и недавно населенныхъ, въ которой бы всѣ капиталы, употребленные въ различныхъ ея мѣстностяхъ, были одинаково производительны. Во всякой странѣ и во всякое время, польза отъ капиталовъ различна, смотря по мѣстности, въ которой они дѣйствуютъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя чтобы при безпредѣльномъ размноженіи извѣстнаго произведенія, запросъ на который безпрестанно усиливается, промышленники могли помѣщать свои производства всегда въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, какъ относительно качества мѣстности, такъ и относительно ея разстоянія отъ рынка.

Еще менѣе возможно получать, отъ послѣдовательнаго приложенія капиталовъ на томъ же мѣстѣ, всегда относительно одинаковое количество произведенія и тотъ же пропорціональный доходъ. Чтобы показать нелѣпость противоположнаго мнѣнія, которое нѣкоторые писатели рѣшились выставить въ ихъ странномъ отрицаніи существованія поземельной ренты, стоитъ только довести ихъ мнѣніе до крайнихъ его слѣдствій. Они принуждены будутъ тогда допустить, что самое ограниченное пространство помѣщенія, было бы достаточнымъ для произведенія на немъ всѣхъ матеріальныхъ богатствъ человѣчества. Но если подобное ожиданіе—очевидная химера, то невозможность его ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ однимъ только уменьшеніемъ полезности капиталовъ, послѣдовательно прилагаемыхъ въ производствѣ на томъ же самомъ мѣстѣ.

Противъ закона уменьшенія полезности капиталовъ приводятъ безпрестанныя усовершенствованія въ промышленныхъ искусствахъ, цѣль и результатъ которыхъ состоятъ въ уменьшеніи издержекъ производства, относительно къ тому же количеству произведенія. Но несправедливо полагать, чтобы во всякомъ промыслѣ, усовершенствованія зобрѣтенія и открытія, были безостановочны, и никогда по мен[illegible]ей мѣрѣ, не отставали отъ накопленія капиталовъ, назна-

чаемыхъ для вклада въ предпріятіе. Напротивъ того, перемежкѣ подвержены не только успѣхи умственныхъ трудовъ въ искусствахъ и наукахъ, но даже успѣхъ накопленія капиталовъ самымъ простымъ и, такъ сказать, машинальнымъ дѣйствіемъ воли человѣка, именно сбереженіемъ части дохода.

Оба прогресса идутъ независимо одинъ отъ другаго, и всякій разъ, какъ составился новый капиталъ, его немедленно употребляютъ въ дѣло, хотя бы и съ меньшею пользою, чѣмъ прежде употребленные капиталы. Если бы для употребленія свободнаго капитала, ожидали, всякій разъ, какого-нибудь новаго изобрѣтенія, которое бы увеличило производительность капиталовъ, то рисковали бы понести значительную потерю. Впрочемъ, чтобы поставить существованіе поземельной ренты внѣ всякаго оспариванія, и для возможности опредѣлить ее оцѣнкою, намъ нужно было удостовѣриться, не столько въ послѣдовательномъ уменьшеніи дохода съ капиталовъ размножающихся въ странѣ, сколько въ неравенствѣ доходовъ, одновременно получаемыхъ, отъ равныхъ капиталовъ.

Намъ достаточно, чтобы съ нами согласились въ существованіи общаго и постояннаго явленія, именно: что во всяксе данное мгновеніе, равные капиталы, употребленные въ различныхъ мѣстахъ страны, или на томъ же мѣстѣ, доставляютъ неравныя количества произведеній и доходовъ, считая ихъ въ средней сложности. При одинаковыхъ прочихъ обстоятельствахъ, ничему другому не остается приписать эту разность доходовъ, какъ неравенству выгодъ, находимыхъ капиталами въ ихъ приложеніи къ производству. Выгоды эти измѣняются съ неотъемлемыми отъ мѣста качествами, съ разстояніемъ его отъ рынка и съ большимъ или меньшимъ количествомъ капиталовъ уже употребленныхъ на немъ.

Такъ какъ рыночная цѣна одна для всѣхъ однородныхъ произведеній, предлагаемыхъ въ тоже самое время, то неравенство чистаго дохода, вырученнаго различными производителями, происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ неравныхъ издержекъ производства, т.-е. отъ неодинаковой стоимости произведенія. Каковы бы ни были запросъ и богатство потребителей, цѣна произведенія изъ числа безпредѣльно размножаемыхъ не можетъ оставаться всегда ниже или выше самыхъ большихъ издержекъ производства изъ, требующихся въ странѣ для полученія этого произведенія. Дѣйствительно, съ одной стороны всякое предпріятіе было бы принуждено, наконецъ, остановиться, если бы оно перестало покрывать свои расходы—включая

въ нихъ обычную прибыль: съ другой стороны, никто изъ производителей не можетъ возвысить цѣну своего произведенія сверхъ наибольшей стоимости, при которой возможно получить еще новое его количество. Пока эта послѣдняя возможность представляется, до тѣхъ поръ, совмѣстничество капиталовъ, довольствующихся обычными процентами, препятствуетъ возвышенію цѣны произведенія.

И такъ, въ общемъ случаѣ, предметовъ размножающихся безпредѣльно, средняя цѣнность произведенія устанавливается издержками производства, требуемыми въ наименѣе выгодныхъ мѣстностяхъ, изъ занятыхъ подобнымъ промысломъ. Поземельная рента, не существующая въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, получаетъ въ другихъ тѣмъ большую величину, чѣмъ менѣе въ нихъ издержки производства, потому что она всегда опредѣляется разностью между этими послѣдними издержками и тѣми, которыя требуются наименѣе выгодными изъ подобныхъ предпріятій.

Богатство потребителей имѣетъ вліяніе на цѣну произведенія, и вслѣдствіе этого, на поземельную ренту, въ томъ смыслѣ, что оно можетъ усилить запросъ до такой степени, что послѣ занятія требуемыхъ производствомъ всѣхъ одинаково удобныхъ мѣстъ, вынуждены помѣщаться въ обстоятельствахъ, при которыхъ производство обходится гораздо дороже.

Цифра, выражающая поземельную ренту, отнюдь не должна содержать никакого элемента, происходящаго отъ неравныхъ способностей производителей. Этимъ условіемъ практическая ея оцѣнка чрезвычайно затрудняется. Можно сказать, даже, что въ настоящемъ состояніи столь мало еще распространенныхъ раціональныхъ свѣдѣній въ политической экономіи, она невозможна. Отъ этого-то вѣроятно и ненаходится статьи о поземельной рентѣ ни въ одной статистикѣ государствъ, наиболѣе изслѣдованныхъ въ другихъ отношеніяхъ.

Часто, поземельная рента только частью обусловливается обстоятельствами, независящими отъ воли и пожертвованій владѣльца мѣстомъ—обстоятельствами естественными, каковы: натуральное плодородіе почвы, ея расположеніе относительно солнца и пр. или общественными, какъ напримѣръ: близость къ рынку, удобный путь сообщенія и пр.

Другая часть помѣстной ренты, напротивъ, вызвана трудами и капиталами, вкладываемыми въ мѣстность владѣльцами или арендаторами съ намѣреніемъ увеличить доходъ въ свою личную выгоду. Густо-населенныя и просвѣщенныя государства обязаны, большею

частью своихъ поземельныхъ доходовъ, трудамъ и капиталамъ предшествовавшихъ поколѣній. Но фактъ этотъ слишкомъ преувеличиваютъ, когда утверждаютъ, что будто нѣтъ мѣстности не подвергавшейся работамъ, цѣнность которыхъ далеко не вознаграждается доходами, извлекаемыми изъ нее въ настоящее время. Въ это преувеличеніе впали потому, что не различили общественныя пожертвованія отъ расходовъ частныхъ владѣльцевъ.

Что касается до первыхъ, то ими, очевидно, пользуется болѣе или менѣе всякая мѣстность страны; одно существованіе сосѣдняго населенія есть уже выгода для поземельной собственности. Но выгода пропорціональная общественнымъ пожертвованіямъ, принадлежитъ всему обществу, а не исключительно тому или другому частному лицу, которое можетъ имѣть притязаніе на вознагражденіе только собственныхъ своихъ усилій. Съ этой точки зрѣнія, сомнительно, чтобы нашлось много помѣстій, которыхъ поземельная рента не покрываетъ обыкновенныхъ процентовъ на капиталы, разсчетливо вложенные въ землю для усиленія ея производительности.

Напротивъ того, встрѣчаются мѣстности, въ которыхъ никакой работы и никакого капитала не было употреблено на улучшеніе почвы, а между тѣмъ эти мѣстности имѣютъ иногда чрезвычайно высокую цѣнность, происходящую единственно отъ причинъ общественныхъ, каковы: сгущеніе населенія, общеполезныя сооруженія и пр.

Поземельная рента, вызванная ли самимъ владѣльцемъ, или различными причинами, независящими отъ его воли, опредѣляетъ цѣнность мѣста, независимо отъ цѣнности капиталовъ, дѣйствующихъ на немъ.

Весьма ошибаются авторы, когда воображаютъ достаточнымъ доказать, что поземельная рента не покрываетъ даже процентовъ на вложенные въ землю капиталы, чтобы отказать ей въ отдѣльномъ отъ процентовъ на капиталы и отъ заработной платы существованіи. Они не видятъ, что здѣсь идетъ дѣло отнюдь не о причинахъ, вызвавшихъ ренту, а объ излишкѣ дохода сверхъ обычныхъ вознагражденій. Этотъ излишекъ, происходитъ ли онъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или отъ качествъ мѣстности—естественныхъ или искусственныхъ,—отъ личныхъ или общественныхъ жертвъ—намъ все равно, лишь бы результаты этихъ причинъ были неистребимы и неотдѣлимы отъ мѣста. Подобный излишекъ не требуется непремѣнно; онъ случайный и измѣняется отъ одной къ другой мѣстности страны, чѣмъ и отличается существенно отъ процентовъ съ капитала, всег-

да требующихся и имѣющихъ, во всякую эпоху, одинъ общій ростъ на всемъ пространствѣ денежнаго рынка.

Даровыя мѣстности встрѣчаются въ малонаселенныхъ странахъ. Тамъ капиталы приносятъ только обычные проценты, и наемъ земли почти неизвѣстенъ. Нанимаютъ и продаютъ, въ подобныхъ странахъ, только капиталы истребляемые и отдѣлимые отъ почвы, но отнюдь не самую почву. Въ странахъ многолюдныхъ, напротивъ, случается нанимать землю, на которой не находится никакого капитала, представляемаго истребляемыми цѣнностями. Наемная плата содержитъ тогда одну только поземельную ренту. Въ этомъ случаѣ всѣ капиталы принадлежатъ нанимателю, который, если онъ разсчетливъ, придастъ своимъ недвижимымъ капиталамъ, каковы постройки, посадки и пр., прочность сообразную только съ условнымъ продолженіемъ найма. Что же касается до работъ и капиталовъ, сливающихся съ помѣщеніемъ промысла, каковы: уборка камней, осушеніе и т. п., то наниматель не рѣшится жертвовать на подобные предметы иначе, какъ развѣ при чрезвычайныхъ и немедленныхъ отъ того выгодахъ, потому что, по окончаніи срочнаго права содержателя, все приращеніе дохода, проистекающее отъ улучшеній самого помѣщенія, войдетъ въ ренту владѣльца. Само собою разумѣется, что все это справедливо только въ предположеніи дѣятельнаго совмѣстничества, какъ между нанимателями мѣста, такъ и между капиталистами—когда первые довольствуются обычною прибылью, а вторые, обыкновеннымъ ростомъ процентовъ.

Мы видимъ, что приложеніе капиталовъ къ землѣ, весьма ограничено, когда оно предоставлено нанимателямъ или арендаторамъ. Одинъ только землевладѣлецъ можетъ находить выгоду въ значительныхъ пожертвованіяхъ на улучшеніе почвы, и государство много выигрываетъ, когда эксплуатація земель производится, какъ можно болѣе, самими помѣщиками.

Большія поземельныя ренты означаютъ богатство страны. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ видимъ мы возвышеніе цѣны мѣстъ до нѣсколькихъ сотъ рублей за квадратную сажень, если не въ центрѣ большихъ городовъ, гдѣ жители достаточно богаты, чтобы платить за наемъ домовъ соразмѣрно цѣнности занимаемаго домами мѣста? Также и цѣна произведеній земли тѣмъ выше, чѣмъ страна многолюднѣе и богаче, а извѣстно, что эта цѣна опредѣляетъ поземельную ренту въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но хотя, при увеличеніи поземельной ренты, и замѣчается всегда

приращеніе народнаго богатства, это послѣднее можетъ возрастать, не только не увеличивая поземельныхъ рентъ страны, но даже уменьшая ихъ. Причина подобнаго явленія въ томъ, что обогащеніе страны происходитъ двумя путями: скопленіемъ капиталовъ и увеличеніемъ ихъ полезности, то есть, усовершенствованіемъ производительныхъ искусствъ. Умноженіе богатства ведетъ къ употребленію новыхъ капиталовъ менѣе производительно; отъ этого увеличивается цѣна произведеній и, слѣдовательно, поземельныя ренты. Болѣе искусное употребленіе тѣхъ же самыхъ капиталовъ, напротивъ, уменьшаетъ цѣну произведеній, а затѣмъ понижаются и поземельныя ренты.

Вслѣдствіе накопленія новыхъ капиталовъ, увеличивается количество произведеній, но въ убывающей пропорціи, тогда какъ при лучшемъ употребленіи капиталовъ, произведенія умножаются въ пропорціи возрастающей. Нѣкоторые авторы утверждаютъ, что умноженіе капиталовъ всегда сопровождается увеличеніемъ ихъ полезности. Надо сознаться, что этимъ мнѣніемъ приписывается слишкомъ много чести человѣческому разуму. Оно принадлежитъ противникамъ поземельной ренты, которые думали найти въ немъ опору для своихъ отрицаній.

Истина здѣсь въ томъ, что малѣйшій прогрессъ въ производительной силѣ капиталовъ, болѣе обогащаетъ страну, чѣмъ значительныя сбереженія въ непроизводительныхъ издержкахъ частныхъ лицъ. Но за то изобрѣтатели рѣдки, тогда какъ сбереженіе доступно каждому, и умноженіе богатствъ путемъ сбереженій, вообще, господствуетъ. Благодаря этому обстоятельству, капиталы постоянно накопляются свыше того ихъ количества, при которомъ возможно бы употреблять ихъ съ одинаковою пользою.

Неравная польза капиталовъ — первоначальная причина поземельной ренты — будетъ всегда неизбѣжна, при всѣхъ возможныхъ успѣхахъ человѣчества въ будущемъ. Такъ, напримѣръ, никогда помѣщенія производства не будутъ находиться въ одинаковомъ разстояніи отъ рынка, и какія бы ни были усовершенствованія въ способахъ перевозки, капиталы, употребленные близъ рынка, доставятъ всегда, при равенствѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, болѣе дохода, чѣмъ употребленные въ большомъ отъ рынка разстояніи.

Точно также, сколько бы не изобрѣли способовъ умножать произведеніе относительно того же капитала и того же труда, въ каждое мгновеніе безпрерывнаго прогресса промысловъ, окажутся мѣстности,

которыхъ качества, положеніе, наружный видъ и т. п. различны, отъ чего и произойдетъ неравная производительность капиталовъ.

Наконецъ, невозможно себѣ представить безпредѣльное умноженіе произведенія, добываемаго на одномъ и томъ же мѣстѣ, иначе, какъ если это умноженіе происходитъ въ убывающей пропорціи относительно капиталовъ, послѣдовательно прилагаемыхъ къ мѣсту.

Усовершенствованіе, сдѣланное въ употребленіи новаго капитала, прилагается ко всему ряду прежнихъ капиталовъ, дѣйствующихъ въ томъ же производствѣ и на томъ же мѣстѣ. Поэтому, относительная полезность капиталовъ остается по прежнему различною и все, что прежде употребленные капиталы будутъ продолжать приносить сверхъ обыкновенныхъ процентовъ, войдетъ по прежнему въ поземельную ренту. Мы говоримъ, разумѣется, объ окончательномъ результатѣ неравенства производительности капиталовъ, послѣдовательно приложенныхъ къ мѣстности. Очевидно, что возвышеніе наемной платы происходитъ по мѣрѣ истеченія сроковъ найма и совершенія новыхъ контрактовъ; до тѣхъ поръ наниматель пользуется выгодами своего положенія.

Если бы мы стали слѣдить за всѣми переходами выгодъ, происходящихъ собственно отъ мѣстнаго преимущества, то увидѣли бы, что всѣ подобныя выгоды примыкаютъ окончательно къ доходу владѣльца мѣстомъ. Явленіе это не можетъ встрѣтиться въ случаѣ изобилія подобныхъ помѣщеній; конкурренція не допуститъ тогда никакого излишка выгоды, сверхъ обыкновеннаго прибытка въ промыслѣ. Для образованія излишка и для постепенной его передачи землевладѣльцу необходимо, чтобы помѣщенія были неравнаго качества или удобства, или, чтобы при одинаковыхъ свойствахъ, число ихъ было недостаточно относительно потребностей производства. Очевидно также, что излишки прибытка, происходящіе отъ необыкновенныхъ способностей производителя, какъ неподверженные конкурренціи, не войдутъ въ поземельную ренту, а останутся въ рукахъ того, кто ихъ выручаетъ.

Легко было бы оцѣнить поземельную ренту земледѣльческаго предпріятія, если бы земледѣліе находилось въ постоянномъ состояніи и производилось вездѣ раціонально и съ одинаковымъ искусствомъ. Въ дѣйствительности, такой порядокъ вещей невозможенъ, и поземельная рента далеко не ясно представляется наблюдателю. Мелочныя изысканія необходимы всякій разъ, когда хотятъ обозначить элементы дохода, входящіе въ составъ поземельной ренты.

По причинѣ неравныхъ старанія и познаній, съ которыми управляются земледѣльческія работы, два помѣстья, находящіяся въ одинаковыхъ естественныхъ обстоятельствахъ относительно качества и положенія мѣстности, даютъ весьма различный чистый доходъ. Между тѣмъ, плохо обработываемое помѣстье должно разсматривать какъ имѣющее одинаковую цѣнность, и какъ дающее одинаковую поземельную ренту со тщательно обработываемымъ помѣстьемъ. Разность доходовъ, въ подобныхъ помѣстьяхъ, зависитъ единственно отъ различія между ихъ владѣльцами, и измѣняется сякій разъ, когда помѣстья переходятъ въ другія руки.

Для оцѣнки поземельной ренты, напротивъ, должно взять въосноваиіе неизмѣняющіяся и непреходящія обстоятельства почвы земли, а не перемѣнныя и временныя, каковы личныя качества владѣльцевъ или арендаторовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствительный доходъ даннаго помѣстья не можетъ служить для оцѣнки поземельной ренты этого самаго помѣстья. Чистый доходъ помѣстья, обработываемаго общепринятымъ способомъ, человѣкомъ среднихъ способностей и познаній, могъ бы быть взятъ за нормальный при оцѣнкѣ поземельной ренты.

Если взять сумму всѣхъ чистыхъ доходовъ страны и вычесть изъ нее проценты всѣхъ употребленныхъ капиталовъ, то получится сумма всѣхъ поземельныхъ рентъ. Останется разверстать эту послѣднюю сумму по всѣмъ помѣстьямъ страны, сообразно ихъ относительнымъ преимуществамъ по положенію и качеству земли. Такимъ образомъ получится поземельная рента, причитающаяся каждому помѣстью.

Трудность практической оцѣнки поземельной ренты, какъ видимъ, весьма большая. Правда, что въ странахъ, гдѣ земли вообще арендуются, наемная плата содержитъ, кромѣ поземельной ренты, одни только проценты съ капитала, принадлежащаго владѣльцу, чѣмъ очень облегчается выдѣлъ ренты. Но если цѣль точнаго численнаго опредѣленія поземельной ренты состоитъ въ подведеніи ея подъ налогъ то затрудненія ея оцѣнки представятся не въ томъ только одномъ, что она часто спутана съ процентами на капиталы и съ барышами или потерями, происходящими отъ искусства управлять хозяйствомъ выше или ниже посредственнаго.

Кромѣ этихъ затрудненій есть болѣе важное въ томъ, что многія поземельныя ренты созданы недавно капиталами и трудами собственниковъ и должны быть разсматриваемы въ отношеніи къ налогу, не акъ какъ разсматриваются возникшія невольно, напримѣръ:

вслѣдствіе сгущенія народонаселенія, или хотя и намѣренно, но образованіе которыхъ произошло въ неизвѣстную или слишкомъ отдаленную эпоху, чтобы возможно было принять въ соображеніе столь загадочное участіе бывшихъ владѣльцевъ.

Поземельная рента опредѣляется разностью между стоимостью произведеній и ихъ рыночною цѣною, причемъ эта послѣдняя устанавливается, во всякое время, сообразно издержкамъ производства и доставки тогоже рода произведеній, но добываемыхъ въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, къ чему вынуждаетъ исполненіе требуемаго потребленіемъ количества. Поэтому, если разсматривать зависимость поземельной ренты только отъ рыночной цѣны, которая, напротивъ, внѣ всякаго вліянія на нее поземельной ренты, то землевладѣлецъ могъ бы всегда отдѣлить часть своего дохода, въ пользу государственной казны, не измѣнивъ ни въ чемъ предмета, средствъ и успѣха своей эксплуатаціи. Сборъ подобнаго налога былъ бы нетруденъ и недорогъ. Пропорціональный налогъ на поземельную ренту едва бы касался помѣстій, доставляющихъ мало поземельной ренты, а наименѣе выгодныя земли, которыя, по причинѣ ихъ дурнаго качества или удаленія отъ рынка, не даютъ никакой ренты владѣльцу мѣста, были бы совершенно изъяты изъ налога.

По всему этому, налогъ на поземельную ренту не долженъ бы имѣть вреднаго вліянія на успѣхи земледѣлія, на народонаселеніе, на капиталъ и на количество произведеній, добываемыхъ въ государствѣ. Хотя бы казна забрала сполна всѣ поземельныя ренты, казалось бы что ни обработка земли, никакой другой промыселъ, не были бы нимало этимъ затронуты, такъ какъ цѣна произведеній осталась бы таже, послѣ введенія налога, какая была до его постановленія.

Все это, конечно, справедливо въ отношеніи къ первоначальной поземельной рентѣ, существованіе которой обязано случайнымъ выгодамъ, не стоившимъ никакихъ расходовъ и трудовъ ни настоящему владѣльцу, ни его предшественникамъ, кромѣ развѣ общихъ всѣмъ жителямъ государства, въ видѣ разнаго рода налоговъ и пошлинъ. Подобная рента могла бы быть взимаема изъ дохода землевладѣльцевъ, безвредно народному труду и капиталу.

Но, въ дѣйствительности, владѣльцы усиливаются возвысить свой чистый доходъ. Тѣ изъ подобныхъ усилій, цѣль которыхъ—улучшеніе почвы, требуютъ обыкновенно весьма большихъ расходовъ. Когда улучшеніе принадлежитъ къ роду неизгладимыхъ временемъ, тогда возникающій отъ него доходъ присоединяется къ первоначаль-

ной рентѣ. Это приращеніе поземельной ренты, вызванное трудомъ и капиталомъ владѣльца, нельзя подвергнуть налогу безъ того, чтобы подобная мѣра не помѣшала приступить къ новымъ улучшеніямъ почвы. Между тѣмъ ничто такъ не благодѣтельно для страны, какъ усовершенствованіе его территоріи.

Итакъ, затрудненіе здѣсь въ томъ, что должно различать поземельную ренту искусственнаго и недавняго происхожденія отъ той, которая образовалась сама собою, или начало которой слишкомъ мало достовѣрно, чтобы можно было почесть основательнымъ домогательствомъ въ пользу нѣкогда пожертвованныхъ трудовъ и капиталовъ. Понятно, послѣ этого, почему попытки кодастральной оцѣнки поземельной ренты до сихъ поръ не удавались. Тѣмъ менѣе можно было ожидать въ этомъ дѣлѣ успѣха, что къ нему приступали съ самыми превратными о немъ понятіями. Такъ, напримѣръ, не подумали о томъ, что нерѣдко нѣкоторыя части помѣстья не даютъ никакого чистаго дохода; ихъ обкладывали менѣе другихъ, тогда какъ не слѣдовало вовсе подвергать ихъ налогу. Большею частію смѣшивали поземельную ренту съ процентами на употребленные въ производствѣ капиталы, принимая отдѣлимое отъ мѣстности имущество за мѣстныя выгоды.

Если бы намѣрены были установить налогъ на поземельную ренту со всею возможною справедливостью, и безъ всякаго въ чемъ бы ни было вліянія на промыслы страны, въ особенности же безъ вреда улучшенію земель, то слѣдовало бы учредить коммиссіи, составленныя изъ спеціалистовъ по политической экономіи, посвящающихъ себя на должность оцѣнщика поземельной ренты.

Правда, что этими коммиссіями значительно увеличились бы расходы на взиманіе налога, одно изъ достоинствъ котораго состоитъ именно въ дешевизнѣ сбора. Сверхъ этого, надо сознаться, что въ наше время весьма было бы трудно составить подобныя коммиссіи, такъ какъ между людьми, слывущими за экономистовъ, найдутся очень не многіе, если найдутся, которые бы не принимали болѣе или менѣе за истину, странныя недоразумѣнія нѣкоторыхъ талантливыхъ писателей, вздумавшихъ поставить себя противниками поземельной ренты [1]). Выставляютъ, напримѣръ, какъ новую мысль, что всякая поземельная рента одолжена своимъ существованіемъ народонаселенію. Какъ

[1]) Каковы: *F. Bastiat, Carey, Banfield, Paillottet, de Fonteney* и др.

будто кто предполагалъ когда-нибудь возможность ея появленія даже въ пустынѣ! Будь поземельная рента всегда и вполнѣ нетолько невольнымъ слѣдствіемъ общественной дѣятельности населенія, но даже произведеніемъ личныхъ и недавнихъ пожертвованій, нарочно сдѣланныхъ съ цѣлью выручать ренту, то и тогда, какъ мы кажется съ излишествомъ уже показали, характеръ и свойства доходовъ подобнаго рода ни въ чемъ бы не измѣнились, а остались бы тѣмъ, чѣмъ ихъ нашли тѣ, которыхъ думаютъ опровергнуть.

Утверждаютъ, что по мѣрѣ увеличенія количества произведеній, дѣйствіемъ прилагаемыхъ къ почвѣ капиталовъ, часть произведеній, составляющая поземельную ренту, уменьшается, тогда какъ достающаяся производителямъ—увеличивается. Это справедливо только относительно умноженія произведеній, происходящаго отъ лучшаго употребленія тѣхъ же капиталовъ. Но когда количество произведенія увеличивается вслѣдствіе одного только накопленія капиталовъ, безъ усовершенствованія въ искусствѣ ихъ приложенія ,тогда, напротивъ, увеличивается поземельная рента въ сравненіи съ частью, достающеюся трудившимся въ производствѣ.

Наконецъ, увѣряютъ, что наименѣе плодородныя земли были повсюду разработываемы прежде другихъ, и что въ послѣдовательныхъ распашкахъ, переходятъ всегда отъ менѣе хорошей къ лучшей землѣ, Справедливо, что есть много весьма плодородныхъ земель, требующихъ большихъ издержекъ для ихъ изготовленія къ обработкѣ. Для этихъ земель, но для нихъ только однѣхъ, приведенное положеніе справедливо; оно ошибочно для всякой другой земли. Было бы безумно начинать обработку земли не съ лучшихъ ея участковъ, если распашка ихъ не гораздо труднѣе распашки другихъ участковъ. Тотъ только, кто никогда не видалъ полей, можетъ себѣ вообразить, что расходы на распашку земель всегда пропорціональны плодородію почвы.

Мы потрудились опровергнуть этотъ послѣдній порядокъ потому, что о немъ много было толковъ, но хотя бы онъ былъ настолько же справедливъ, какъ необходимость населенія для образованія поземельной ренты, онъ не болѣе бы послужилъ къ опроверженію ученія, поддерживаемаго нами и непоколебимаго во всѣхъ своихъ частяхъ.

Таковъ, по нашему мнѣнію, полный и методическій кругъ *раціональныхъ* основаній Политической Экономіи.

Несогласія между собою авторовъ, служащихъ авторитетомъ въ

этой наукѣ, также невѣрность взглядовъ, неясность и сбивчивость понятій, встрѣчающіяся у современныхъ экономистовъ, заставили насъ, для удовлетворенія собственной нашей любознательности, заняться разъясненіями основныхъ истинъ науки. Желаемъ, чтобы обнародованный трудъ нашъ настолько же пособилъ читателямъ въ изученіи Политической Экономіи, насколько онъ пособилъ намъ самимъ

Ф 39-39

85-229

75к

4323

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай*
I	3	на современные	Взглядъ на современные
VII	19	пользы при	пользы чѣмъ при
XI	2	на возвышеніе	но, по ихъ мнѣнію, возвышеніе
XVI	4	тогда отъ	тогда, когда отъ
d°	13 снизу	на зако	закона
d°	3 снизу	16,000	1,600
XVII	1	40,	40 процентовъ
23	6 снизу	одну	одни
49	6 снизу	послѣдній	послѣднія
54	9 снизу	естественно	естественное
56	7 снизу	дѣйствующихъ;	дѣйствующихъ
63	12	участникомъ	участкомъ
75	7 снизу	$\frac{33\frac{1}{3}}{1^{\frac{1}{3}}}$	$\frac{1}{33\frac{1}{3}}$
102	9	исполненіе	пополненіе
104	8 снизу	порядокъ	парадоксъ

-K858858